

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ГУМАНИТАРНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научно-теоретический журнал

ISSN 2409-1030

**Выпуск № 3
2015**

Выходит 4 раза в год

Ставрополь
2015

Учредитель

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Северо-Кавказский федеральный университет»

Главный редактор

И. В. Крючков – доктор исторических наук, профессор

Заместитель главного редактора

Д. А. Смирнов – доктор юридических наук, профессор

Редакционный совет

А. А. Левитская – ректор СКФУ (председатель); **Д. А. Сумской** – д-р юрид. наук, профессор, первый проректор СКФУ (зам. председателя); **В. Ш. Авидзба** – канд. филол. наук, директор Абхазского института гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа Академии наук Абхазии; **А. В. Гладышев** – д-р ист. наук, профессор; **С. В. Гусаренко** – д-р филол. наук, профессор; **А. М. Ерохин** – д-р соц. наук, канд. филос. наук, профессор; **В. И. Карасик** – д-р филол. наук, профессор; **Т. Крюссман** – д-р юрид. наук, профессор (Австрия); **И. В. Крючков** – д-р ист. наук, профессор; **В. В. Мамонов** – д-р юрид. наук, профессор; **А. А. Мелконян** – д-р ист. наук, член-корр. НАН Республики Армения; **Л. П. Репина** – д-р ист. наук, член-корреспондент РАН; **Ф. Саваи** – д-р ист. наук, профессор, ректор Капошварского университета (Венгрия); **Д. А. Смирнов** – д-р юрид. наук, профессор; **Ю. Н. Стариков** – д-р юрид. наук, профессор; **О. И. Федотов** – д-р филол. наук, профессор; **Д. Д. Фролов** – д-р социально-политических наук, научный сотрудник Национального Архива Финляндии

Редакционная коллегия

И. В. Крючков – д-р ист. наук, профессор (председатель); **В. Ю. Апрыщенко** – д-р ист. наук, профессор; **К. Р. Амбарцумян** – канд. ист. наук (отв. секретарь); **В. В. Василенко** – д-р ист. наук, доцент; **Л. Н. Величко** – канд. ист. наук, доцент, (отв. секретарь); **Е. В. Галкина** – д-р полит. наук, профессор; **С. В. Гусаренко** – д-р филол. наук, профессор; **Е. Н. Ежова** – д-р филол. наук, профессор; **А. Г. Кибальник** – д-р юрид. наук, профессор; **И. Н. Ключковская** – д-р юрид. наук, профессор; **М. Е. Колесникова** – д-р ист. наук, профессор; **С. И. Маловичко** – д-р ист. наук, профессор; **О. И. Лепилкина** – д-р филол. наук, профессор; **Т. Н. Ломтева** – д-р пед. наук, профессор; **Н. Л. Московская** – д-р пед. наук, профессор; **И. В. Мухачев** – д-р юрид. наук, профессор; **Э. С. Навасардова** – д-р юрид. наук, профессор; **А. А. Серебряков** – д-р филол. наук, профессор; **С. В. Серебрякова** – д-р филол. наук, профессор; **Д. А. Смирнов** – д-р юрид. наук, профессор; **В. П. Ходус** – д-р филол. наук, профессор; **Т. А. Шебзухова** – д-р ист. наук, профессор; **О. С. Шибкова** – д-р филол. наук, профессор

Научный журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77-59452 от 22 сентября 2014 г.

Индекс 94078 «Объединенный каталог. ПРЕССА РОССИИ. Газеты и журналы»

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Абдрашитов Э. Е. Формирование пропагандистского аппарата в годы Первой мировой войны (опыт России и зарубежных стран).....	5
Гладышев А. В. Казаки в Море-сюр-Луан, или почему нельзя обижать жену мэра....	10
Головина Э. Т. Библиотечное дело в политике местных властей Ставрополя в 1930-е годы.....	16
Ермаков В. П., Мамедова Т. Н. Кризис крестьянского хозяйства на Ставрополье в начале XX века и проблема интенсификации аграрного сектора.....	20
Клычников Ю. Ю. Северо-Восточный Кавказ в царствование императора Николая I ..	26
Крючков И. В. Экономические связи России с Египтом в конце XIX – начале XX вв.	30
Лисюченко И. В. Ответственность князя в Древней Руси: языческое и христианское..	35
Лохова И. В. Германский закон 1883 г. о медицинском страховании и его роль в улучшении положения трудящихся.....	40
Птицын А. Н. Структура Австро-Венгерской иммиграции в Российской империи....	44
Рачков Е. С. Символы и эмблемы классических университетов Украины (1933–1991 гг.): визуальный образ советских вузов.....	49
Сызранов А. В. Деятельность некоторых нетрадиционных мусульманских организаций на территории Поволжья в конце XX – начале XXI вв.	54

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Гаврилова О. С. Присутствие законного представителя, педагога, защитника в ходе досудебного производства по уголовному делу с участием несовершеннолетнего обвиняемого, подозреваемого	58
Койбаев Б. Г. Государственная власть и институты гражданского общества в конституционно-правовом пространстве Российской Федерации.....	62
Станкевич Г. В., Касевич Е. В. Понятие финансового контроля: основные подходы....	67

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Бредихин С. Н. Герменевтико-ноэватическая обусловленность звукового состава лексем	72
Луговая Е. А. Мифопоэтические основания произведений жанра «fantasy».....	76

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Алиева А. В. Некоммерческий сектор как основа развития гражданского общества..	80
Галкина Е. В., Машенко М. С. Религиозная компонента современных политических процессов: негативные факторы терроризма	83
Галкина Е. В. Противодействие коррупции в современной России: взаимодействие государства и гражданского общества.....	88
Рыбасова М. В. Роль гражданского общества в политической модернизации: проблемы и направления развития.....	91
Сведения об авторах	94

CONTENTS

HISTORY AND ARCHAEOLOGY

Abdrashitov E. E. Forming of means of propaganda during the First world war (experience of Russia and foreign countries).....	5
Gladishev A. V. The cossacs in the Moret-sur-Loing or why the mayor's wife can't be offended	10
Golovina E. T. Librarianship in Stavropol local authorities' policy in the 1930-th.....	16
Ermakov V. P., Mamedova T. N. The crisis of the farming in Stavropol region in the early 20th century and the problem of the intensification of the agrarian sector.....	20
Klyichnikov Y. Y. The North-Eastern Caucasus during the reign of Nicolas I	26
Kruchkov I. V. Economic links of Russia with Egypt in the late XIX-th – early XX-th centuries.....	30
Lisyuchenko I. V. The responsibility of a prince in Ancient Russia: pagan and Christian....	35
Lokhova I. V. German health insurance law of 1883 and its role in improvement of the conditions of workers.....	40
Ptitsyn A. N. The structure of Austro-Hungarian immigration in the Russian empire.....	44
Rachkov Y. S. Symbols and emblems of Ukrainian classical universities (1933–1991): the visual image of soviet institutions of higher education.....	49
Syzranov A. V. The activities of some nonconventional muslim organizations in the Volga region in the late XX – early XXI centuries.....	54

LEGAL SCIENCES

Gavrilova O. S. The presence of a legal representative, a teacher and a defence lawyer during pre-trial proceedings in a criminal case involving a juvenile accused or a suspect.....	58
Koybaev B. G. State power and civil society in constitutional and legal space of the Russian Federation	62
Stankevich G. V., Kasevich E. V. Financial control: theoretical approaches.....	67

PHILOLOGICAL SCIENCES

Bredikhin S. N. Hermeneutic-noematic dependency of lexeme sound composition.....	72
Lugovaya E. A. Mythopoetic foundation in works of «Fantasy» genre.....	76

POLITICAL SCIENCES

Aliyeva A. V. The non-profit sector as a basis for the development of civil society.....	80
Galkina E.V., Matsenko M. S. Religious component of modern political processes: negative factors of terrorism.....	83
Galkina E. V. Counteraction of corruption in modern Russia: interaction between government and civil society	88
Rybasova M. V. The role of civil society in political modernization: problems and directions of development	91
Information about the authors	96

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

УДК 94(47).084.8

Э. Е. Абдрашитов

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОПАГАНДИСТСКОГО АППАРАТА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (ОПЫТ РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН)

В статье отмечается, что в условиях затягивания боевых действий обе воюющие стороны начинают особое внимание уделять пропаганде внутри страны и за ее пределами, мобилизуя для этого все ресурсы. Пропаганда российской стороны оказалась малоэффек-

тивной, что во многом зависело от низкого уровня образования большей части населения империи.

Ключевые слова: пропаганда, периодическая печать, патриотизм, Германия, Россия, Генеральный штаб, фотографии.

E. E. Abdrashitov

FORMING OF MEANS OF PROPAGANDA DURING THE FIRST WORLD WAR (EXPERIENCE OF RUSSIA AND FOREIGN COUNTRIES)

It is stated in the article that during the war when the military actions last a lengthy period of time both belligerent parties start to pay special attention to propaganda both inside and outside the country. They mobilize all their resources for that purpose. Russian propaganda

turned out practically ineffective, which was caused by a low educational level of the majority of the population of the Empire.

Key words: propaganda, periodicals, patriotism, Germany, Russia, General Staff, photos.

В первые месяцы войны, воюющие стороны осознали важность информационной войны и необходимость создания для ее проведения соответствующего пропагандистского аппарата, укомплектованного подготовленными кадрами.

В Великобритании стала формироваться мощнейшая пропагандистская машина, ни одна из стран Антанты в этом плане не могла сравниться с Лондоном. Она показала свою эффективность как внутри страны, так и за ее пределами. Первоначально в 1914 г. под эгидой Министерства иностранных дел Великобритании было создано Бюро военной пропаганды во главе с Ч. Мастерманом. К лету 1915 г. Бюро выпустило более 2,5 млн книг, листовок и официальных документов. С Бюро сотрудничали многие деятели британской культуры, включая Р. Киплинга. Г. Уэллса.

Затем было образовано Управление военной пропаганды, которое объединяло Министерство информации, проводившее

информационные войны за пределами Британской империи, и Национальный комитет по целям войны, занимавшийся агитационной работой внутри империи. Эти структуры издали печатной продукции в несколько миллионов экземпляров, распространяя ее в Германии, Австро-Венгрии, Османской империи и в нейтральных странах. Вся британская пресса подвергалась жесткой цензуре. На помощь пропагандистам были привлечены даже кино и музыка.

Еще до войны за пропаганду в Германии отвечал Отдел печати, созданный при Министерстве иностранных дел. Данный отдел больше интересовался укреплением имиджа страны за пределами страны. Опираясь на помощь германских посольств и других структур, отдел налаживал связи с местными изданиями, предлагая журналистам и редакторам газет крупные суммы за публикацию материалов, необходимых Германии. Кроме этого, за пропагандистскую работу отвечали

МВД Пруссии и соответствующий отдел при морском ведомстве.

С началом войны в Германии общее руководство пропагандистской кампанией было возложено на 27 организаций. Однако события в бельгийском городе Лувене заставили германское руководство поменять организацию пропагандистской кампании. Германские войска сожгли значительную часть города, включая местный университет и его старинную библиотеку. Этот факт вызвал бурю возмущения в странах Антанты и в нейтральных городах. В печати появились осуждения этого акта вандализма [10]. Германская сторона пыталась оправдываться, заявляя о вине местных жителей, стрелявших в германских солдат и спровоцировавших ответные действия. Дискуссию вокруг Лувена Германия проиграла.

После этого в октябре 1914 г. было создано Центральное бюро при министерстве иностранных дел во главе с бароном фон Муммом. Одновременно данной работой занималось военное ведомство и ряд других структур. Самым крупным из них являлось Управление печати военного времени, созданное в октябре 1915 г. При штабах фронтов и армий создавались собственные Управления печати. Следует отметить, что между военными и гражданскими чиновниками постоянно шла негласная конкуренция и взаимные обвинения в неэффективности. В декабре 1915 г. генерал Э. Людендорф предложил создать единое Центральное бюро при канцлере Германии, чтобы объединить усилия военных и гражданских пропагандистов и исключить элемент соперничества между ними.

В 1917 г., когда ситуация в Германии и вокруг нее начала осложняться, власти страны предприняли реформирование пропагандистского аппарата Германии. Центральное бюро при МИДе было ликвидировано, а вместо него создано Бюро при военном командовании во главе с М. Эрцибергером – одним из лидеров партии католического центра. Такое назначение не было случайным, так как Берлин в своей информационной войне против Антанты постоянно стремился опереться на поддержку католической церкви Европы и Ватикана. При МИДе был образован Отдел военной пропаганды во главе с полковником фон Гефтенем. Следовательно, военным удалось удержать победу и полностью поставить пропагандистскую машину Германии под свой контроль.

В России пропагандистская война велась бессистемно, хаотично, без наличия единого контролирующего начала. В первые месяцы войны во многих армиях не удалось должным образом поставить агитацию и пропаганду, так как особенно на начальном этапе стране не хватало полиграфического оборудования и профессиональных кадров. Во главе войсковых газет зачастую оказывались люди, не подготовленные для этой работы [7]. Военное министерство, Генеральный штаб выдавали различные агитационные издания. Затем к этой работе подключились фронтовые, армейские и даже корпусные газеты. Однако качество изданий было на таком низком уровне, что в большинстве случаев они не пользовались доверием среди солдат. Их содержание было полностью направлено на убеждение военнослужащих в успешном исходе войны, тиражировании армейской героики.

В 1915 г. при ставке Верховного Главнокомандующего было создано Бюро печати, которое должно было собирать информацию, поступающую из стран Антанты и ее противников, в том числе и агитационные издания, готовить собственную агитационную продукцию и распространять ее в России и за ее пределами. Большие надежды Бюро возлагало на сотрудничество с российской периодикой. Бюро планировало издавать собственное периодическое издание в виде «большой политической газеты», но вскоре от этого проекта отказались ввиду недоверия российского общества к различного рода официозам [11, с. 38]. Затем стали появляться различные варианты «прикрепления» корреспондентов ведущих российских и иностранных газет к Ставке Верховного Главнокомандующего. Великий князь Николай Николаевич разрешил аккредитовать при Ставке 10 журналистов, из них всего 3 представителя российских изданий [11, с. 135]. Бюро до самой февральской революции 1917 г. не смогло выстроить четкую системную работу с российской периодикой.

К 1916 г. стало очевидно, что Бюро не в состоянии выстроить диалог с собственной периодической печатью. С одной стороны, это было связано с непрофессионализмом сотрудников Бюро, стремившихся бесцеремонно навязывать свою волю российским газетам; с другой стороны, с набирающим силу расколом между властью и обществом. Общественность, в том числе журналисты, все

меньше доверяла власти и не желала активно идти на сотрудничество с ней. «Но наша печать, к прискорбию, не выполняет свои обязанности в этом отношении (распространение патриотизма и консолидация общества. – Э. А.)», – писал по этому поводу главный редактор «Голоса Москвы» Б. И. Ивинский (Барский) [11, с. 39].

Часть высшего офицерства понимала необходимость обеспечения солдат печатной продукцией. Но положение дел в этом направлении также выглядело неутешительным. В 1914 г. в армии попытались распространять, издававшуюся в Москве официальную газету «Голос Русского», но она не пользовалась авторитетом на фронте. Летом 1915 г. в недрах генерального штаба возник план распространения в армии «Московских ведомостей» без предварительной цензуры, но данный проект не нашел понимания у высшего командования. Следует отметить, что с самого начала войны взаимоотношения руководства армии с прессой не ладилась. В конце августа 1914 г. командующий Юго-западным фронтом генерал Н. У. Иванов запретил приезд на фронт журналистов. В 1915–1916 гг. на этой почве между журналистами и военными постоянно возникали конфликты. Представители прессы постоянно приводили в пример русско-турецкую войну 1877–1878 гг., когда они пользовались полным доверием властей и не имели стеснений в работе [11, с. 133].

Армейское командование пыталось издавать собственные газеты. Удачным можно считать издание «Армейского вестника» и «Нашего вестника». Остальные армейские газеты не пользовались популярностью, их не было даже в списке обязательной рассылки в Бюро печати.

Значительную роль в представлениях российских властей для поднятия патриотического духа населения страны должно было играть издание агитационных брошюр. Только к лету 1915 г. выходило 1 959 наименований книг общим тиражом в несколько миллионов экземпляров. Газеты пропагандировали образы героев войны, наиболее популярным в этом плане был казак Козьма Крючков [6]. В мае 1915 г. на все фронты были направлены военно-художественные отряды, которые должны были фотографировать и зарисовывать примеры успехов российской армии для последующего распространения в стране,

в том числе с помощью периодической печати. После падения Трабзона наши хронисты сняли специальный документальный фильм, посвященный данному событию для показа на фронте и в тылу [11, с. 817]. Кстати, кинохроника пользовалась большим успехом во всех воюющих государствах.

Для проведения работы в нейтральных странах Генеральный штаб при поддержке других структур создал телеграфное агентство «Нордюд» с представительствами в Бухаресте, Стокгольме и Копенгагене. Агентство должно было проводить пропагандистскую работу в странах, соблюдавших нейтралитет, стремясь таким образом усилить позиции России в этих государствах. Однако значительные финансовые вливания и заверения российских представителей агентства в эффективности работы не убедили Петроград в целесообразности дальнейшей работы данной организации, и в мае 1916 г. она была ликвидирована, а ее функции возлагались на другие структуры.

Интерес России к нейтральным странам не был случайным. Как уже отмечалось, пропагандистские войны в 1914–1917 гг. развернулись и на их территории. С одной стороны, часть из них воюющие стороны хотели привлечь на свою сторону и по возможности подключить к боевым действиям. С другой стороны, через нейтральные страны можно было передавать информацию на территорию противника и своим союзникам. В России за это направление работы отвечали МИД, военное ведомство и Петроградское телеграфное агентство. В целом следует признать, что Россия здесь проигрывала своим конкурентам, в большей степени оправдываясь, а не отстаивая свою точку зрения. Этому способствовали военные поражения, внутренние неурядицы, отсутствие профессиональных кадров. По мере нарастания в стране внутривосточного кризиса позиции России в нейтральных государствах ослабевали [2, с. 107]. Мошь и сила России ставились под сомнения как представителями политической элиты этих стран, так и рядовыми жителями.

Все воюющие стороны активно привлекали к пропагандистским войнам представителей интеллектуальной элиты, в том числе известных художников, поэтов, писателей, актеров и т.д. Школа, университеты, культура полностью были поставлены на службу

пропаганде. Так, например, 4 октября 1914 г. германский ученый М. Вебер и другие 93 известных ученых и представителей культуры Германии, в том числе Л. Brentано, Ф. Науман, Л. Фульд подписали манифест «К культурному миру», где они всю вину за начало войны возлагали на Россию и ее союзников, в манифесте они говорили о зверствах российской армии против мирного населения. Некоторые философы договорились до того, что назвали войну чистилищем, укрепляющим силу нации! Важным элементом пропагандистских кампаний становится использование сюжетов, связанных с нарушением прав людей, интернированных на территории противника.

Представители искусства воюющих сторон также оказались втянутыми в противостояние. Войну 1914 г. воспевал Н. Гумилев, называя ее святой и великой, сравнивая участие в ней с религиозным подвигом [8, с. 97]. Над патриотическими лубками работали В. В. Маяковский и К. С. Малевич, патриотизм был присущ А. Блоку, хотя после 1917 г. он изменил свое отношение к этому вопросу [5, с. 26].

Русских пленных, находившихся в Германии, удивляло другое: насколько германские интеллектуалы быстро усваивали низкопробную пропаганду [14, с. 184–186]. С германским обывателем было все понятно, хотя многие бюргеры сохраняли благоразумие и моральные принципы. Профессор политической экономии, выражавший до войны восторг от британской политической экономии, сразу после начала войны начал клеймить Британию и все что, с ней было связано. Приват-доцент Фрайбургского университета, читавший курс философии и много рассуждавший о морали и нравственности, в августе 1914 г. призывал к уничтожению врагов «Великой Германии» и т. д. [9, с. 119]. Редкие разговоры россиян с представителями германской интеллектуальной элиты сводились к однотипному сценарию: попытки урезонить немцев и обвинить их в жестокости парировались соображениями военной целесообразности. В Австро-Венгрии наблюдалась такая же картина, когда писатели и ученые бросились на защиту своего отчества, забыв о здравом смысле [14, с. 185].

В целом следует отметить, что действия российской пропаганды нельзя назвать удачными. Генерал А. А. Брусилов с горечью

подчеркивал, отмечая техническую неготовность страны к войне и провал пропагандистской кампании в России: «Еще хуже была у нас подготовка умов народа к войне. Она была вполне отрицательная ... Даже после объявления войны прибывшие из внутренних районов России пополнения не понимали, какая это война свалилась на их головы...» [3, с. 81–82]. Власти России не до конца осознавали важность укрепления пропагандистской работы как внутри страны, так и за ее пределами. Внутри страны неудачи российской пропаганды во многом были связаны с социокультурными особенностями русского общественного сознания, они «своими корнями уходили в неразвитость массовой культуры в дореволюционной России» [1, с. 65].

Практически поголовная неграмотность населения затрудняла проведение пропагандистской работы на передовой и в тылу российской армии. «Солдат не только не знал, что такое Германия и тем более Австрия, но он понятия не имел о своей России-матушке. Он знал свой уезд и, пожалуй, губернию ... и на этом заканчивалось его знакомство со своим Отечеством. Откуда же было взяться тут патриотизму, сознательной любви к великой родине?» – писал по поводу культурного уровня солдат российской армии генерал А. А. Брусилов [3, с. 83].

В стране медленно развивался рынок печатной продукции, несмотря на увеличение спроса на газеты в годы войны. Средства массовой информации слабо адаптировали материалы к особенностям крестьянского менталитета и образа жизни. Поэтому ставка на средства массовой информации как проводник правильных и нужных властям идей полностью провалилась. Солдаты и крестьяне не понимали язык газетных статей. Оптимизм газет не стыковался с апатией фронтовиков. Поэтому для них важным источником информации были слухи. Пропаганда ориентировалась на прошлое и настоящее, а слухи – на будущее.

После первоначального подъема патриотических чувств в российском обществе начинает нарастать усталость от войны. Крестьяне интересовались войной, но это был своеобразный интерес, люди мало что понимали в «высокой политике», их больше волновала война с точки зрения ее влияния на хозяйство и близких, оказавшихся на фронте.

Патриотизм отсутствовал и в письмах солдат с фронта, в них содержались в основном рекомендации родным и близким, оставшимся в тылу, о способах ведения хозяйства, о супружеской верности, жалобы на трудности жизни в тылу и на фронте [12, с. 169].

Внутри страны и за ее пределами российская пропаганда постоянно обыгрывала проблему славянского братства. В то же время в России многие политики данный аспект сводили к «горячему» желанию всех славян присоединиться к России [1, с. 14]. Этот тезис не находил понимания среди большинства зарубежных славян. Причем русские крестьяне и солдаты с трудом представляли, например, что из себя представляет Сербия и где она находится [3, с. 82–83]. Поэтому российские солдаты мало понимали смысл тех агитационных брошюр, которые оказались у них на руках.

Часть российских интеллектуалов так же противоречиво относилась к войне. М. Волошин отмечал разницу в российском и французском патриотизме. Франция напрягла « всю волю и мускулы » для победы, Россия же погрязла в индивидуальном и парадоксальном взгляде на войну, поэтому, пишет Волошин, « мы имеем право не желать поголовного истребления германской расы; русская военная цензура гораздо более милостива, чем французская ... » [4, с. 181]. М. Цветаева осуждала крайности антигерманской кампании [13, с. 76].

Сила контрпропаганды противников России заключалась в том, что она больше ориентировалась не на объяснение высоких геополитических проблем, а обращалась к повседневности солдат. В частности, Австро-Венгрия не имела значительных ресурсов для организации собственной массовой пропагандистской кампании, но ее действиями очень опасалось высшее военное руководство России. Австро-венгерские листовки призывали российских солдат сдать в плен, после чего сразу закончатся их мучения и они смогут спокойно переждать войну в плену, а затем без препятствий вернуться домой. Российская пропаганда ориентировалась на военные успехи, а их было мало. В этом и заключалась ее главная проблема [1, с. 13].

Весной-летом 1915 г. российская армия терпела тяжелые поражения по всему фронту, что сопровождалось общим отступлением. Затягивание боевых действий в купе с потерей колоссальных территорий негативно отразилось на экономическом состоянии страны. Ура-патриотические настроения, господствовавшие в обществе на протяжении первых месяцев войны, сменились вполне ожидаемой апатией и неверием в способность власти привести страну к победе. Поэтому в прессе все чаще стал подниматься вопрос, который всех волновал – « Кто виноват? ». Начался новый виток поиска общего врага, что могло бы консолидировать общество.

Литература

1. Асташов А. Б. Пропаганда на русском фронте в годы Первая мировой войны. М.: Спецкнига, 2012.
2. Асташов А. Б. Политическая пропаганда на нейтральные страны в годы Первой мировой войны: организация, средства, методы // Европейские сравнительно-исторические исследования. Европейское измерение политической истории. М.: ИВИ РАН, 2002.
3. Брусилов А. А. Мои воспоминания. М.: Воениздат, 1963.
4. Волошин М. А. Автобиографическая проза. М.: Книга, 1991.
5. Гиппиус З. Н. Живые лица. Т.1. Тбилиси: Мерани, 1991.
6. Голос Самары. 1915. № 15.
7. Голос фронта. 1917. № 10.
8. Гумилев Н. С. Шестое чувство. М., 1990.
9. Гуревич Б. В плену // Русская мысль. 1915. № 2.
10. Киевская мысль. 1915. 20 января.
11. Лемке М. К. 250 дней в царской ставке (25 сентября 1915 – 2 июля 1916 гг.). Пг.: Госиздат, 1920.
12. Оболенская С. В. Германия и немцы глазами русских (XIX в.). М.: ИВИ РАН, 2000.
13. Цветаева М. И. Стихотворения и поэмы. М.: Худож. лит., 1990.
14. Цвейг С. Вчерашний мир. Воспоминания европейца. М.: Вагриус, 2004.

ВДК 94 (4) "1914/19"

А. В. Гладышев

КАЗАКИ В МОРЕ-СЮР-ЛУАН, ИЛИ ПОЧЕМУ НЕЛЬЗЯ ОБИЖАТЬ ЖЕНУ МЭРА

В работе рассматривается один эпизод из кампании 1814 г. во Франции – пребывание войск союзников в Море-сюр-Луан. В этом городе в феврале 1814 г., помимо австрийцев, были и казаки. Образ казака, сформированный в начале XX в. одним местным краеведом

Ж. Лиоре, некритично транслируется в последующую историографию, требует комментариев и уточнений.

Ключевые слова: Кампания 1814 г., Море-сюр-Луан, казаки, исторические образы, пропаганда, антирусские стереотипы.

A. V. Gladishev

THE COSSACS IN THE MORET-SUR-LOING, OR WHY THE MAYOR'S WIFE CAN'T BE OFFENDED

The paper deals with an episode of the 1814 campaign in France – the sojourn of Allied troops in Moret-sur-Loing. In this city there were Cossacks besides the Austrians in February 1814. The image of the Cossack formed in the early twentieth century by a local historian G. Lioret is

В кампании 1814 г. войска союзников наступали на территорию Франции с трех направлений: с севера, юга и востока. «Главной армией», или «Богемской армией», самой многочисленной и престижной, ибо ее сопровождали суверены, командовал непосредственно главнокомандующий всех войск союзников Карл Филипп фон Шварценберг. В ней насчитывалось 200 000 человек, 61 000 из которых – русские. Помимо регулярных частей, имелись еще нерегулярные полки: 20 полков башкир, 4 полка крымских татар, 3 полка калмыков. Основные силы Главной армии вступили во Францию через территорию Швейцарии и двинулись к Лангру, Шомону, Труа и левому берегу Сены [6, р. 63–64]. Продвигались быстро: к 13 (25) января вся территория к востоку от линии Шарлевиль – Мезьер – Сен-Дизье – Шомон – Лангр – Дижон была оккупирована союзниками. На левом фланге Главной армии действовал летучий казачий отряд под командованием М. И. Платова, которому 12 (24) января была поставлена задача установить контроль над дорогой Париж – Дижон через Фонтенбло, занять Море-сюр-Луан и Немур и отрезать Париж от

borrowed uncritically by the later historiography, which requires comments and clarifications.

Key words: French campaign of 1814, Moret-sur-Loing, Cossacks, historic images, propaganda, anti-Russian stereotypes.

юга Франции [7, р. 170]¹. Сходу занять Немур и Море-сюр-Луан силами отдельной партии казаков не удалось, а когда Платов двинулся на Немур всеми своими силами, то в направлении Море-сюр-Луана одновременно выступил отряд австрийского генерала И. Хардегга, в котором также были казаки².

Вторжение в округу Море-сюр-Луан в 1814 г. описано в небольшой монографии краеведа Жоржа Лиоре, которая до сегодняшнего дня остается наиболее полным изложением событий [4]³. Те редкие историки последующих десятилетий, что так или иначе затрагивали в

¹ Море-сюр-Луан находится на южной окраине леса Фонтенбло, недалеко от впадения Луана в Сену. Немур расположен относительно Море-сюр-Луан выше по течению Луана, к югу от Фонтенбло и в 100 км к юго-востоку от Парижа. В обоих городах находятся важные переправы через Луан.

² Генерал-майор граф И. Г. Хардегг-Глац унд им Макланде (1778–1854) командовал бригадой в легкой дивизии своего брата фельдмаршал-лейтенанта графа И. А. Л. Хардегг-Глаца унд им Макланде.

³ Журнальный вариант текстуально не отличается от книжного: Lioret M. G. 1814–1815 a Moret et dans les environs; 1re partie (Invasion de 1814) // Annales de la Societe historique et archeologique du Gatinais. 1904. Т. 22. (Далее сноски даются на монографию).

своих работах этот сюжет, непременно ссылались на Лиоре как на безусловный авторитет и даже как на классика, в исключительных случаях позволяя себе уточнения и частные дополнения, но не никак не подвергая сомнению саму методику исследования и формирования исторических образов.

Обращаясь к событиям в Море-сюр-Луан, уточним и поправим картину, написанную Лиоре, прокомментируем тот образ казака, который сформирован этим автором и некритично транслируется другими, укрепляя в массовом сознании антироссийские стереотипы.

Жорж Лиоре писал, что Море-сюр-Луан был неплохо укреплен: высокая стена, искусственный канал шириной в два метра, чьи берега к тому же прикрывали высокие изгороди садов; редут, защищающий построенный еще римлянами широкий мост. Город активно готовили к приходу противника: день и ночь строили палисады, все лодки отправили в Мелен и Париж. Первый случай появления противника у стен Море-сюр-Луан связан с действиями казачьей партии И. Я. Шперберга из отряда Платова, которой предписывалось, в частности, оккупировать Море-сюр-Луан, захватить баржи и транспорты, сломать у них весла, мачты (чтобы уплыть было невозможно, а провизия не утонула), после чего отправить отсюда партию в соседний Монтеро-фот-Йонн [8, р. 60]. 29 января (10) февраля Шперберг продвинулся до Виль-Сен-Жак и занял дорогу на Море-сюр-Луан. Командующий 2-й резервной дивизией К. П. Пажоль (Pajol) вынужден был в ответ послать национальных гвардейцев М. М. Пакто (Pacthod) в Море-сюр-Луан, а самому с кавалерией занять коммуну Фоссар, расположенную на перекрестке дорог перед Монтеро-фот-Йонн. Эпизод с появлением казаков у стен Море-сюр-Луан под пером Лиоре, который цитирует «документ эпохи» – донесение префекта министру внутренних дел, выглядит довольно воинственно и даже патетически. Как следует из этого донесения, под Море-сюр-Луан казаки в первый раз встретили достойный отпор: это жители города открыли пальбу из ружей, и казаки отступили на Экюэль [4, р.31]. Другой же краевед, А. Ж. Дюмениль, разгоняя пороховой дым баталии, как дым от сигары, бесстрастно указывал, что в этот день у стен Море-сюр-Луан

появился лишь небольшая партия казаков, которые произвели несколько выстрелов и отошли к Экюэль [2, р. 88]. Но французским историкам позиция Лиоре ближе: «31 января (12 февраля), – читаем у А. Аллера, – весь день войска Пажоля и небольшой гарнизон Море боролось с казаками» [1, р. 76].

Эта демонстрация, произведенная казаками из отряда Шперберга под Море-сюр-Луан, сопровождается в публикации Лиоре этнографической зарисовкой, источник которой не сообщается, но можно предположить, что это были записи мэра Вьё: «Родом из берегов Азовского моря и берегов Дона казаки были мужчинами татарского типа, среднего роста, бородатыми и некрасивыми. Их одежда состояла из длинного левита, застегивающегося спереди и подпоясанного вокруг поясицы кушаком. Те, кто побогаче, носили разновидность халата из синего сукна с красным поясом. Поверх накидывали еще баранью или медвежью шкуру. Некоторые водружали себе на голову высокую цилиндрическую шапку, другие – круглую широкополую шляпу, похожую на ту, что носят наши овернцы. Об униформе как таковой говорить не приходится, они, казалось, были удовлетворены своей грязной и жирной одеждой» [4, р. 32]. «Почти все были верхом, но некоторые ехали в повозках. Слившие отличными всадниками они восседали в высоких седлах на длинногривых лошадях, плохо сложенных, но сильных и быстрых. Эти седла, известные как казачьи седла, освобождали на крупе лошади место, которое использовалось для перевозки добычи. Не используя шпоры, они обычно заменяли их кнутом; их пики, с которыми они очень ловко управлялись, достигали от восьми до десяти футов в длину. Привыкшие к грабежу, когда они не находили для грабежа врага, они крали у своих руководителей или крали вместе с ними; они, казалось, подошли бы скорее толпе Картуша, чем армии одного из главных суверенов Европы» [4, р. 33]. Это же сравнение использовал в своей книге без всякого указания на источник еще А. Дюран [3, р. 134]. «Наряду с этими бандитами, – продолжает излагать Лиоре – были еще регулярные казаки, немного более лучше одетые и более дисциплинированные, чем первые, но все же мало отличающиеся от них поедатели сальных свечей. Понимали они только одно внушение – порку» [4, р. 33].

Почему одно лишь упоминание о появлении 31 января (12 февраля) казаков у стен Море-сюр-Луан вызывает у мэра столь уничижительную тираду, что он даже готов «в своем дальнейшем повествовании» поставить под сомнение «личную храбрость казаков»? Видимо, здесь, действительно, что-то личное...

Во второй раз противник появился под Море-сюр-Луан 3 (15) февраля. Фельдмаршал-лейтенант Ф. Биянки в этот день предписал дивизии Игнаца Хардегга расположиться с большей частью своих войск на квартиры в Вильсерф, расставив аванпосты у Сен-Мамм (Saint-Mammis), Эпизи (Episy), Нонвилль (Nonville), Немура (Nemours), и занять Море-сюр-Луан в случае, если город будет слабо защищен¹.

В распоряжении Хардегга, по подсчетам Вейля, были на тот момент две батальона пехоты (1 100 чел.), 6 эскадронов драгун (618 чел.), 6 эскадронов гусар полка Гессен-Хомбург (648 чел.) и «два слабых полка казаков» (350 чел.), т. е. всего 2 716 человек и 10 пушек [8, p.112–114]². Лиоре, видимо, заимствовал эти цифры у Вейля, добавив загадочное: два эскадрона «cosaques de Pülk» [4, p. 41]³.

Между тем, идентификация этих полков возможна. В другом месте обширного сочинения Вейля есть упоминание, что в соответствии с предписанием от 9 (21) января Шварценберга, к легкой дивизии Хардегга должны были присоединиться два казачьих полка из отряда Карла Шайблера (т. е. полки Д. Ф. Горина и Т. Б. Эльмурзина) [7, p. 161].

¹ Лиоре здесь ссылается на заметки Антона Маркса (Marx), обер-лейтенанта 19-го пехотного полка Ландграфа Гессен-Хомбургского, опубликованные в одном австрийском военном журнале в 1842 г. А мог бы сослаться и на Вейля, который пишет тоже самое [8, p.112].

² Данные других источников отличаются лишь количеством человек в частях. В отряд И. Г. Хардегга входили: 2 батальона 12-го полка немецких граничар из генералата Банат (Pancsova) – 1075 человек; 6 эскадронов 6-го драгунского полка графа Йохана Риша (Riesch) – 604 человека; 6 эскадронов 4-го гусарского полка эрбпринца Фридриху Гессен-Гомбурга (Prinz zu Hessen-Homburg) – 720 чел., 2 полка казаков – 300 человек и одна артиллерийская батарея. См. также: Woinovich E. von. Kämpfe in Süden Frankreichs 1814 // Woinovich von Belobreska E., Veltzé A. Oesterreich in den Befreiungskriegen 1813–1815. 10 Bd. Wien-Leipzig: A. Edlinger, 1911–1914. Т. 6.

³ Видимо, надо понимать: «2 казачьих полка».

Гарнизон Море-сюр-Луан под командованием генерала А. Монбрена состоял из двух рот стрелков из департамента Сены-и-Марны, расквартированных в городе с конца января, 1 000 национальных гвардейцев, отправленных сюда Пажолем 8 февраля, 400 таможенников, которых привел с собой Монбрэн, 80 драгун и 4 егерей, прибывших буквально накануне появления неприятеля, а также 300 воспитанников военной школы в Фонтенбло, направленных сюда Лавинем. Итого – 1800 человек с 5 пушками [4, p. 43].

Сначала разведка австрийцев под командованием капитана Шонборна (Schonborn) докладывала Хардеггу, что французы намерены защищать город: даже пехоту рассыпали вдоль берега канала. Однако это новое появление врага вызвало в гарнизоне дезорганизацию. По словам Монбрена, национальные гвардейцы были «удивлены» интенсивностью обстрела и напору атакующих. Их моральный дух был столь подавлен, а сопротивление столь вялым, что Монбрэн, потеряв 25 человек, счел необходимым между 4 и 5 часами дня эвакуироваться из Море-сюр-Луан и отступить на Фонтенбло, а оттуда на Эссон и Корбей [4, p. 54]⁴. Жители с тяжелым сердцем разошлись по домам, на их лицах застыло выражение тревожного ожидания. Самые пугливые предпочли спрятаться в лесу⁵.

Как только 3 (15) февраля в 6 вечера французские войска оставили город, появились казаки. 9 казачьих офицеров со своими денщиками расположились в доме мэра⁶. По воспоминаниям мэра, вместо благодарности за приют эти «несносные и грубые персона-

⁴ Перед эвакуацией из Море-сюр-Луан, Монбрэн безуспешно пытался передать гарнизону Немура приказал отступить. [8, p.115]. Как писал Лашук, «генерал Александр Монбрэн легко уступил лес Фонтенбло казакам» [12, с. 74] Монбрэн будет отстранен от должности 5 (17) февраля и предстанет перед следственной комиссией, которая, впрочем, его оправдает.

⁵ Лиоре обнаружил в архиве письмо префекта военному министру, из которого следует, что это движение войск союзников вперед вызвало большую тревогу в Мелене. Не чувствуя себя здесь больше в безопасности, префект вечером 3 (15) февраля вместе с другими правительственными функционерами и членами администрации переместился из Мелена в Бри-Ком-Робер. [4, p. 54].

⁶ Когда в город придет сам Хардегг, он займет под квартиру дом нотариуса Клемена (Clément) напротив мэрии.

жи» угрожали его жене и служанке Шарлотте наказать их палкой, несмотря на все старания последних удовлетворить потребности непрошенных гостей [4, р. 52]. Самому же мэру было некогда вникать в грубый казачий юмор, он находился в мэрии, где вместе с заместителем пытался придумать, как обеспечить постоянно растущие запросы захватчиков. «Ему не позволяли выйти, ему показывали кулак, его оскорбляли, он провел в мэрии ночь полную мучений», – по крайней мере, так дело было представлено в его рапорте, опубликованном в «Journal de l'Empire». Оставив свои личные проблемы, он погрузился в дело спасения города, судьба которого зависела от его благоразумия, его умеренности, его мудрости и присутствия духа!» [4, р. 52]. В не устающей чернить казаков «Journal de l'Empire» также утверждалось, что казаки, находясь в винодельческом регионе Море-сюр-Луан, как «большие любители вина» охотно потребляли его и даже злоупотребляли им. Пример в этом им подавал сам атаман Платов, который по ночам так напивался, что утром не мог сесть на лошадь¹. И ведь ничего, что Платова в Море-сюр-Луан вообще не было!

«Союзники, – вспоминал мэр, – было начали грабить город, но все беспорядки были быстро пресечены приказом Хардегга». Прибыв в город, генерал направился навстречу с мэром и членами городского совета: «его первый акт власти заключался в реквизиции 4 000 ливров хлеба, двух бочек старого вина и семи коров». «Пять раз» обойдя вечером город, Вьё отправился ночевать в мэрию: «повсюду царило спокойствие, завоеватели устали, завоеванные находились в прострации. Эта глубокая тишина тем более впечатляла, что она сменила оглушительную пальбу из ружей и пушек» [4, р. 53].

Хардегг, заняв город, выставил свои аванпосты гессен-хонбургских гусар в лье перед Море-сюр-Луан в лесу Фонтенбло. Большая часть русско-австрийской кавалерии расположилась позади Море-сюр-Луан, в коммунах Экюэль (Écuellles), Монтарло (Montarlot) и Вильсерф (Villocerf). В Вильсерф, в которой еще недавно гарцевали казаки из партии И. Я. Шперберга, в большой тесноте стал на квартиры 6-й полк австрийских императорских драгун.

¹ Journal de l'Empire. 1814. 21 février. P.1.

Разместив большую часть русско-австрийской кавалерии за городом, граф Хардегг отправился в Фонтенбло, чтобы осмотреть императорский дворец, а вернувшись в Море-сюр-Луан, он обнаружил здесь подкрепление в два батальона фузилеров. Новые войска прибыли к 10 вечера: в домах на ночлег располагалось по 20, 30, 40 человек. Всего численность гарнизона союзников в Море-сюр-Луан достигла тогда 4 000 человек [4, р. 54]. Из соседних коммун в Море-сюр-Луан предусмотрительно свозили провизию: Венё-Надон (Veneux-Nadon) поставил 1 000 вязанок сена и 4 коровы, Монтины – 500 вязанок сена, 10 мешков овса и 4 коровы, Томери (Thomery) – 2000 вязанок сена, 10 мешков овса и одну корову, Сен-Мамм (Saint-Mammis) – две коровы, Шампань (Champagne) – две коровы, Верну (Vernou) – 1 000 вязанок сена, 50 мешков овса и 6 коров, Ла Сель (La Celle) – 10 мешков овса, Самуа (Samois) – четыре коровы, Саморо (Samoreau) – мешков овса и 3 коровы. Всего 4 500 вязанок сена, 100 мешков овса и 26 коров. Тем самым у муниципалитета появилась уверенность, что провизии в городе хватит на несколько дней [4, р. 54].

Проза этих сухих цифр из найденного Лиоре в городском архиве отчета муниципалитета контрастирует с поэзией «Journal de l'Empire». Из воспоминаний мэра Море-сюр-Луан, торговца тканями Вьё, видно, что первое появление в городе казаков и австрийцев не доставило жителям серьезных проблем, попытки грабежа были пресечены и самое большое неудобство доставляли лично мэру и его жене постояльцы казачьи офицеры, в городе же «царило спокойствие». Но первое же упоминание о казаках вызывает у мемуариста приступ желчности: казаки – природные грабители и бандиты, понимающие только порку. Видимо, события последующих дней детерминируют общую интонацию всех воспоминаний.

Судя по воспоминаниям мэра, беспорядки начались в ночь с 4 (16) на 5 (17) февраля: некоторые жители были избиты и ограблены, некоторые бежали в лес, чтобы избежать насилия со стороны казаков, «некоторые женщины и девушки стали жертвами их брутальности» [4, р. 55]. Вьё попытался было в первом часу ночи обратиться с призывом к Хардеггу восстановить порядок, но тот якобы

ответил, что казаки являются независимым отрядом и он не может никак на них повлиять [4, р. 56]. На этом неприятности для мэра не закончились: утром ему сообщили, что ограблен его собственный дом его же постояльцами. На этот раз по распоряжению Хардегга на место преступления мэра сопровождал «офицер, увешанный медалями». Дома Вьё обнаружил заплаканную жену, заявившую о пропаже ее тканей и 3 000 франков золотом.

Выделенный в провозачье офицер поговорил на русском со своими товарищами, а потом внезапно повернулся к мадам Вье: «Мадам, вы обвиняете этих командиров в краже, хотя они ничего не крали, за это вы заслуживаете наказания». Вместо ответа она указала ему на один из своих платков, торчащий из кармана казачьего капитана. Но никаких дальнейших действий или комментариев не последовало: увешанный медалями офицер удалился. Вьё же, отправив жену к соседям, вернулся в мэрию, так что судьба 3 000 франков золотом, если они, конечно, вообще были, так и осталась неизвестной.

Следующая ночь 5 (17) на 6 (18) февраля была еще страшнее: насилие по отношению к жителям, женщинам и девушкам лишь удвоилось. Мэр потерял всякую надежду защитить своих горожан: он лично «тридцать раз» был оскорблен казаками. Так, не представляя себе другого способа быть понятыми, они за шиворот притащили его к своему генералу. Генерал же потребовал проводников, называя при этом мэра «французским злодеем». «Вы мне отвечаете за проводников головой», – напутствовал он мэра. – Если они нас обманут, я тебя на куски разрежу» [4, р. 56]. Возможно, эти эксцессы были связаны с распространившимися слухами о приближении к городу прибывших из Испании войск, но каких-то видимых неудач в действиях союзников, которые могли бы спровоцировать беспорядки, еще не было: поражение вюртембергских войск при Монтеро-фот-Ионн¹ 6 (18) февраля ознаме-

¹ Когда вюртембержцы, преследуемые французами, отступали из Монтеро-фот-Ионн, местное население кидало в них куски черепицы, камни, стреляли из окон... [10, с. 243]. Судя по записке мэра Монтеро-фот-Ионн господина Ла Томба (La Tombe) от 24 февраля, общий ущерб, нанесенный городу после отступления союзников и атак французов, составил 85 705 франков [5, р. 61].

новало начало отступления войск Главной армии союзников.

В связи с наступлением французов 6 (18) февраля Хардегг дождался отхода из Фонтенбло отряда Симони и в 5 утра отступил из Море-сюр-Луан, заняв позицию на другом берегу канала. Ему удалось весь день сдерживать попытки Алликса перейти канал. Как отметил Вейль, хладнокровие и способность выпутываться из самых критических ситуаций помогли тогда Хардеггу [8, р. 310]. Алликс после нескольких безуспешных попыток перейти через канал послал парламентаря: он пытался переговорами добиться того, что не удалось силой оружия. Хардегг пошел на переговоры при условии, что французы не перейдут канал до полуночи. Алликс тот час же с этим согласился. Таким образом, с наступлением темноты 6 (18) февраля дивизия Хардегга снялась и ушла к Сен-Серотен (Saint-Serotin) [8, р. 10].

Конечно, казаки казакам рознь (тот же мэр города Море-сюр-Луан отличал реестровых от иррегулярных), но Лиоре, как и многие другие французские историки, даже не пытался идентифицировать, что именно за «казаки» побывали в Море-сюр-Луан. Краевед активно использовал воспоминания обиженного торговца тканями Вьё, в которых мы находим шаблонную для образа казака характеристику «пожиратели свечей» [11] и которые выдержаны в общей антирусской тональности наполеоновской пропаганды. Неизвестно, когда точно написаны мемуары Вьё (они использовались в историографии по меньшей мере с 1850 г.), но образ заплаканной жены, лишившийся своих платков, таскание за шиворот и обещания «ответить головой» за предоставленных проводников, видимо, были для их автора еще свежи. Лиоре же не только не проявил здорового скептицизма по отношению к такого рода свидетельствам, он вообще практически не прокомментировал воспоминания Вьё, так интегрируя их в свой текст, что, порой, не отличишь, где тут слова Вьё, а где – самого Лиоре.

Совершенно так же, как это делал и знаменитый Анри Уссэ, Лиоре перемежает сноски на обнаруженные им в военном архиве рапорты или на хранящиеся в муниципальном архиве Море-сюр-Луан реестры, сносками

на «Journal de l'Empire». При этом какой-либо разницы в степени доверия историка к столь разнотипным документам не ощущается. Остается открытым вопрос о поведении в

городе батальонов «граничар» из Баната, и о том, всегда ли французские обыватели отличали «казаков» от «граничар».

Литература

1. Allaire A. L'invasion a Montereau et aux environs en février 1814. Premiere partie // Annales de la Société historique et archeologique du Gâtinais. 1914. Т.32.
2. Dumesnil A. J. Les Cosaques dans le Gâtinais en 1814. Pithiviers: Imprimerie Nouvelle, 1880.
3. Durand A. Napoléon a Fontainebleau: choix d'episodes. Fontainebleau: Imprimerie de E. Jacquin, 1850.
4. Lioret G. 1814–1815 a Moret et dans les environs. Fontainebleau: Imprimerie de M. Bourges, 1904.
5. Quesvers P. La bataille de Montereau: 18 février 1814 par Tondu-Nangis père, témoin oculaire. Montereau: George Zanote, imprimeur breveté, 1900.
6. Rey P.-M. 1814, un tzar a Paris. Paris: Flammarion, 2013.
7. Weil M.-H. La campagne de 1814 d'après les documents des archives impériales et royales de la guerre a Vienne: la cavalerie des armées alliées pendant la campagne de 1814. 4 т. Paris: Librairie militaire de L. Baudoin, 1891. Т.1.
8. Weil M.-H. 1893: La campagne de 1814 d'après les documents des archives impériales et royales de la guerre a Vienne: la cavalerie des armées alliées pendant pendant la campagne de 1814. 4 т. Paris: Librairie militaire de L. Baudoin. Т.2.
9. Woinovich E. von. Kämpfe in Süden Frankreichs 1814 // Woinovich von Belobreska E., Veltzé A. Oesterreich in den Befreiungskriegen 1813–1815. 10 Bd. Wien- Leipzig: A. Edlinger, 1911–1914. Т.6.
10. Богданович М. История войны 1814 года во Франции и низложения Наполеона I, по достоверным источникам: в 2 т. СПб.: Тип. В. Спиридонова, 1865. Т.1.
11. Кабакова Г. Свечкоел: образ казака во французской культуре XIX века // Новое литературное обозрение. 1998. № 34.
12. Лашук А. Наполеон. История всех походов и битв. 1796–1815. М.: ЭКСМО, 2008.

УДК 94(47).084.5:02(470.63)

Э. Т. Головина

БИБЛИОТЕЧНОЕ ДЕЛО В ПОЛИТИКЕ МЕСТНЫХ ВЛАСТЕЙ СТАВРОПОЛЬЯ В 1930-е ГОДЫ

В статье рассматриваются особенности развития библиотечного дела в 1930-е годы. Изменения в политическом контексте повлияли на библиотечное строительство. Благодаря пристальному вниманию властей в этот период была завершена централизация управления, начатая еще в начале 1920-х годов.

Обращение к практике Ставрополя показало, что зачастую на уровне районных и сельских властей библиотеки оказывались за

пределами внимания, в связи с чем имелись недостатки в материальном и кадровом отношении. Краевые власти в культурной политике учитывали многонациональный состав населения, поэтому отдельно готовились национальные кадры.

Ключевые слова: культурная революция, библиотечное дело, советское государство, история Ставрополя.

E. T. Golovina

LIBRARIANSHIP IN STAVROPOL LOCAL AUTHORITIES' POLICY IN THE 1930-th

The article deals with problem of librarianship in 1930-th. Political changes influenced library construction. In this period the centralization of libraries' management, which had been started in the 1920-s, was completed due to the efforts of the authorities.

Analysis of Stavropol experience showed that at local levels libraries remained neglected

Формирование единого партийно-государственного аппарата к началу 1930-х годов завершилось, и жесткая вертикаль власти приобрела вполне отчетливые формы. Для всей страны начался новый этап развития, главными признаками которого стали отсутствие политического плюрализма и установление личной власти Сталина. Сконструированная командно-административная система требовала централизации во всех сферах жизни советского общества. Невзирая на законодательную работу, проделанную в 1920-е годы и попытки воплощения положений директив власти на практике, библиотечное дело не представляло собой организованной системы, что диссонировало с тенденциями государственного развития.

3 ноября 1920 г. был утвержден декрет «О централизации библиотечного дела в РСФСР» [9, с. 159–164], который по большо-

му счету так и остался нереализованным, и вся система к началу 1930-х гг. находилась в стадии активного становления. Нужно отметить, что по сравнению с дореволюционным периодом были сделаны определенные успехи. Количество массовых и передвижных библиотек к 1932 г. превысило 100 тысяч. Совокупный книжный фонд массовых библиотек возрос с 9 млн экземпляров в 1911 г. до 124 млн в 1932 г. Общее количество читателей массовых библиотек достигло 15 млн человек за счет привлечения к чтению рабочих и крестьян [13, с. 88]. Однако это официальные цифры, фиксирующие лишь количество, но никак не качество работы. Последнее может быть рассмотрено только при наведении фокуса на конкретное локальное сообщество.

Key words: Cultural Revolution, librarianship, Soviet state, Stavropol history.

му счету так и остался нереализованным, и вся система к началу 1930-х гг. находилась в стадии активного становления. Нужно отметить, что по сравнению с дореволюционным периодом были сделаны определенные успехи. Количество массовых и передвижных библиотек к 1932 г. превысило 100 тысяч. Совокупный книжный фонд массовых библиотек возрос с 9 млн экземпляров в 1911 г. до 124 млн в 1932 г. Общее количество читателей массовых библиотек достигло 15 млн человек за счет привлечения к чтению рабочих и крестьян [13, с. 88]. Однако это официальные цифры, фиксирующие лишь количество, но никак не качество работы. Последнее может быть рассмотрено только при наведении фокуса на конкретное локальное сообщество.

Возросшее количество библиотек поставило проблему управления, возникла необходимость завершить начатое и сформировать

ровать централизованную систему. С другой стороны, внимание государства к организации библиотечной работы сопровождалось усилением контроля над её содержательной частью. Политическая ангажированность библиотечной работы давала о себе знать на всех уровнях, особенно в работе с литературой. В этой связи возникает «партийность библиографии» – черта, которая отрицала универсализм и объективность как пережиток беспартийности. Подобная установка, естественно, делала работу библиотек однобокой.

Секретариат ЦК ВКП (б) в 1929 году принял постановление «Об улучшении библиотечной работы» [16, с. 166–167], в котором говорилось о недостаточности имеющейся сети библиотек, а также о необходимости проведения масштабных книжных чисток. Власть стремилась освободиться от идеологически чуждой литературы, в результате чего в 1930-е годы усилилась библиотечная цензура. Помимо работы с фондами, были предприняты меры по усилению контроля над издательским делом. Правда, в 1937 году ЦК ВКП (б) осудил крайности книжных изъятий, но это не означало окончание цензуры [19].

В 1930-е годы изменились и требования к работнику библиотеки, который должен был в большей степени нежели до этого транслировать на местах политику партии и правительства. Н. К. Крупская, анализируя потребности библиотечного образования, отмечала, что библиотекарь обязан быть пропагандистом [11, с. 50]. В силу трансформаций, происходивших с государством, значение библиотеки как средства просвещения масс усиливалось. Изучение опыта Ставрополя показало, что зачастую эти цели достигались. Так было в ситуации с селом Нагутским [12]. Библиотекарь Третьякова, общаясь индивидуально с каждым читателем в процессе справочной работы (например, выдавая справки по сельхозналогу), подбирала соответствующую прошлому, возрасту и роду занятий селянина книгу. Например, благодаря этому подходу рабочий элеватора Козлов прочитал 29 книг о партизанской борьбе. Наибольшей популярностью среди жителей пользовалась «Поднятая целина» М. Шолохова.

Критически состояние библиотечного дела оценило Постановление Наркомпроса «О состоянии и перспективах библиотечной работы» 1929 года, где было отмечено, что

началом перелома в сложившейся ситуации может стать библиотечный поход [17, с. 8]. На местах эта установка была воспринята с энтузиазмом. В Ставропольском округе в 1930 году была разослана инструкция о проведении библиотечного похода [15, с. 16]. Вся работа библиотек была подчинена задачам сплошной коллективизации и борьбе за умонастроения крестьянства. Спектр мероприятий включал в себя выставки книг, составление рекомендательных списков, проведение чток вслух, разноску книг по домам.

Практиковалось проведение месячников смотра библиотек. Таковой в 1931 году организовал Крайком ВКП (б). Как следует из заметки о мероприятии, общественность (рабочие, колхозники, бедняки и середняки) не приняли активного участия, и вина за это была возложена на комсомол [18]. Главной целью месячника было изъятие устаревшей литературы. Конфисковались зарубежные и дореволюционные книги, вплоть до «Свода законов Российской империи». Однако, как показала практика, изъятие литературы не было столь тщательным, как требовала власть. К идеологически чуждым были отнесены сочинения Луи Буссенара, Майна Рида, Конан-Дойля, Фенимора Купера как якобы развивающие у молодежи авантюрный дух, но так как ученические библиотеки не прошли через смотр, то на тот момент они изъяты не были. Такого рода литература хранилась в библиотеке музея им. Праве, и это было чуть ли не единственное место, где можно было почитать эти произведения. Более того, она была востребована среди молодежи от 15 до 20 лет [10]. Автор заметки М. Любимов критически отмечал, что в Старомарьевке не изъяты книги Бухарина. Посредством прессы, таким образом, местные власти пропагандировали и развивали идеи о необходимости формирования книжных фондов, содержание которых бы соответствовало духу времени.

Другой формой накопления литературы и одновременно осуществления библиотечной цензуры стала неделя сбора. Книги собирались и в клубах, и в библиотеках, по домам и квартирам. После сбора проводилась сортировка – «годная» поступала в библиотеку, «редкая» сдавалась в музей, а «негодная» уничтожалась [14]. Особенно бескомпромиссно власть действовала в отношении сочинений бывших политических противников

Сталина – Троцкого, Зиновьева, Бухарина, Каменева. В январе-феврале 1935 г. Главлит издал приказы, запрещающие все сочинения видных оппозиционеров. Библиотеки получили инструктивное письмо, в котором говорилось о необходимости проверить фонды на предмет изъятия политически вредной литературы. Однако, на местном уровне власти допускали идеологические промахи. Сложная ситуация сложилась в Шпаковской районной библиотеке. Литература, отнесенная к троцкистско-зиновьевской, оказалась на выставке, посвященной Ленину [3, л. 22]. Низкий профессиональный уровень кадров стал причиной другой крайности, когда изымали разрешенную литературу, например, труды классиков марксизма-ленинизма, изданные под редакцией Каменева, Бухарина, Рязанова.

Местные источники показывают, как на практике усиливалось идеологическое давление не только в деле комплектования фондов библиотек. Власть пристально следила за проводимыми мероприятиями. Выставка, посвященная Конституции 1936 года, вызвала множество нареканий со стороны руководства. Например, в перечне претензий было оформление вывешенных материалов черной рамкой, что дело их похожими на «траурные листики» [2, л. 21].

Материальное положение библиотек и их сотрудников в 1930-е годы оставалось непростым. Заработная плата библиотекарей была невысокой и ее выплата могла задерживаться [4, л. 11]. И даже при увеличении финансирования документы Северо-Кавказского края демонстрируют тяжелую повседневность библиотек, даже городских. В 1934 году оказались «выселенными» Ессентукская и Пятигорская центральные библиотеки. Местные власти часто были вынуждены отдавать приоритет решению более насущных проблем, например, помещение Благодарненской библиотеки использовалось как зернохранилище. Нередкой была халатность: Винодельненская библиотека оказалась засыпанной окурками, Невинномысская районная библиотека даже при наличии топлива не отапливалась [4, л. 13].

Библиотечное дело постоянно оказывалось за пределами интересов региональных властей. Об этом свидетельствует то, что в 1936 году перепись библиотек в Северо-Кавказском крае оказалась на грани срыва. Плохая организация привела к низким темпам её

проведения. Бланки могли быть разосланы, но люди, проводившие перепись, не получали инструкций, что тормозило работу. Были и казусы в срыве переписи. Так, заведующий районной библиотеки Полладин не посетил ни одного сельского совета Изобильно-Тишенского района, объясняя невыполнение поручения тем, что шоферы не берут его с собой на машины [5, л. 121]. В отчетах Крайноно подчеркивалось, что районные отделы народного образования относятся халатно к переписи. Даже в рапорте Наркопросу РСФСР Крайком в 1936 году вынужден был признать, что регистрация библиотек, предшествовавшая переписи, была сорвана. В итоге количество зарегистрированных библиотек составило 323, а учтенных в переписи – 1814 [7, л. 2].

Многонациональный состав ставропольского населения определял как особенности политики властей, так и специфику возникающих проблем. Проблемой библиотечного строительства в регионе было малое количество литературы на родном языке [12]. При этом краевые власти обращали внимание на этническую составляющую при подготовке кадров. С осени 1936 год при Ессентукском педтехникуме было открыто библиотечное отделение, а для горцев, в том числе для девушек, организовывались пятимесячные курсы [7, л. 2]. Однако тут же возникала проблема педагогических кадров, которые были бы способны преподавать на языках народов, проживающих в регионе.

Повсеместной практикой 1930-х годов стали соцсоревнования, которые были призваны стимулировать трудящихся к более высокой производительности труда. В эту систему оказалась включенной и библиотечная работа. Интересным источником проведения соревнований между библиотеками в регионе является соцдоговор. Например, в 1939 году было принято решение о соцсоревновании в политпросветительской работе между Орджоникидзевским и Краснодарским краями [8, л. 96]. Большое значение придавалось именно избам-читальням, которые перечислялись наряду с клубами и домами культуры. Предполагалась организация оборонных кружков, проведение тематических вечеров, постановка спектаклей, чтение лекций на антирелигиозные темы.

Положение сельских библиотек, увеличение их сети было актуально для Ставропо-

ля и в 1930-е годы. В рапорте Северо-Кавказского Крайкома о выполнении постановления ЦИК СССР «О библиотечном деле в СССР» за 1934–1936 гг. констатируется, что библиотечная сеть по-прежнему сосредоточена в городах, а в сельской местности она развита плохо. При этом за два года общие количественные показатели выглядели впечатляюще – число библиотек в крае возросло с 107 до 183 [7, л. 1 об.]. О проблемах в этом направлении свидетельствуют часто повторяемые и тиражируемые местными властями распоряжения об улучшении работы сельских библиотек. В 1936 году Крайком постановил организовать 39 новых стационарных библиотек, в том числе в национальных областях – 20. Сеть передвижных библиотек, согласно тому же распоряжению, возрастала с 668 до 1 000. Сельские советы обязаны были предоставить помещение и штат работников [6, л. 24]. Было принято решение об открытии методкабинета, который должен был оказывать помощь сельским библиотекам. Он начал свою работу в 1938 году. Все библиотеки края были разделены на кусты, в которых центральное место занимали «кустарные библиотеки» [8, л. 18].

Таким образом, к концу десятилетия библиотечная сеть стала приобретать более четкую структуру, хотя это не устраняло многих трудностей в содержании работы и материально-техническом оснащении. Тот же методический кабинет в 1938 году не имел полного штата, там работали 2 сотрудника, деливших 1,5 ставки. В 1939 году были заняты полные две ставки, однако, в масштабах края этого было явно недостаточно. Изучение развития библиотечного дела в последующие годы показывает, что даже штат краевой библиотеки не был укомплектован. На 22 долж-

ностях в 1938 году сменилось 25 человек [8, л. 5]. В этой связи директор т. Светова вынуждена была просить у Крайноно работника на выдачу книг.

В соответствии с Постановлением СНК РСФСР «О сельских библиотеках» от 19 октября 1935 года [8, л. 41] помещение сельской библиотеки должно было составлять не менее двух комнат, что в дальнейшем далеко не всегда соблюдалось. О том, что политпросвет работа не велась в селах края на требуемом уровне, свидетельствуют распоряжением властей, имеющие точечную направленность и пытающиеся урегулировать положение в условиях конкретных районов [см., например, 1].

Таким образом, изменения в жизни страны сделали библиотеки еще более политически и идеологически ангажированными. Форсирование темпов социально-экономического развития распространилось и на библиотечное строительство, так как власти в этом деле требовали такой же высокой скорости. Обращение к региональной практике показывает неоднозначность протекания процесса. С одной стороны, как свидетельствуют местные источники, благодаря пристальному вниманию властей централизация библиотечной работы завершилась именно в 1930-е годы. С другой стороны, в силу сельской повседневности, тяжелого материального положения и последствий сплошной коллективизации библиотеки оставались на периферии внимания как сельских властей, так и местного населения. Трудности возникали и в городе, даже краевая библиотека не оправдывала возлагаемых надежд и имела проблемы как с комплектованием книжного фонда, так и с кадровым обеспечением.

Литература

1. Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (далее – ГАНИСК). Ф.1. Оп.1. Д. 431.
2. ГАНИСК. Ф.1. Оп.1. Д. 235.
3. ГАНИСК. Ф.1. Оп.1. Д. 107.
4. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК) ФР. 2174. Оп.1. Д.4.
5. ГАСК ФР. 2174. Оп.1. Д. 5.
6. ГАСК ФР. 2174. Оп.1. Д. 6.
7. ГАСК ФР. 2174. Оп.1. Д. 9.
8. ГАСК ФР. 2174. Оп.1. Д. 37.
9. Декрет «О централизации библиотечного дела в РСФСР» // Декреты Советской власти. Том XI. Октябрь-ноябрь 1920 г. М.: Политиздат, 1983.
10. Изъять завалы и старье // Власть советов. 1931. 1 августа. № 92.

11. Крупская Н. К. Задачи библиотечного образования // О библиотечном деле. Избранные работы / вступит. статья О. С. Чубарьяна. М.: Книга, 1976.
12. Мал золотник, да дорог // Северо-Кавказский большевик. 1935. 25 мая. № 121
13. Масяйкина Е. А. Материалы Всесоюзной библиотечной переписи 1934 года как источник изучения сельских библиотек // Культурология и искусствоведение. 2011. № 4.
14. Неделя сбора книги // Власть советов. 1931. 6 марта. № 3.
15. О библиотечном походе // Сборник материалов Ставропольского Окрона и Окпрроса. Ставрополь: Ставропольский ОкрОНО и Окпррос, 1930.
16. Об улучшении библиотечной работы: постановление ЦК ВКП(б) от 30 октября 1929 года // Директивы ВКП(б) и постановления Советского правительства о народном образовании: сб. док. За 1917–1947 гг. М.: АПН РСФСР, 1947.
17. Постановление Наркомпроса «О состоянии и перспективах библиотечной работы» // Справочник библиотекаря / под ред. М. А. Смушковой. М.: Главполитпросвет, 1930.
18. Продолжим осмотр библиотек // Власть советов. 1931. 1 августа. № 92.
19. Протокольное постановление (опросом) Оргбюро ЦК ВКП (б) «О ликвидации вредительской системы изъятия Главлитом литературы» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.opentextnn.ru/censorship/russia/sov/law/tsk/1930/?id=1063> (Дата обращения: 25.08.2015).

УДК 332.122(470.63) ``19``

В. П. Ермаков, Т. Н. Мамедова

КРИЗИС КРЕСТЬЯНСКОГО ХОЗЯЙСТВА НА СТАВРОПОЛЬЕ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА И ПРОБЛЕМА ИНТЕНСИФИКАЦИИ АГРАРНОГО СЕКТОРА

В статье рассматриваются перспективы развития крестьянского хозяйства на Ставрополье в начале XX в. Авторы приходят к выводу о нарастании земельного вопроса в регионе в условиях демографического бума и экстенсивных форм ведения хозяйства, присущих крестьянам.

Данный фактор привел к росту арендной платы за землю в губернии.

Ключевые слова: крестьянское хозяйство, пшеница, частная собственность, пастбища, аренда, община, интенсификация.

V. P. Ermakov, T. N. Mamedova

THE CRISIS OF THE FARMING IN STAVROPOL REGION IN THE EARLY XXTH CENTURY AND THE PROBLEM OF THE INTENSIFICATION OF THE AGRARIAN SECTOR

The given material examines the prospects of the development of the farming in Stavropol region in the early 20th century. The authors come to the conclusion that under the conditions of the demographic boom and the extensive forms of farming inherent in peasants

the land problem in the region was becoming acute. This factor led to the rise in the land rent in the region.

Key words: farming, wheat, private property, pastures, rent, commune, intensification.

Ставропольская губерния принадлежала к числу благополучных губерний страны. Ставропольские крестьяне по сравнению с другими регионами имели довольно высокий уровень доходности и товарности хозяйства, значительная часть ставропольского хлеба и мяса экспортировалась за пределы регио-

на. Однако за этим внешним благополучием крылись большие проблемы, которые через несколько лет взорвали бы и ставропольскую экономику, если она не пошла по пути интенсификации и индустриализации.

Существенное влияние на состояние дел в сельском хозяйстве Ставрополья игра-

ла близость портов Азовского и Черного морей, что позволяло значительную часть зерна экспортировать за пределы империи [6, с. 141]. Об этом свидетельствует динамика цен на зерно на Дону и Северном Кавказе. В XIX – начале XX вв. в России в среднем цены на пшеницу возросли на 16 %, а на Северном Кавказе на 69 %, что давала крестьянам Ставрополья значительный доход [5, с. 77]. Данное обстоятельство вело еще к тому, что в период экономического бума цены на зерно в регионе росли быстрее, а в период депрессии снижались в меньшей степени по сравнению с другими регионами России. В 1882 г. пуд пшеницы в Ставропольской губернии стоил 70 коп., достигая максимума в 1885–1886 гг. – 90 коп., затем мировой аграрный кризис привел к обвалу цен на зерно, в том числе и на Ставрополье. Спад продолжался с 1888 г. по 1894 г., когда цена пшеницы за пуд сократилась до 36 коп. Затем началась новая полоса подъема вплоть до 1909 г., когда цена за пуд достигла 112 коп., затем цена вновь упала до 86 коп. в 1913 г. [6]. При нестабильности цен на зерно главным источником получения дополнительной прибыли для крестьян Ставрополья становилось увеличение объемов продаж зерна, но для этого необходимо было увеличить валовой сбор зерна.

Ставропольская губерния для крестьян являлась своеобразным «Эльдорадо». Помещичье землевладение практически не было, долгое время губерния имела огромные земельные ресурсы, которые постепенно вводились в хозяйственный оборот. В 1911 г. из 5 077 277 дес. земли, 3 174 433 дес. (62,5 %) принадлежало сельским обществам, то есть общинам, 248.891 дес. (4,86 %) мешанам, крестьянам – единоличникам, крестьянским товариществам и только 147 733 дес. (2,91 %) потомственным гражданам, дворянам, купцам, духовенству, государству – 95 840 дес. (1,89 %), Крестьянскому банку – 111 732 дес. (2,2 %), городам – 40 152 дес. (0,79 %) и 1 241 666 дес. (24,46 %) принадлежало местным кочевым народам (туркмены, ногайцы, калмыки) [9, с. 4]. Таким образом, «внешних врагов», в лице помещиков, капиталистов и императорской фамилии, которые могли мешать развитию крестьянского хозяйства на Ставрополье, не было.

Незначительной слой частных владельцев был представлен в основном немногочис-

ленным дворянством и «таврричанами». Частная собственность на землю в Ставропольской губернии появилась в 60–70 е гг. XIX в., когда наместник на Кавказе Великий князь Михаил Николаевич решил раздать часть земель в частную собственность, чтобы на их базе создать эффективное, высокотоварные хозяйства, которые должны были стать очагами культурного земледелия и животноводства на Северном Кавказе. Кроме этого с помощью земельных пожалований стремились поощрить чиновников и офицеров за успешную службу. Величина пожалованных участков была различной от нескольких сотен десятин до 5–6 тыс. дес. на Ставрополье существовала шутка, местное дворянство часто называли «владимирским», так как пожалование ордена св. Владимира давало основание его получатель получить земельный участок в собственность [12, с. 39].

Другим способом оформления частной собственности была покупка земли, когда в губернии было еще много свободных земель. Эта категория лиц получила название «таврричане» в честь выходцев из Таврической губернии, ставших первыми лицами, прибегшими к покупке земли на Ставрополье в частную собственность [2, л. 2]. Данный тип частных владельцев отличался большим своеобразием. Они имели огромное поголовье скота и успешное сельскохозяйственное хозяйство, они зачастую имели внушительные суммы денег, в несколько сот тыс. руб., но при этом в повседневной жизни они отличались аскетизмом и скромностью, в их среде не было принято кичиться богатством. Все это давало основание местным жителям распространять шутки и сплетни о жадности «таврричан», называя их трудоголиками. В отличие от дворянского земледелия, которое постоянно в губернии сокращалось, хозяйства «таврричан» постоянно развивались и расширялись.

В конце XIX в. дворянам губернии принадлежало 36,3 % частновладельческих земель, купцам и почетным гражданам 18,6 %, мешанам 16 % и крестьянам 30,1 % [12, с. 39]. В начале XX в. в губернии насчитывалось 335 частных землевладельцев, из которых 160 являлось дворянами, 94 крестьянами, 42 мешанами и 39 купцами. В губернии в основном доминировали средние частные землевладельцы, в их собственности находилось от 100 до 1 000 дес. (110 дворян, 17

купцов, 19 мешан и 40 крестьян. К мелким землевладельцам (до 100 дес.) относились хозяйства 12 дворян, 1 купца, 1 мешанина и 15 крестьян. Крупных земельных собственников (более 1000 дес.) на Ставрополье было всего 120 чел., в том числе 38 дворян, 21 купец, 22 мешанина и 39 крестьян. Однако им принадлежало около 80 % всех частновладельческих земель. «Тавричанам» кроме земель крестьян принадлежала часть земель из категории мешане и купцы, которая ими арендовалась или находилась в собственности.

Крестьяне Ставрополья имели большие земельные наделы, не только по европейским меркам, но даже и по российским показателям. Так, в Медвеженском уезде в 1907 г. на одно крестьянское хозяйство приходилось 21,2 дес. всей земли и 20,6 дес. удобных угодий, в Ставропольском уезде эти показатели соответственно выглядели следующим образом: 27 и 24,3; в Благодарненском уезде – 28,4 и 23,9; Прасковейском уезде – 29 и 25,7; Александровском уезде – 32,6 и 29,1 дес. [7, с. 5]. Сельских обществ, имевших земельные наделы менее 20 дес. на одно хозяйство в губернии насчитывалось всего 59, в том числе в Медвеженском уезде – 25, в Благодарненском уезде – 15, в Ставропольском уезде – 8, в Прасковейском уезде – 8, в Александровском уезде – 3, всего 45643 хозяйства [8, с. 5]. К 1914 г. средний земельный надел в губернии сократился до 21,0 дес., по России данный показатель составлял 11 дес. [4, с. 21]. В 1914 г. крестьяне Александровского уезда имели 82,6 % надельной земли от уровня 1906 г., Благодарненского – 7,5 %, Медвеженского – 83,9 %, Святокрестовского – 79,1 %, Ставропольского – 76,8 %, а в среднем по губернии – 80,5 % [4, с. 24]. Таким образом, в среднем по губернии с 1906 по 1914 гг. крестьянский надел в губернии сократился на 20 % [6, с. 144]. Даже, несмотря на эти сокращения, о таких земельных владениях крестьяне Европы и Центральной России могли только мечтать, и казалось, что это обилие земли на многие годы могло обеспечить благополучие крестьян Ставрополья.

Кстати, Ставрополье крестьянской губернией считалась не только по доминированию крестьянского хозяйства в экономике региона, но и по удельному весу крестьян в общей численности населения Ставропольской губернии. На 1 января 1914 г в губернии проживало 1 283 608 жителей, из них 1 164 303

(почти 88 %) являлись крестьянами, мешанами – 48 903 чел., колонистами – 9 394 чел., дворянами и почетными гражданами всего – 5 263 чел., представителями духовенства – 4 206 чел., купцами – 1 079, иностранцами – 1 226 чел., так называемыми инородцами (туркмены, ногайцы, калмыки) – 41 052 чел. [10, с. 12]. Следовательно, по патриархальности социальной структуры общества и отсталости системы землевладения Ставропольская губерния превосходила даже средние российские показатели [3, с. 31]. Для сравнения в 1905 г. 82,8 % всех земельных угодий Ставропольской губернии относилось к категории надельная земля и только 10,3 % относилось к частновладельческим землям. В Таврической губернии данные показатели составляли пропорцию 37,2 % и 52,6 % соответственно, в Саратовской губернии 49,2 % и 38,7 %, в Астраханской губернии 66,8 % и 5,6 %, Области Войска Донского 70,0 % и 16,5 %, а по Европейской России 35,15 и 25,8 % [4, с. 18].

Ставропольские крестьяне традиционно вели экстенсивное зерновое хозяйство, параллельно занимаясь животноводством. Огородничество, виноградарство, садоводство на Ставрополье были развиты очень слабо, по сути, они находились в зачаточном состоянии. То же самое можно сказать и о промыслах. Каждый год крестьяне расширяли запашку, это был единственный известный им способ расширения производства, тем более в условиях наличия в XIX в. больших запасов целинных земель. Плодородные, целинные земли без излишних усилий и вложений средств давали хорошие урожаи, а постройка Владикавказской железной дороги привела к колоссальному росту доходов местных крестьян от ведения зернового хозяйства, так как железная дорога приблизила товаропроизводителей к потребляющим регионам, и дала возможность организовать в больших масштабах вывоз зерна за пределы губернии, потому что до строительства железной дороги значительная часть зерна у крестьян просто пропадала в амбарах, так как они не имели возможности сбыть излишки продукции. Крестьяне не задумывались о ведении интенсивного хозяйства. Они хищнически относились к земле, ежегодно засевая ее пшеницей и другими зерновыми культурами. Паров практически не было, удобрения не использовались, почти нигде не применялась плодоперемная

система земледелия, об улучшении семенного фонда практически никто не думал. Сельскохозяйственная техника покупалась не столько для улучшения обработки земли, сколько для ускорения процесса распашки земли. Поэтому крестьяне в основном закупали буккера. Все это делало сельское хозяйство зависимым от природного фактора. Суховеи, суровые зимы, недостаток воды, все это приводило к значительным рискам [12, с. 53]. Спекулятивные цены на зерно сокращали пастбища и сенокосы в пользу посевных площадей.

Если в 1904 г. посевные площади в губернии составили 1 449 094 дес., то в 1911 г. уже 2 268 009 дес. [1, л. 38]. Возникает вопрос: за счет чего крестьяне увеличивали посевные площади? Первый путь – это сокращение пастбищ, в результате чего сокращение поголовья овец и крупного рогатого скота, с 1904 по 1911 гг. площадь пастбищ сократилась с 550 946 дес. до 257 467 дес. [1, л. 38]. Второй путь – аренда земли. При возрастающем спросе на землю ее арендная стоимость резко увеличивалась. С 1904 г. посевные площади увеличились на 56 %, а количество арендной земли на 275 % [9, с. 80].

После первой русской революции ситуация с арендой земли еще больше усложняется [6, с. 144]. Более 59 % крестьянских хозяйств Ставрополья прибегало к аренде земли. Бытует заблуждение, что основным источником аренды земли являлись земли кочевых народов. Однако это не соответствует действительности. На аренду земли у кочевников приходилось только 18,7 % всей арендной земли, еще 20 % земли крестьяне арендовали у государства и 45 % земли крестьяне арендовали у своих же односельчан-крестьян [4, с. 27]. Больше всего крестьянских хозяйств, арендовавших землю, находилось в Благодарненском (65,9 %) и Александровском (51,6 %) уездах. Возникает вопрос о том, почему именно эти уезды оказались лидерами аренды земли. Тем более, уезды не страдали недостатком надельной земли, по количеству которой на одно хозяйство уезды занимали первое и второе место в губернии соответственно. По темпам роста населения в начале XX в. Благодарненский уезд занимал второе место, а Александровский четвертое место¹. Поэ-

¹ В начале XX в. рождаемость на 1 000 жителей в Святокрестовском уезде составляла 41,8 чел., Благодарненском – 40,9, Ставропольском – 37,7, Александровском – 26,6 и Медвеженском – 16,5.

тому рост численности населения не может считаться в данном случае основным фактором аренды земли, хотя его нельзя исключать. В каждом уезде действовали свои специфические условия. Крупные крестьянские хозяйства этих уездов имели значительный валовой доход, который они были готовы инвестировать в расширение посевов. Интенсификация производства считалась малопривлекательной и затратной в условиях существования излишка рабочих рук в рамках одной семьи и возможности привлекать в разгар сезонных работ наемных рабочих. Поэтому данному типу хозяйств необходимо было расширение запашки.

Источником аренды земли в Благодарненском уезде стали кочевые народы, и в обоих уездах свои крестьяне-односельчане, которые имели значительные земельные угодья. В ряде случаев, имея большие наделы земли, крестьяне принимали решение сдать ее часть в аренду, что казалось им более привлекательной экономической операцией, чем самостоятельная обработка земли. Это относилось прежде всего к хозяйствам, которые в силу ряда причин потеряли лишние рабочие руки, семьи одиноких стариков, хозяйства, сделавшие ставку на другие виды экономической деятельности в ущерб ведению зернового хозяйства, и нельзя здесь исключать тех, кто относился к разряду неблагополучных крестьянских хозяйств, которые предпочитали вести праздный образ жизни, сдавая практически всю землю в аренду и живя за счет получаемой арендной платы. На количество арендуемой земли определенное влияние оказывала и ее стоимость. В 1908–1912 гг. арендная плата за одну дес. земли в Ставропольской губернии составляла примерно 156,5 руб. в год. Для сравнения, в Кубанской области данный показатель составлял 296,5 руб. за дес., Донской области – 189,9 руб., Таврической губернии – 155,3 руб., Саратовской губернии – 123 руб., Терской области – 98,3 руб., Астраханской губернии – 47 руб., в среднем по России – 90,8 руб. [4, с. 30]. По уездам Ставропольской губернии этот показатель выглядел следующим образом: Медвеженский уезд – 214,6 руб., Александровский уезд – 197 руб., Святокрестовский уезд – 157,1 руб., Ставропольский уезд – 144,5 руб., Благодарненский уезд – 106,7 руб. [4, с. 31].

Лидерство в данном плане Медвеженского уезда не случайно. На цену аренд-

ной земли в уезде влияло несколько обстоятельств. Первое, чему традиционно уделяется внимание, – это высокая плотность населения и относительное по ставропольским меркам малоземелье крестьян. Второе – наличие Царицынской железной дороги, что облегчало сбыт зерна на выгодных условиях, о чем шла уже речь применительно к Александровскому уезду, через который проходила Владикавказская железная дорога. Третье – практически полное отсутствие неудобных земель, что повышало ценность арендуемых земельных участков. Четвертое – развитие зернового высокотоварного хозяйства, которое покрывало расходы, связано с существованием значительной арендной платы на землю.

В этом плане Благодарненский уезд проигрывал, он был удален от железной дороги, плодородие земли значительно уступало аналогичному показателю в Медвеженском и Александровском уездах. Это во многом относится и к Святокрестовскому уезду. Отставание Ставропольского уезда представляется несколько нелогичным. Уезд находился рядом с крупной железнодорожной станцией г. Ставрополь, земли уезда отличались плодородием. Однако рост арендной платы в уезде тормозили два фактора. С одной стороны, наличие значительного количества неудобной земли из-за рельефа местности, с другой стороны более высоким уровнем интенсификации труда в крестьянских хозяйствах уезда.

При анализе хозяйственной деятельности крестьянских хозяйств в губернии и состоянии дел в аренде земли важно учитывать соотношение наделной и арендной земли в общей площади, используемых в хозяйственном обороте крестьянского хозяйства земель. В целом по губернии арендная земля составляла до 38 % всех земель, применяемых в экономическом обороте крестьянами. Самый высокий данный показатель был в Святокрестовском (44,2 %) и в Благодарненском (40,2 %) уездах. Это, по российским меркам, был очень высокий показатель.

Развитие кредитной кооперации на Ставрополье также подстегивал рост стоимости аренды земли. Крестьяне через кооперативы получали столь необходимые оборотные средства, что им позволяло расширить свое хозяйство через аренду земли. Однако в принципе положительный процесс в условиях нехватки свободных земель и при доступности

кредита привел к острой конкуренции между крестьянами за имеющиеся земли, которые можно было арендовать. Только по данным 36 кредитных товариществ в 1913 г. кредиты на аренду земли взяло 13 445 крестьянских хозяйств. В результате этой конкуренции цены на землю пошли резко вверх [11, с. 5]. В данных условиях накануне первой мировой войны кредитные товарищества стали прибегать к самостоятельной аренде земли, то есть в качестве арендатора выступало само товарищество, затем оно само распределяло землю среди крестьян, подавших заявки на аренду земли. В 1913 г. этой операцией воспользовались 3 кредитных товарищества.

Такой беспрецедентный рост арендной платы на земли означал начало структурного кризиса всей традиционной экономики Ставрополья. Губерния в начале XX в. исчерпала возможности для экстенсивного развития, новых земель для этого в губернии практически не осталось. Однако образ мышления крестьян не был готов к быстрой перестройке своего хозяйства. Поэтому они были согласны платить большую арендную плату, только лишь бы расширить производства, хотя рентабельность хозяйства при этом снижалась [14, с. 124].

Здесь следует подчеркнуть важную особенность развития российского села. С 1897 г. по 1914 г. численность населения в губернии возросла на 410 307 чел. или на 47 %, это притом, что среднее российское показание составило 39,1 % [4, с. 9]. В условиях демографического бума, крестьянская семья разрасталась, появлялись новые рабочие руки по мере подрастания детей и женитьбы сыновей. Поэтому новые рабочие руки следовало обеспечить работой, а для этого необходима была новая земля, поэтому ее арендовали даже на кабальных условиях. «Чем больше число работников объединяет семья, тем шире возможности применения сложной кооперации и тем большая возможность расширить свою запашку за пределы наделной площади...», – отмечал по этому поводу А. В. Чаянов [13, с. 99].

Это обстоятельство привело к слабой восприимчивости крестьянских хозяйств к сельскохозяйственной технике, использование которой вело к высвобождению лишних рук, что крестьянам казалось немислимым в условиях роста численности семьи. Поэтому они полагали, что ручной труд в условиях многочисленности семьи был более рента-

бельным, чем использование дорогостоящей сельскохозяйственной техники.

Важную роль в уменьшении крестьянских наделов сыграл распад традиционной крестьянской большой семьи, все чаще дети стремились отделиться от своих отцов и завести собственное хозяйство. С 1904 по 1914 гг. число крестьянских дворов увеличилось на 32 %. По уездам данный показатель выглядел следующим образом: Святокрестовский – 41,8 %, Благодарненский – 40,9 %, Ставропольский – 37,7 %, Александровский – 26,6 %, Медвеженский – 16,6 % [4, с. 7]. Данный процесс был вполне закономерен в условиях модернизации российского общества, и его не могли остановить никакие факторы, даже несмотря на периоды временного укрепления позиции традиционной семьи, что наблюдалось в некоторых селах Ставропольской губернии.

Интенсификация хозяйства делала экономически невыгодным наличие большого числа работающих, так как нагрузка на одного рабочего в условиях использования интенсивных методов хозяйствования постоянно падала, что приводило к сокращению валового дохода на одного рабочего при относительной

стабильности затрат на содержание каждого члена семьи. Так, по данным ставропольских специалистов-аграриев, в начале XX в. только использование буккарей и жаток привело к технологическому перевороту в селе Ставропольской губернии. Это обстоятельство в два раза повысило производительность труда на рубеже XIX–XX вв. если в XIX в. 2–3 работника могли обрабатывать 20–30 дес. земли, то с использованием этих сельскохозяйственных машин данный показатель увеличился до 40–60 дес. [4, с. 78]. Данная технологическая революция также привела к осознанию крестьянами Ставрополя острой необходимости в приобретении новых земель. В условиях натурального хозяйства соотношение расход – доход имеет слабовыраженную корреляцию. Однако по мере развития включенности крестьянского хозяйства в товарно-денежные отношения расходы на содержание членов хозяйства растут и здесь семье необходимо принимать радикальные решения в виде модернизации хозяйства, при сокращении земельных наделов, речь могла идти только об его интенсификации и как следствие – чего распаде традиционной семьи.

Литература

1. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф.101. Оп.4. Д. 3506.
2. ГАСК Ф.107. Оп. 1. Д. 18.
3. Дмитриев Е. В. Анализ особенностей развития экономических и социальных процессов на Ставрополье в 1960-е гг. – начале XX вв. // Проблемы отечественной и зарубежной истории: мнения. Оценки, размышления. Ученые записки кафедры Отечественной и зарубежной истории. Вып. X. Пятигорск: ПГЛУ, 2008.
4. Кузнецкий С. Аграрный вопрос в Ставропольской губернии. Статистико-экономическое исследование. Ставрополь: [б.и.], 1920.
5. Миронов Б. Н. Хлебные цены в России за два столетия (XVIII–XIX вв.). Л.: Наука, 1985.
6. Невская Т. А. Итоги аграрного развития Ставрополья в досоветский период // Исследования по истории и историографии России и зарубежных стран. Ставрополь: СГУ, 2004.
7. Обзор Ставропольской губернии за 1907 г. По данным Ставропольского губернского Статистического Комитета. Ставрополь: Губернская типография, 1908.
8. Обзор Ставропольской губернии за 1909 г. По данным Ставропольского губернского Статистического Комитета. Ставрополь: Губернская типография, 1910.
9. Обзор Ставропольской губернии за 1911 г. По данным Ставропольского губернского Статистического Комитета. Ставрополь: Губернская типография, 1913.
10. Обзор Ставропольской губернии за 1914 г. По данным Ставропольского губернского Статистического Комитета. Ставрополь: Губернская типография, 1915.
11. Северокавказский край. 1914. № 802.
12. Смирнов М. Очерки хозяйственной деятельности Ставропольской губернии в конце XIX в. Ставрополь: [б.и.], 1913.
13. Чайнов А.В. Бюджет крестьянского хозяйства // Крестьянское хозяйство. Избранные труды. М.: Экономика, 1989.
14. Чайнов А.В. К вопросу теории некапиталистических систем хозяйства // Крестьянское хозяйство. Избранные труды. М.: Экономика, 1989.

УДК 94 (470.6) «18»

Ю. Ю. Клычников

СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ КАВКАЗ В ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I

В статье рассматриваются особенности военно-политической ситуации на Северо-Восточном Кавказе в период царствования императора Николая I. Показаны обстоятельства вооруженного сопротивления части гор-

ских племен распространению власти Российской империи.

Ключевые слова: империя, мюридизм, имамат, войска, укрепления, набеги.

Y. Y. Klychnikov

THE NORTH-EASTERN CAUCASUS DURING THE REIGN OF NICOLAS I

The article considers peculiarities of the military and political situation in the North-Eastern Caucasus during the reign of Nicolas I. The circumstances of the armed resistance of

some mountain tribes to the expansion of Russian empire are shown.

Key words: empire, muridism, imamat, troops, reinforcements, raids.

Среди нелегких проблем, выпавших на время царствования Николая I, пожалуй, одной из наиболее сложных было решение задачи по умиротворению Северного Кавказа [11, с. 8–25]. Следует отметить, что и в царствование Александра I на южной окраине империи ситуация складывалась далеко не однозначно. Достиженные военно-политические успехи вместе с тем не давали ожидаемых результатов. Энергичные действия А. П. Ермолова по блокаде «немирных» горцев привели к консолидации их усилий в борьбе с империей [8; 1, р. 966–969]. Последствия этого выпало решать уже Николаю I. В его царствование силовые акции нередко становились главным и единственно возможным в той ситуации аргументом в борьбе против ставших на путь газавата сторонников мюридизма [6, с. 294–316].

После побед над Персией и Османской империей в очередной раз возникла иллюзия столь же быстрой победы над «немирными» кавказскими племенами. За основу был взят проект И. Ф. Паскевича, предлагавшего широкомасштабное вторжение в горы. В отличие от ермоловского принципа постепенности, этот план был рассчитан на одну кампанию и не учитывал тех серьезных изменений, которые произошли в недрах горских обществ и были связаны с распространением воинственного мюридизма на Северо-Вос-

точном Кавказе. Как следствие, воплощение в жизнь замысла И. Ф. Паскевича оказалось безрезультатным, и, отозванный с Кавказа, он потребовал придерживаться исключительно оборонительной тактики, считая, что она является лучшим выходом из сложившейся ситуации.

Признанным авторитетом в оценке кавказских реалий был генерал-лейтенант А. А. Вельяминов, сподвижник А. П. Ермолова. Он настаивал на организации новых казачьих станиц в местах, которые горцы использовали для разведения своих коней. Таким образом, решались сразу две задачи – «набежчики» теряли мобильность, а Линия получала новых защитников, в значительной степени содержащих самих себя. В целом, следует признать предложения А. А. Вельямина наиболее обоснованными с военной точки зрения, но они требовали куда больших затрат, нежели предполагал сам разработчик [9, с. 310–345].

Северо-Восточный Кавказ являлся самым значимым «очагом» так называемой Кавказской войны. Именно здесь пустило корни воинственное идеологическое течение ислама – мюридизм, которое вывело набеговую систему горцев на качественно новый уровень. Здесь происходили наиболее кровавые сражения между царскими войсками и «немирными» племенами.

Во время войны с Персией российскому командованию удалось сохранить относительное спокойствие в крае. И. Ф. Паскевич настаивал на мирном разрешении возникающих конфликтов, закрывая глаза на отдельные случаи «хищничеств». Но наступившее затишье было обманчивым, т. к. в горах всё шире разворачивал свою пропаганду Кази-мулла. Взрыв произошел в 1830 г. и охватил горные районы Дагестана и Чечни. В Кази-мулле российская власть увидела опасного соперника, претендовавшего на влияние в регионе, и попыталась устранить его с помощью армии. Показательно, что действенных шагов в сторону попытки договориться с ним не предпринималось. Для борьбы с имамом перебрасывались дополнительные силы, но он, искусно уклоняясь от сражений, наносил неожиданные удары. Ему удалось держать в блокаде крепости Бурную и Внезапную, разграбить Кизляр и осадить Дербент. Его успехи, приукрашенные молвой, привлекали под знамена мюридизма всё новых участников. В конечном итоге Кази-муллу окружили в ауле Гимры, где он в ходе кровопролитного боя был убит. Но это не привело к желанному успокоению и прекращению распространения мюридизма. Новым имамом стал Гамзат-бек, продолживший дело своего предшественника. Он начал подчинять себе различные горские общества, но был убит кровниками, отомстившими за истребление аварского ханского дома. Ситуация вокруг Гамзат-бека в контексте российской политики любопытна тем, что на этот раз власть не спешила расправиться со своим новым противником, а заняла выжидательную позицию. Да и сам новоявленный имам не торопился идти на обострение, помня печальную участь своего предшественника.

Подобная практика некоторое время сохранялась и в то время, когда на смену Гамзат-беку пришел Шамиль. Но очень скоро убедившись, что этот горский предводитель по своим качествам существенно превосходит своих предшественников, царская администрация сделала очередную корректировку в своей политике. От стороннего наблюдения она переходит к поиску возможности договориться с имамом, привлечь его на свою сторону. В период 1835 и 1836 гг. активных военных столкновений на Северо-Восточном Кавказе не происходило, а российская власть вела переписку с Шамилем как с авторитетным, но всё же, по мнению царских генералов,

неравным партнером. Однако растущие амбиции имама, его активность и неуступчивость стали причиной новой попытки с помощью военной силы устранить эту неудобную фигуру. Но поход генерал-майора Фезе 1837 г., предпринятый с этой целью, оказался неудачен. Шамиль сохранил свою власть, хотя и выдал аманатов. Он подтвердил свою дееспособность как влиятельного владыки, умеющего объединять вокруг себя часть горских народов, а потому с ним в очередной раз попытались договориться. Успехом эти усилия не увенчались. Надежда на встречу Шамиля с Николаем I не оправдалась, т. к. имам не принял этого предложения. И вновь, как это было прежде, решили закончить противоборство одним ударом. Резиденция Шамиля в ауле Ахульго в 1839 г. была окружена и взята после долгой осады. Но сам имам сумел ускользнуть. Расчеты на то, что его авторитет подорван этим поражением, не оправдались. Непродуманные шаги, направленные на административное обустройство Чечни, привели к восстанию местных жителей, и они вновь призывали Шамиля возглавить их борьбу.

Таким образом, на протяжении конца 20-х – 30-е гг. XIX в. мы видим существенную трансформацию в российской политике на Северо-Восточном Кавказе. От попытки исключительно силового решения проблемы (устранение Кази-муллы) произошел переход к выжидательной позиции (по отношению к Гамзат-беку), а затем появляется стремление договориться с горским лидером в лице Шамиля, и, лишь осознав невозможность сделать это, решают убрать его силами армии [9, с. 362–428].

Вновь активизировавшийся Шамиль на этот раз сделал своей резиденцией ичкерийское селение Дарго, откуда начал проводить организованные набеги на равнины. Избегая открытых столкновений с российскими войсками, он преуспел в своей тактике изматывания неприятеля непрерывными нападениями. К имаму вслед за чеченцами вновь потянулись и дагестанцы. Новых союзников горский предводитель вербовал где уговорами, где угрозами, а где и насилем. Шамиль постепенно создавал эффективное теократическое образование, с помощью которого можно было решать амбициозные военно-политические задачи.

Между тем российское командование по-прежнему находилось под впечатлени-

ем громкой победы под Ахульго. На первый взгляд, ничего существенного не произошло. Формально посланный «умиротворять» Чечню генерал А. В. Галафеев нанес непокорным чеченцам поражение, в очередной раз заставив их бросать свои аулы и искать спасения в лесах. Вторжение самого Шамиля в шамхальство Тарковское было отражено. Но могущество имама эти тактические неудачи поколебать уже не могли. Российская администрация, скомпрометировавшая себя в глазах немалой части горского населения, выглядела чуждой и враждебной, а потому Шамиль, выступавший в качестве привлекательной альтернативы, мог рассчитывать на рекрутирование всё новых сторонников. Рано или поздно это должно было привести к принципиальному изменению ситуации в пользу последователей мюридизма.

Весной 1842 г. разгорелась упорная борьба за Казикумухское ханство. И хотя его удалось отстоять, но два неудачных похода, затеянных П. Х. Граббе в мае-июле, фактически означали, что Шамиль сумел найти уязвимое место в тактике своих соперников, и отныне прежние методы борьбы с горцами обречены на неудачу.

От обороны мюриды переходят к систематическому и планомерному наступлению. Это были уже не прежние набеги за добычей, а акции, имеющие далеко идущие политические цели. Под ударами превосходящих сил неприятеля в 1843 г. пало Унцукульское укрепление, остаток гарнизона которого сложил оружие. В неравной схватке полегли защитники Гергебиля. Русские войска лишились всех небольших крепостей в Аварии. К концу года под контролем царской армии оставался только Хунзах, но и его пришлось оставить и с боем прорываться к Темир-Хан-Шуре. Таким образом, российская администрация сохранила за собой лишь часть равнинной Чечни, Приморский Дагестан и небольшие укрепления по рекам Сулак и Казикумухское Койсу [3, с. 371–382].

Еще не осознавая всей драматичности ситуации, сложившейся в регионе, Николай I вместо усиления Кавказского корпуса решил в очередной раз произвести кадровую перестановку и назначил его командиром А. И. Нейдгарта. Осторожный Нейдгардт разделил свои силы на пять отрядов и попытался вытеснить Шамиля из Аварии. Но тот, искусно манев-

рируя, сумел избежать невыгодного для себя «генерального» сражения, и российские войска ни с чем вернулись на свои базы [2, с. 272–276]. Из Петербурга провал кампании 1844 г. казался следствием чрезмерной осторожности А. И. Нейдгарта, а потому ему на смену был прислан М. С. Воронцов, способный администратор и достаточно опытный военный. Пользуясь доверием императора, он должен был стать тем «кризис-менеджером», который не только выполнял директивы из центра, но и самостоятельно формировал политику России на её северокавказской окраине [14, с. 234; 12]. Осознание важности последнего пришло к Николаю I не сразу, и дебют графа на Кавказе оказался неудачным. Кровавая драма неудачной даргинской экспедиции окончательно заставила отказаться от порочной практики эпизодических репрессалий [10, с. 184–191]. Ей на смену пришла опробованная А. П. Ермоловым тактика постепенного стеснения неприятеля крепостями, связанными надежными коммуникациями, и широкое внедрение горского способа ведения войны в виде стремительных набегов силами мобильных отрядов. Признанными мастерами последних стали генерал Н. П. Слепцов [5], Я. П. Бакланов [13] и др.

Борьба за захват инициативы носила затяжной, изнурительный характер. Верно определив уязвимое место своего противника, М. С. Воронцов продолжал настойчиво расшатывать фундамент могущества Шамиля. Зимой 1849–1850 гг. русские войска прорубили просеку в Шалинскую долину, считавшуюся житницей Большой Чечни. До этого под топором солдат легли деревья Гойтинского и Гехинского лесов. Внешне не столь эффективные, как борьба за укрепленные аулы, эти действия, с точки зрения военно-политической целесообразности, были куда более полезны. Местное население, переселявшееся под контроль российских крепостей, получало от русской администрации продовольствие и деньги на обустройство, и это нередко действовало на его умы гораздо эффективнее, чем пушки и штыки.

Постепенно кризисные явления всё явственнее проступали во всех сферах жизни имамата. Большинство горцев устало от войны, и даже среди мюридской элиты находились те, кто не желал больше служить своему свирепому владыке [15, с. 62]. На сторону русских переходили такие знаковые фигуры

из окружения Шамиля, как легендарный Хаджи-Мурат, Бота Хамурзов и др. Последний стал верным советником и консультантом А. И. Барятинского. Сам А. И. Барятинский, сделавшись начальником Левого фланга Кавказской линии, придерживался тактики непрерывных наступательных действий без сезонных перерывов. Его энергичные действия против чеченцев не ограничивались только репрессалиями и переселениями. По инициативе А. И. Барятинского началось их административное обустройство, в 1852 г. учрежден «народный суд» – мехкеме, который являлся удачным симбиозом российской судебной практики и горских обычаев [3, с. 525–571].

Всё явственнее приближающийся крах имамата несколько отсрочила начавшаяся Крымская война. Российский император дальновидно не поддавался на уговоры покинуть столь тяжело доставшиеся его армии позиции в Дагестане [7, с. 439]. И хотя царское командование вынуждено было свернуть свою активность на Линии, а Шамилю удалось совершить удачное вторжение в Кахетию в 1854 г., ситуации это изменить не могло. Со смертью Николая I общая линия российской власти на Кавказе не претерпела существенных изменений, и окончательное падение владычества Шамиля оставалось делом ближайших лет.

Литература

1. Klyichnikov U. To appraising A. P. Ermolov's activities on the Northern Caucasus // Australian science review. 2014. №1(5). January-June.
2. Баддели Д. Завоевание Кавказа русскими. 1720–1860. М.: ЗАО Центрполиграф, 2007.
3. Блиев М. М., Дегоев В.В. Кавказская война. М.: Росет, 1994.
4. Блиев М. М. Россия и горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации. М.: Мысль, 2004.
5. Виноградов В. Б. Н. П. Слепцов – «храбрый и умный генерал». Армавир, 2000.
6. Выскочков Л. В. Николай I. М.: Молодая гвардия, 2006.
7. Зайончковский А. М. Восточная война, 1853–1856 г.: в 2 т. Т. II, в 2 ч. АПИ. Ч.2. СПб.: ООО «Изд-во «Полигон», 2002.
8. Клычников Ю. Ю. Деятельность А. П. Ермолова на Северном Кавказе (1816–1827) / под ред. В. Б. Виноградова. Ессентуки, 1999.
9. Клычников Ю. Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827–1840 гг.) / под ред. В. Б. Виноградова. Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2002.
10. Клычников Ю. Ю. Даргинская экспедиция 1845 г. // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир: АПИ, 2003. Вып. 2.
11. Клычников Ю. Ю., Линец С. И. Северокавказский узел: особенности конфликтного потенциала. (Исторические очерки) / под ред. В. Б. Виноградова. Пятигорск: РИА КМВ, 2006.
12. Лазарян С. С. Военно-политическая и административно-правовая деятельность князя М. С. Воронцова в Кавказском крае. 1845–1854 гг. Пятигорск: ПГЛУ, 2012.
13. Потто В. А. Яков Петрович Бакланов биографический очерк. СПб.: тип. В. Березовского, 1885.
14. Удовик В. А. Воронцов. М.: Молодая гвардия, 2004.
15. Фадеев Р. А. Кавказская война. М.: Изд-во Эксмо, 2003.

УДК 94(47):330/339 ``18-19``

И. В. Крючков

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ РОССИИ С ЕГИПТОМ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

В статье рассматриваются особенности развития экономических связей России с Египтом. Большую роль в развитии экономических связей между двумя странами играли российские дипломаты.

В начале XX в. России удалось увеличить экспорт в Египет и сократить импорт.

Ключевые слова: экспорт, импорт, Египет, генеральное консульство, дипломаты, предприниматели, хлопок, промышленные товары.

I. V. Kruchkov

ECONOMIC LINKS OF RUSSIA WITH EGYPT IN THE LATE XIX-th – EARLY XX-th CENTURIES

The features of the development of economic links between Russia and Egypt are examined in the article. Russian diplomats played a great role in developing economic links between two countries. Russia managed to increase exports

to Egypt and decrease imports at the beginning of the XX-th century.

Key words: exports, imports, Egypt, consulate-General, diplomats, businessmen, cotton, manufactured goods.

В силу географической удаленности и культурных различий взаимоотношения России с Египтом не носили систематический характер. Первое дипломатическое представительство России в Египте – консульство открывается в Александрии по указу Екатерины II в ноябре 1784 г. Россию Египет в конце XVIII – первой половине XIX вв. интересовал только в контексте русско-турецких взаимоотношений. Всплеск интереса в России к Египту отмечается в период правления паши Муххамеда Али (1805–1848 гг.), ознаменовавшегося проведением реформ и активной внешней политики [16, с. 236]. Россияне не верили в европеизацию Египта, отмечая доминирование восточного деспотизма и тотальной бедности населения, хотя встречались и публикации, признававшие определенный успех реформ Муххамеда Али [14, с. 17]. С 1831 г. Муххамед Али начинает войну с Турцией, в которой Россия поддержала Стамбул.

Санкт-Петербург решительно осудил оккупацию Египта Великобританией в 1882 г. Данный момент способствовал налаживанию сотрудничества россиян с египтянами в будущем. Россия стремилась проводить в Египте активную политику по мере сил и возможностей. Она была среди восьми стран, подписавших в октябре 1888 г. международную конвенцию, регулирующую деятельность Суэцкого канала [12, с. 271–275].

В 1862 г. в Каире создается Дипломатическое агентство и генеральное консульство России. С 1905 г. и до самой революции его возглавлял А. А. Смирнов. Кроме Каира и Александрии, дипломатические миссии России располагались в Порт-Саиде (консульство), в Суэце и Думьете (вице-консульства) [18].

В конце XIX – начале XX вв. в Египте появляется немногочисленная колония поданных России в основном евреев, коммерсантов-представителей других народов империи и политэмигрантов. В 1881 г. численность россиян составила 108 чел., в 1897 г. она достигла 3 тыс. чел., сократившись в 1907 г. до 2,4 тыс. чел. [6, с. 75]. Данный процесс был связан с оттоком части россиян за пределы Египта и принятием некоторыми из них местного подданства. Немаловажную роль в налаживании двухсторонних связей сыграло открытие регулярного судоходного сообщения между Одессой и Александрией. В 1913 г. по заказу «Русского общества пароходства и торговли» в Великобритании был построен большой пароход, соответствовавший всем последним достижениям техники «Император Петр Великий», для осуществления рейсов Одесса-Александрия [15, с. 55].

Новый этап во взаимоотношениях России и Египта начинается в конце XIX в.

Российско-египетские экономические отношения начинают расширяться с 80-х гг. XIX в. Бурно развивавшаяся в России текстильная промышленность остро нуждалась в хлопке, поэтому российские предприниматели в больших объемах вынуждены были закупать хлопок в США и в Египте.

По мере освоения Средней Азии в Санкт-Петербурге начинают уделять большое значение производству хлопка в данном регионе. Однако Средняя Азия сразу не могла удовлетворить растущий спрос на хлопок в полном объеме. К тому же у России и у местных народов отсутствовали современные технологии производства хлопка-сырца. Египет становится одной из стран, где россияне стремились изучать процесс производства и переработки хлопка-сырца, в том числе сложнейшую систему орошения хлопковых полей. Для этой цели в начале XX в. российские специалисты не раз посещали Египет для изучения местного опыта [1, л. 50, 162].

В середине 80-х гг. XIX в. Россия играла незначительную роль во внешней торговле Египта. В 1885 г. Великобритания контролировала 38 % египетского импорта, Османская империя 21 %, Австро-Венгрия 12 % и Франция 11 %. Египетский экспорт практически полностью зависел от Великобритании (68 %), затем шли Франция 9 %, Италия 6 %, Османская империя, Австро-Венгрия и Россия контролировали по 5 % [21]. К концу XIX в. Россия в целом добилась неплохих результатов в торговле с Египтом. В 1894 г. в египетском экспорте на Великобританию приходилось 6, 518 млн египетских фунтов, на Россию – 1, 823 млн фунтов, на Францию – 889 тыс. фунтов, Италию – 517 тыс. фунтов, Австро-Венгрию – 496 тыс. фунтов. В египетском импорте доминировала Великобритания – 3,182 млн фунтов, Османская империя – 1,338 млн фунтов, Франция – 886 тыс. фунтов, Австро-Венгрия – 743 тыс. фунтов и Россия – 387 тыс. фунтов [10, с.756].

Из приведенных данных становится очевидным недостаточное развитие экспорта товаров из России в Египет, что привело к значительному отрицательному сальдо не в пользу России. Слабым местом России в торговле с Египтом являлось отсутствие поставок в Египет текстильной продукции, здесь полностью доминировали Великобритания (861 тыс. фунтов), Австро-Венгрия (309 тыс. фунтов),

Франция (270 тыс. фунтов), Османская империя (179 тыс. фунтов) и Германия (91 тыс. фунтов) [10, с.756]. Египет полностью зависел от импорта пшеницы, муки, спиртных напитков, сахара, где Россия также могла сказать свое веское слово. Как ей удалось постепенно с Австро-Венгрией и Османской империей поделить рынок поставок в Египет древесины.

Успешные действия Австро-Венгрии позволили ей контролировать до 90 % рынка спиртных напитков Египта, так как египетский алкоголь отличался крайне низким качеством. Предприниматели империи Габсбургов, хорошо ориентируясь в специфике местного рынка (египетские торговцы не имели значительных оборотных средств. – прим. И. К.) принимали платежи от египтян через 3–4 месяца после поставки товара, а в случае проведения оплаты в течение 30 дней, они предоставляли им 2–3 % скидку [9, с. 307]. Такие гибкие схемы ведения бизнеса в Египте являлись примером для российских предпринимателей.

В 1901 г. Россия импортировала товаров из Египта на 1,743 млн руб. В основном это был хлопок и в незначительных масштабах овощи (зелень). Экспорт из России в Египет составлял всего 612,4 тыс. руб. Российский экспорт был более разнообразным, он включал поставки керосина, муки, пшеницы, живого скота, сахара и леса [5, л. 1–2]. Следует подчеркнуть, что специфика развития египетской экономики в конце XIX – начале XX вв. наложила отпечаток на характер торговли России и Египта. Хлопок полностью подавил остальные секторы сельского хозяйства Египта. Страна из традиционного экспортера продовольствия превратилась в импортера пшеницы, муки, сахара.

Крупнейшим пунктом, через который проходила торговля России с Египтом, являлся порт Одессы. В 1911 г. из Одессы в Александрию Россия поставила пшеницы на 870 тыс. руб., табака – на 418 тыс. руб., досок – на 86 тыс. руб. и древесины – на 41 тыс. руб., всего товаров на 1 млн 415 тыс. руб. В обратном направлении в Одессу завозился хлопок на 3 млн 320 тыс. руб., вата – на 120 тыс. руб., всего – на 3 млн 490 тыс. руб. [8, с. 21].

На рубеже XIX–XX вв. России не удалось существенным образом нарастить экспорт в Египет пшеницы и муки. В страну хлынул поток дешевой и низкого качества муки из Франции, которая потеснила позиции

россиян. Российская мука отличалась высоким качеством, и соответственно она стоила дороже. Однако египтяне, имевшие низкий уровень доходов, не ориентировались на качество муки, главным критерием выбора товара для них являлась низкая и доступная цена. Более востребованной в Египте была относительно дешевая и в тоже время имевшая хорошее качество пшеница из Таврической губернии [7, с. 38]. Среди новшеств зерновых поставок в начале XX в. отмечается вывоз в Египет кукурузы из Новороссийска.

В июле 1913 г. в Екатеринославе состоялся «Южно-Российский областной съезд по урегулированию хлебной торговли». На съезде, кроме всего, остро обсуждался вопрос о необходимости увеличения экспорта зерновых культур из России в страны Балканского полуострова и Ближнего Востока, в том числе в Египет. Среди первоочередных мер для реализации данного амбициозного проекта участники мероприятия выделили следующие факторы: удешевление морских тарифов; соединение всех российских портов Черного и Азовского морей с портами Ближнего Востока; введение четкой стандартизации зерновых культур. Идея создания специального фонда для поощрения экспортеров не нашла поддержки на съезде [17, с. 48].

Значимое место в российском экспорте в Египет занимал ввоз табака, особенно из Кубанской области. Однако накануне Первой мировой войны Кубань начала быстро сдавать позиции, и если в 1910 г. она поставила на берега Нила табака на 13,8 тыс. руб., то в 1912 г. – всего на 1,3 тыс. руб. [13, с. 86]. Это было связано с сокращением производства табака в регионе и ухудшением его качества. Одновременно набирают темпы поставки табака в Египет из Абхазии через порт Сухум [18, с. 36].

Россия также доминировала на египетском рынке керосина. В 80-е г. керосин из России теснит позиции американских производителей, так как российский керосин стоил дешевле продукции из США [20]. В 1894 г. с Кавказа через Батум в Египет ввозится керосина на 103,4 тыс. фунтов, а из США – всего на 29,2 тыс. фунтов [10, с. 756]. Основная масса российского керосина поставлялась в Египет через Порт-Саид. В 1897 г. в Порт-Саид поступило 113 тыс. пудов керосина из России и еще 1,8 тыс. пудов в Александрию [11, с. 79].

Российские дипломаты понимали необходимость развития экономических связей

России с Египтом. В 1901 г. российский консул в Александрии А. И. Иванов предложил создать в Александрии Российскую торговую палату. Такие учреждения в Египте имели Великобритания, Австро-Венгрия, Италия, Греция [5, л. 1]. Торговые палаты занимались изучением спроса на египетском рынке и оказывали всестороннюю помощь отечественным предпринимателям в расширении экономического проникновения в Египет. Они находили партнеров в Египте и сводили их с предприятиями и фирмами, заинтересованными в продвижении собственных товаров на египетский рынок и закупке местной продукции.

В январе 1903 г. министр финансов С. Ю. Витте дал согласие на открытие Торговой палаты в Александрии. В статье 4, утвержденного Устава Палаты определялась основная цель ее деятельности: «Торговая палата в Александрии заботится об ознакомлении египтян с русскими товарами, а также стремится подыскать этим товарам рынки для сбыта; для этой цели она содействует устройству выставок товарных образцов. Таковую же помощь она оказывает и египетским товарам, ввозимым в Россию» [5, л. 9]. В состав Правления Палаты, кроме российского генерального консула в Александрии, вошли: А. Прассино – член «Русского общества пароходства и торговли»; Е. Малиссон – крупный поставщик хлопка в Россию; Мустафов – представитель фирмы «А. Манташева»; Ф. Колышкин – представитель страхового общества «Россия»; М. Герценштейн – крупный поставщик в Египет российской муки [5, л. 19].

Российская сторона предпринимала и другие акции, направленные на расширение экспорта в Египте. В мае 1910 г. по инициативе «Русского общества пароходства и торговли» на пароходе «Николай II» была организована плавучая выставка российских товаров. Пароход два дня простоял в Александрии и пять дней в Порт-Саиде [4, л. 144]. Выставка вызвала большой интерес со стороны деловых кругов и политиков Египта. Ее посетили представители правящей династии, крупные государственные деятели страны, официальные лица дипломатических миссий других зарубежных государств, включая посла Великобритании Э. Горста. Многие российские фирмы получили заказы от египетских партнеров, посетители активно скупали экспонаты [4, л. 144].

В феврале 1911 г. исполняющий обязанности консула России в Порт-Саиде А. Я. Нассен предложил создать в городе, расположенном на берегах Суэцкого канала, постоянную выставку (склад) русских товаров. В ноябре 1911 г. Санкт-Петербург поддержал данный проект [2, л. 27]. Во второй половине 1912 г. склад заработал на полную мощность. В июне 1913 г. А. Я. Нассен подвел предварительные итоги работы склада. Они в целом были положительными. Среди египтян и иностранцев вызвали большой интерес кружева, вышивка, изделия из резины, произведенные в Московской губернии, скобяные и глиняные изделия, обувь из Казанской губернии, товары товарищества «В. А. Балакирева» из Ростова-на-Дону, «А. Сиу» и «А. М. Остроумова» из Москвы, «Наследников В. С. Баташева» из Тулы, и «Панфиловых» из Владимирской губернии.

Благодаря складу в Египте получили распространение российская парфюмерия, конфеты товарищества «А. Сиу». Российские товары распространялись не только в Порт-Саиде, но и в Каире, и в Александрии. Более того, товарищества «В. А. Балакирева», «А. Сиу», «А. И. Остроумова» и «Наследников В. С. Баташева» наладили постоянную торговлю с Египтом, что стало явным успехом деятельности склада. Склад даже посещали представители деловых кругов Австралии и Индии.

В то же время опыт создания подобного склада выявил ряд общих бед в организации Россией экспорта. Многие российские фирмы проявляли слабый интерес к внешней торговле, огромный внутренний рынок не требовал существенных усилий при организации сбыта товаров в сравнении с мировым рынком. Российские предприниматели отказывались учитывать специфику местных рынков и идти на взаимовыгодные соглашения со своими возможными иностранными партнерами. Поэтому склад в Порт-Саиде столкнулся с большим количеством отказов со стороны российских фирм, которые, предоставив товары в качестве образцов, не собирались налаживать постоянные контакты с египетскими партнерами. Более того, некоторые фирмы затягивали исполнение контрактов, несмотря на все увещивания египетской стороны. В Египте, как и в других странах для удобства ведения бизнеса имелись каталоги товаров, о создании которых у себя россияне не задумывались. Еще одной проблемой стало отсут-

ствие крупных оптовых складов, где могли бы размещаться товары из России. Российская пресса также отмечала слабый интерес российских предпринимателей к Египту [8, с. 21].

Несмотря на данные негативные моменты А. Я. Нассен не сомневался в том, что Россию ждет успех в деле экономического освоения Египта при правильном взаимодействии правительства, дипломатического корпуса России в Египте и предпринимателей [2, л. 70–78].

Усилия российских властей и предпринимателей к Первой мировой войне дали свои результаты. При сокращении общего объема внешней торговли России с Египтом с 17,432 млн руб. в 1908 г. до 14,610 млн руб. в 1913 г., радикальным образом изменилась ее структура. За это время экспорт из России увеличился с 1,638 млн руб. до 8,671 млн руб., а импорт из Египта сократился с 13,794 млн руб. до 5,939 млн руб. [17, с. 30–32]. Такие изменения были вызваны рядом обстоятельств. Во-первых, России удалось нарастить экспорт своей продукции, в том числе промышленных товаров. Во-вторых, по мере увеличения производства хлопка в Средней Азии, Россия все меньше зависела от импорта хлопка из Египта, а потери данного сегмента взаимной торговли Каир пока не мог ничем заменить. В то же время из стран Ближнего Востока и Африки Египет оставался крупнейшим внешнеторговым партнером России, уступая по данному показателю только Османской империи и Персии.

Первая мировая война и последовавшее за этим закрытие черноморских проливов самым негативным образом сказались на торговле России с Египтом. Однако даже в данной экстремальной ситуации в Петрограде думали о дальнейших перспективах развития экономических связей с Египтом. В октябре 1914 г. в Каире был создан «Комитет для развития русской торговли в Египте». Комитет должен был координировать деятельность всех структур в деле организации торговли России с Египтом. Его активно поддерживали многие авторитетные объединения предпринимателей России и отдельные фирмы, включая Российскую экспортную палату, Общество заводчиков и фабрикантов Московской губернии, Совет съездов представителей промышленности и торговли Юга России (Одесса), АО «Варшавская паровая мельни-

ца», товарищества «Марриот» и «Зелегмана» из Москвы, «Г. Гольфельдера» из Варшавы и другие.

Комитет прорабатывал вопрос расширения спектра товаров, вывозимых из России и в Египет, в том числе цемента, табака, строительных материалов. Комитет занялся каталогизацией российских товаров и распространением среди египтян их образцов. Здесь понимали все преимущества, которые предоставляло развитие экономических свя-

зей с Египтом: через него можно было организовать продвижение российских товаров в Судан, Эфиопию и в Центральную Африку [3, л. 3–4].

Февральская революция 1917 г. и последовавшее за ней взятие большевиками власти полностью разрушили на долгое время экономические связи России с Египтом. 6 октября 1923 г. египетские власти официально закрыли российские дипломатические миссии.

Литература

1. Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф.317. Дипломатические агентства и генеральное консульство в Египте. Оп. 820. Д. 574.
2. АВПРИ. Ф.149 Турецкий стол (новый). Оп.5026. Д. 578.
3. АВПРИ. Ф.149 Турецкий стол (новый). Оп.5026. Д. 3674.
4. АВПРИ. Ф.149 Турецкий стол (новый). Оп.5026. Д. 3688.
5. АВПРИ. Ф.149 Турецкий стол (новый). Оп.5026. Д. 6820.
6. Беляков В. В. Исторические волны российской эмиграции в Египет // Восточный архив. 2010. № 2.
7. Бензин В. М. Наши хлеба и хлебный экспорт // Труды императорского Вольного экономического общества. 1914. № 4–6.
8. Весов Я. Россия и Египет // Торгово-промышленный Юг. 1913. № 21.
9. Вестник промышленности, финансов и торговли. 1901. № 19.
10. Египет // Вестник промышленности, финансов и торговли. 1895. № 26.
11. Кавказский календарь на 1899 г. Тифлис: Гл. упр. Кавказ. наместника, 1898.
12. Конвенция об обеспечении свободного пользования Суэцким каналом // Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М.: Госполитиздат, 1952.
13. Кубань и Черноморское побережье на 1914 г. Екатеринодар: Элект. Типограф. Т-ва «Печатник», 1914.
14. Мегемет-Али, паша Египта // Вестник Европы. 1826. № 9.
15. Морское обозрение // Торгово-промышленный Юг. 1913. № 13.
16. Петрунин Ж. В. Жизнь египтян в период правления Муххамеда Али в представлениях российского общества XIX в. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2009. Т.11. № 2.
17. Статистический ежегодник России. Пг.: Издание Центрального Статистического Комитета, 1915.
18. Торгово-промышленный Юг. 1913. № 14.
19. Хохлов Н., Горячкин Г. Из истории русской дипломатии в Египте // Дипломатический вестник. 2002. Декабрь.
20. Экономический журнал. 1885. № 6.
21. Экономический журнал. 1885. № 8.

УДК 94(47)/02

И. В. Лисюченко

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КНЯЗЯ В ДРЕВНЕЙ РУСИ: ЯЗЫЧЕСКОЕ И ХРИСТИАНСКОЕ

Статья посвящена исследованию ответственности правителя за неблагополучное положение дел в стране. Тщательное исследование библейских свидетельств показывает, что перед нами – наследие языческого прошлого.

Ключевые слова: ответственность князя, Древняя Русь, язычество, христианство, Библия.

I. V. Lisyuchenko

THE RESPONSIBILITY OF A PRINCE IN ANCIENT RUSSIA: PAGAN AND CHRISTIAN

The article examines the responsibility of the ruler for the dysfunctional state of affairs in the country. A careful study of the biblical evidence shows that it is the legacy of the pagan past.

Key words: the responsibility of the Prince, Ancient Russia, paganism, Christianity, Bible.

Рассмотрение различных источников показывает, что восточнославянский князь считался ответственным за всё, в том числе и за урожай. В вышегородском «Паримийнике» и «Мериле праведном» идея об ответственности князя за состояние дел прослеживается достаточно чётко [20, с. 164–165]. Аналогичные воззрения проводятся и в «Киево-Печерском Патерике»: *«Ожидаа нашего покаания, наводит на ны овогда глад, овогда ли рати за неустроение сушаго властелина. Симь бо приводит Владыка нашъ человекъское нерадение на добродетель, на память дель неподобных, и бо делающаа злаа и неподобная дела предании будутъ злым и немилостивым властелинам, грех ради наших, но ни тии убежат суда; суд бо безъ милости не сътворшему милости»*.

матов относит данный текст уже собственно к Нестору, полагая, что в более ранних сводах его ещё не было [15, с. 554; 25, т. II, стб. 126–127, т. I, стб. 139–140, т. 38, с. 61; 21, с. 558; 26, с. 127; 12, кн. I, примечания, т. II, с. 6, примеч. 7; 39, с. 417, 463], но для нас вопрос датировки не имеет решающего значения. На подобные идеи уже обращали внимание в историографии [24, с. 215; 44, р. 289], причём необходимо отметить, что последние господствовали на Руси и позже. *«Вем бо, Господи, яко мене ради хошеши всю землю нашу погубити, азъ бо съгреших пред Тобою паче всех человек»*, – молится перед Донским побоищем Дмитрий Иванович в памятниках Куликовского цикла [23, с. 144, 229, 173, 212].

В «Повести временных лет» (ПВЛ) и идущем за ней Троицком списке Новгородской I летописи (НПЛ) младшего извода при описании начала правления Святополка Окаянного проводится идея о том, что за праведность народа Бог посылает ему добрых властелинов, а за грехи – отнимает от страны добрых лидеров и ставит злых. За злодеяния же властителей «большее зло наводит Богъ на землю ту, понеже глава есть земли то, тако бо Исая рече: *«Согрешиша от главы и до ногу, есть от цесаря и до простыхъ людий»*. Судя по выпискам Н. М. Карамзина, примерно то же читалось и в Троицкой летописи. А. А. Шах-

Представление о том, что василевс отвечает за всё, имело место и в Византии [18, с. 37; 19, с. 180], так что, на первый взгляд, перед нами простое заимствование. В Древней Руси, что отмечал Н. А. Полевой, имело место воззрение, согласно которому «Бог посылает плохих властителей за грехи народа». Однако, «очарованная завеса» княжеской власти объясняется, вопреки мнению последнего [24, с. 214–215], не этим воззрением. Резонен также вопрос о том, является ли последнее действительно библейским, несмотря на то, что оно было характерно для Руси даже в XIII–XV вв. В Ветхом Завете проводится мысль о том, что за грехи царя Бог казнит всю землю. Однако при внимательном рас-

смотрении оказывается, что в последнем случае перед нами – не объективное вменение, а наказание народа за совершённые им грехи, в которые его вверг царь. Народ же, таким образом, виновен в тех же прегрешениях, что и его правитель. К тому же, мысль о наказании народа соседствует с призывом к покаянию. «За съя, елика сотвори Манассна, царь Иудинь, мерзости съя лукавыя, – читаем в 4-й книге Царств, – паче всехъ, яже сотвориша Аморрее, иже прежде сегю быша, и введе во грехъ и Иуду, въ кумнрехъ своихъ: не такш: Се, Азь наведу злая на Иерусалимъ и на Иуду, яко всякому слышашему пошумять обоя оуха егю». «Яко смири Господь Иудею ради Ахаза, царя Иудина, понеже отступи отступленьемъ от Господа», – говорится во 2-й книге Паралипоменон. «И предамъ ихъ во оутестенья всемъ царствамъ земнымъ, ради Манассни, сына Езекиина, царя Иудина за вся, яже сотвори во Иерусалиме», – изрекает Господь через пророка Иеремию, и последний призывает народ покаяться [4 Цар. 21:11–12; 2 Пар. 28:19; Иер. 15:4; 7, с. 63; 35, т. II, с. 560, т. III, с. 159–160, т. VI, с. 57].

Итак, народные верования восточных славян на деле оказались невозводимы к ветхозаветным прообразам. Интересно, что на Рюгене Святovit – не только воитель, но и даритель плодородия, причём обряд, проводившийся при гадании о будущем урожае, как оказалось, имеет явную параллель в обычаях даже современных осетин [8, с. 57]. Можно, конечно, возразить, ибо Святovit не связан непосредственно с княжеской властью, явно уступавшей здесь власти верховного жреца. Но заставляет насторожиться и наличие аналогичных восточнославянским верований у других языческих индоевропейских народов, например, у Гесиода и в «Законах Ману» [6, с. 615]. Вспомним также Олафа Лесоруба, конунга свеев, сожжённого народом. Люди тогда объясняли голод тем, что этот правитель пренебрегал жертвоприношениями [43, bl.31; 9, 13; 2, с. 263; 5, с. 130, примеч. 80; 11, с. 30–31]. Отметим и королей-гендинов древних бургундов у Аммиана Марцеллина [Аmm. Marc. XXVIII, 5, 14]. Кроме того, можно также вспомнить также объединителя Норвегии Хальфдана Чёрного, чьё тело оспаривали представители различных регионов Норвегии. Ради хороших урожаев оно было разделено на четыре части и погребено в различных фюль-

ках страны: «...hann hafpi verit allra konunga brsjlstr. Svб mikit gerpu menn sйr um hann, at юб er юat spurpisk, at hann var daupr, ok lmk hans var flutt б Hringarhki ok var юar til graptar жtlat, юб fyru rhkismenn af Raumarhki ok af Vestfold ok Heiptmork ok beiddusk allir at hafa lmkit mer sйr ok heygja n snu fylki, ok юytti юat vera brvjnt, юeir er nжpi. En юeir жttusk svб, at lmkinu var skipt n fyra stapi, ok var hofupit lagit n haug at Steini б Hringarhki, en hverir fluttu heim sinn hluta ok heygju, ok eru юat alt kallapir Hбlfданar-haugar» [43, bl.40–41; 5, с. 128–129]. («...не было таких урожайных лет, как при нём, ни при каком конунге. Все люди так любили его, что когда пронёсся слух, что он умер и его тело привезено в Хрингарики, где его и собирались похоронить, туда приехали царственные мужи Раумарики, Вестфольда и Хейдмёрка, моля, чтобы им дали похоронить тело каждые в своём фюльке. Они полагали, что это даст им урожайные годы. Примирились же на том, что тело было расчленено на четыре части, голову похоронили у Камня в Хрингарики, а другие части каждый из них увёз к себе, и они были похоронены в курганах, называющимися Хальфдановыми курганами»). В «Саге о Инглингах» для сохранения мира и блага страны Фрейра также похоронили в кургане, не сжигая его, т. е. не отпуская мёртвого в иной мир. При этом люди не забывали и свои обязанности перед правителем-богом, пересыпали/передавали золото, серебро и медь, получаемые в виде податей, через три окна в кургане. Учитывая явный налёт эвгемеризма у Снорри, что отмечали, в частности, Дж.Р. Р. Толкин и Н. В. Брагинская, ясно, почему этот бог здесь толкуется как древний конунг [43, bl. 9–10; 34, с. 38; 6, с. 615–616]. Так, видимо, понимали данный сюжет образованные скандинавы в эпоху «скандинавского двоеверия», хотя в истоках образа перед нами скорее воспоминание о реальных конунгах как воплощениях бога Фрейра. Под 1164 г. Саксон Грамматик помещает сообщение о том, что во время посещения Германии правнуком Мономаха Вальдмаром, конунгом датским, матери подносили ему детей, а крестьяне – колосья, веря, что прикосновение правителя обеспечит им рост. [42, p.115–116]. Возвращаясь же к восточным славянам, необходимо отметить, что подобные верования у последних нельзя объяснить и заимствованием из Германского Мира, поскольку идея об ответственности властителя

за всё не является исключительно германской, имея параллели и в образе арийских жрецов, перемешавших в обряде «небесную» бадью [14, с. 156–162; 40, с. 170]. Вспомним также, что у благого базилия, согласно «Одиссее», в стране изобилие хлеба, скота и рыбы, так что упомянутые выше византийские представления легко объяснимы преемственностью с собственной более древней традицией. Подобные верования известны и у древних кельтов. У последних, в частности, король был связан силой Правды (*fír flatha*), и его несправедливость приводила к страшным бедствиям для всего народа. Так, после несправедливого судебного приговора та часть дома, где сидел изрекший его король Лугайд Мак Кон, обрушивается, и начинается страшный неурожай, ибо не растут листья, трава и зерно, и через год разъярённый народ свергает несправедливо властелина [38, с. 100; 10, с. 121]. Похоже, перед нами общеиндоевропейское наследие, что не исключает и типологического сходства между верованиями народов, сохранявших ещё архаическое сознание. Попутно добавим, что восточнославянский князь стоит в ряду иных священных правителей, ответственных за благополучие народа, резко отличаясь тем самым от военных вождей, предводителей комитата, которые не несли подобной обязанности [13, с. 125].

С другой стороны, неправильное поведение правителя, как считали, автоматически ударит по всем, и перед нами, таким образом, – частный случай невыделенности личности из коллектива. По словам В. В. Пузанова, «любой поступок, выходящий за регламентационный ряд, нёс угрозу благополучию родичей, вызывал порицание и наказание. Ведь предки, духи или боги могли отвернуться от живущих, что не оставляло им шансов на выживание в борьбе с другими коллективами» [27, с. 55]. Если так боялись «греха» со стороны простых общинников, ясно, что неправильный поступок князя, тождественного всему миру и обществу, мог привести, по мысли язычника и «двоeverца», к поистине чудовишным последствиям.

Кроме того, в восточнославянских князьях, судя по некоторым данным, по-прежнему видели сверхъестественных существ, в том числе и ответственных за погоду, что имеет массу параллелей в истории иных архаических обществ [38, с. 72–93; 31, кн. I, с. 80].

Вспомним, к примеру, так называемые Полоцкие камни, поставленные Борисом Всеславичем между 1127 и 1129 гг., во время страшного голода [25, т. I, стб. 299, т. II, стб. 293, т. 38, с. 106; 21, с. 21, 206; 29, с. 674]. Это не крест в память Бориса, как полагал Н. П. Дашкевич. Сын этого полоцкого правителя Рогволод в 1171 г. превратил в аналогичный крест дольмен. Надписи на камнях имеют обращение к христианскому Богу: «*Господи, помози рабу Твоему Борису!*» [9, с. 123, примеч. 2] и «*Въ лето 6679 маяя въ 7 день доспень крестъ сии: Господи, помози рабу Своему Василию въ крещении, именемъ Рогволоду, сыну Борисову!*» [1, т. I, кн. 2, с. 71, примеч. 427]. Однако, прав Б. А. Рыбаков, отмечавший аграрно-магический характер данного обряда. Интересно, что помощь призывается на имя князя [29, с. 674], а не голодающего народа, ибо последний неотделим от своего священного властелина. Интересно и указание древлян на то, что их добрые князья распасли землю, «*т. е. умножили благополучие их «племени»*» [32, с. 254].

Строго говоря, ответственность за неурожай и голод могла быть возложена не только на *князя*, в истоках образа – родовладыку, но и на любого лидера, в том числе и церковного. Отсюда, кроме того, и сожжения волхвов в том же XIII в., а также ведьм. «*Того же лета ижгоша вълхвы 4, творяхуть е потворы деюше, а Богъ вестъ, – читаем в НПЛ под 1227 г., – и съжгоша ихъ на Ярославли дворе*» [21, с. 65, 270; 31, кн. II, с. 602, 606]. Данному чрезвычайному событию легко дать иное объяснение: на Новгород в 1227–1230 гг. обрушился страшный голод [21, с. 65–71, 270–280]. Вопреки Н. А. Семидеркину, в сожжении волхвов Православная Церковь участия не принимала, видимо, как и св. Серапион, хорошо понимая языческий подтекст данного действия. Фактически это была либо «жертва за урожай», как её определял И. Я. Фроянов, считавший, что волхвы своими ритуалами пытались, но не смогли прекратить голод, либо, добавим мы, очищение от скверны, которое провели в священном центре мира – на княжеском дворе [28, с. 158; ср.: 30, с. 454; 36, с. 451–452]. Последнее обстоятельство, по резонному мнению Н. И. Костомарова, свидетельствует в пользу того, что это деяние произошло по вечевому приговору [17, с. 99]. В те страшные годы своих должностей лишились и архиепископ, и посадник, и тысяцкий, иными

словами, – вся высшая администрация Новгородской земли. Первого из них обвиняли в том, что он за взятку князю сел на владычный престол, и «того деля стоить тепло». Нет оснований рассматривать данные события как образец классово-борьбы, как полагал М. Н. Тихомиров. Ещё А. Н. Афанасьев и Н. И. Костомаров увидели здесь отзвук представлений о лидерах как о заклинателях погоды, хотя, разумеется, во многом переосмысленных. Данные идеи были плодотворно развиты И. Я. Фрояновым. Тоже самое следует сказать и о свержении посадника и тысяцкого. Грехи лидеров, по мнению новгородских «двоеверцев» XIII в., привели к наказанию всего народа [21, с. 67, 69–70, 273, 277–278, 474; 33, с. 217–218; ср.: 2, т. III, с. 508–509; 17, с. 103; 36, с. 451–459], что противоречит, как мы видели выше, собственно христианским представлениям.

Добавим, что порой даже сами православные иерархи шли на уступки подобным воззрениям, чтобы предотвратить ещё более нетерпимые явления. «Се веде азъ, поучаю вы, яко за моя грехи беды сия деются», – писал Серапион Владимирский уже в XIII в., стремясь утвердить в сознании своей «двоеверной», по сути, паствы мысль о греховности как причине стихийных бедствий, ратей и неурожая, о чём неоднократно говорится в Библии. Святой, таким образом, частично взял вину на себя, хотя вряд ли сомневался, что его слова канонически небыстречны и, к тому же, будут истолкованы в языческом ключе. Так он стремился защитить мнимых колдуний, повинных, по мнению «людей», вобшественных бедствиях (ср. и события 1071 г. на Северо-Востоке Руси) [30, с. 454], тогда как новгородский архиепископ в 1227 г., опасаясь за себя, напротив, не решился спасти волхвов от разъярённого, обезумевшего от голода народа. В словах о своей вине будущий епископ владимирский опирался, надо думать, на следующую идею: с того, кому больше даёт-

ся, и спросится больше. «Вась точью познахъ от всехъ племень на земли, сегю ради отмишу на вась вся грехи ваша», – говорит Израиллю Господь через пророка Амоса. Та же мысль известна и в Евангелии от Луки: «Всякому же, емуже дано будетъ мнугш, мнугш взыщется от негю: и емуже предаша мнужайше, мнужайше прусячь от негю» [Ам. 3:2; Лк. 12:48; 22, с. 410; 4, с. 466–467; 35, т. VII, с. 169, т. IX, с. 207].

Особое внимание распространению мысли о том, что только Бог является источником плодородия и неплодородия, уделяет и «Киево-Печерский Патерик». Древний книжник подчёркивает, что дождь может снизойти с небес по молитве св. праведников, подобных Кукше и монаху Никите. Народ же, как мы видим из «Слов» св. Серапиона и текста НПЛ, был иного мнения. Впрочем, восточные славяне в этом отношении не представляли собой ничего из ряда вон выходящего. Так, уже у пророка Захарии, т.е. через много столетий после Моисея, читаем: «Просите от Господа дождя во время ранягш и пузнягш: Господь сотвори привиденья, и дуждь зимень дасть имь, комуждо злакъ на селе. Зане провешаюшьи глагулаша труды, и вражбителье виденья люжны и сюнья лжива глаголаху, суетными оутешаху: сегю ради исхуша, якш овцы, и озлубли быша, понеже не бе изцеленья. На пастырей прогневася ярость Моя, и на агнцы посешу...» [15, с. 494, 520; ср.: Зах. 10:1-3; 35, т. VII, с. 413 – 414].

Подводя итоги, необходимо отметить, что древнерусский князь, как и иные высшие лидеры, даже в XI–XIII вв., по крайней мере, в обыденном сознании, сохранял немало черт, роднящих его с древними священными владыками. Народ возлагал на князей ответственность за благополучие страны, что явно имело характер объективного вменения. Сравнение с библейскими текстами, с одной стороны, и с языческими воззрениями индоевропейцев, – с другой, не позволяет полагать, что подобные идеи имеют христианское происхождение.

Литература

1. Арцыбашев Н. Повествование о России. Т. I. Кн. 1–2. М.: Тип. ун-та, 1838.
2. Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу: в 3 тт. – Т. II–III. М.: Издательство «Индрик», 1994.
3. Библия. М.: Российское Библейское Общество, 1997.
4. Благовестник, или Толкование блаженного Феофилакта, Архиепископа Болгарского. Т. 1. Киев: Типография Киево-Печерской Лавры, 2006.
5. Блок М. Короли-чудотворцы. М.: Языки русской культуры, 1998.

6. Брагинская Н. В. Царь // Мифы народов мира. Т. 2 / гл. ред. С. А. Токарев. М.: Советская энциклопедия, 1992.
7. Ветхий Завет. Перевод с древнееврейского. Книга Иеремии. Плач Иеремии / пер., вступ. ст. и комм. Л. В. Маневича. М.: Российское Библейское Общество, 2003.
8. Ганина Н. А. Судьба Святовита: реликты и трансформация индоевропейского мифа на Рюгене // Восточная Европа в древности и средневековье. Язычество и монотеизм в процессах политогенеза / отв. ред. Е. А. Мельникова. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2014.
9. Дашкевич Н. Княжение Даниила Галицкого по русским и иностранным известиям. Киев: Тип. ун-та, 1873.
10. Диллон М., Чедвик Н.К. Кельтские королевства. СПб.: Издательская группа «Евразия», 2002.
11. Гуревич А.Я. История и сага. М.: Наука, 1972.
12. Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн. I. Т. I–IV. М.: Книга, 1988.
13. Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства. М.: Прогресс, 1987.
14. Кёйпер Ф. Б. Я. Труды по ведийской мифологии. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1986.
15. Киево-Печерский Патерик // Памятники литературы Древней Руси. XII век / общ. ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. М.: Худож. лит-ра, 1980.
16. Кобишанов Ю. М. Полюдь: явление отечественной и всемирной истории цивилизаций. М.: РОССПЭН, 1995.
17. Костомаров Н. И. Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада. Т. 2. СПб.: Изд. Д. Е. Кожанчикова, 1863.
18. Лебедев А. П. Очерки внутренней истории Византийско-восточной церкви в IX, X и XI веках. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2003.
19. Литаврин Г. Г. Византийское общество и государство в X–XI вв. Проблемы истории одного столетия: 976–1081 гг. М.: Наука, 1977.
20. Насонов А. Н. История русского летописания XI – начала XVIII века. Очерки и исследования. М.: Наука, 1969.
21. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с предисловием А. Н. Насонова. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
22. Новый Завет на греческом языке с подстрочным переводом на русский язык / гл. ред. А. А. Алексеев. СПб.: Российское Библейское Общество, 2008.
23. Памятники Куликовского цикла / гл. ред. Б. А. Рыбаков. СПб.: Русско-балтийский информационный центр БЛИЦ, 1998.
24. Полевой Н. А. История русского народа. Т. I. М.: Вече, 1997.
25. Полное собрание русских летописей. Т. I–II. М.: Изд-во восточной литературы, 1962.; Т. 38. Л.: Наука, Ленинградское отд-е, 1989.
26. Присёлков М. Д. Троицкая летопись. СПб.: Наука, 2002.
27. Пузанов В. В. Древнерусская государственность. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2007.
28. Российское законодательство X–XX веков. Т. I / отв. ред. тома В. Л. Янина. М.: Юрид. лит-ра, 1984.
29. Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М.: Наука, 1988.
30. «Слова» Серапиона Владимирского // Памятники литературы Древней Руси: XIII век / общ. ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. М.: Худож. лит-ра, 1981.
31. Соловьёв С. М. Соч. Кн. I. М.: Голос, 1993.; Кн. II. М.: Мысль, 1988.
32. Стефанович П. С. «Наши князи добри суть»: о сакрализации и десакрализации княжеской власти на Руси в X–XII вв. // Восточная Европа в древности и средневековье: Язычество и монотеизм в процессе политогенеза. XXVI Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто. М.: ИВИ РАН, 2014.
33. Тихомиров М. Н. Древняя Русь. М.: Наука, 1975.
34. Толкин Дж. Р. Р. Чудовища и критики. М.: АСТ: АСТ-Москва: Хранитель, 2008.
35. Толковая Библия, или комментарий на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета. Т. II–III, VI–VII, IX / издание преемников А. П. Лопухина. СПб.: Бесплатное приложение к журналу «Странник», 1905–1912.

36. Фроянов И. Я. Древняя Русь. Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. М.; СПб.: Златоуст, 1995.
37. Фроянов И. Я. Древняя Русь // Курбатов Г. Л., Фролов Э. Д., Фроянов И. Я. Христианство: Античность. Византия. Древняя Русь. Л.: Лениздат, 1988.
38. Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1998.
39. Шахматов А. А. Разыскания о русских летописях. М.: Академический проект; Жуковский: Кучково поле, 2001.
40. Шилов Ю. А. Прародина ариев. Киев: СИНТО, 1995.
41. Gardhausen Rec. V. Ammiani Marcellini Rerum gestarum libri qui supersunt. Vol. 1–2. Lipsiae: Tauchnitz, 1874–1875.
42. Waitz Ed. G. Ex Saxonis Danorum // Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum. T. XXIX. Leipzig: Verlag Karl W. Hiersemann, 1925.
43. Jynsson Utgiviet af F. Snorri Sturluson. Heimscringla. Nyregs konunga sogur. Oslo: Universitetsforlaget; Kshbenhavn: G.E.C. Gads Forlag, 1966.
44. Vernadsky G. V. Kievan Russia. New Haven; London: Yale univ. press, 1976.

УДК 94(430)/082

И. В. Лохова

ГЕРМАНСКИЙ ЗАКОН 1883 г. О МЕДИЦИНСКОМ СТРАХОВАНИИ И ЕГО РОЛЬ В УЛУЧШЕНИИ ПОЛОЖЕНИЯ ТРУДЯЩИХСЯ

В статье рассматриваются основные положения закона 1883 г. создавшего систему медицинского страхования населения в Германии. Закон сыграл большую роль в улучшении положения трудящихся в стране, став основой

для принятия аналогичных законов в других странах, в том числе в России.

Ключевые слова: Германия, О. Бисмарк, медицинское страхование, больничные кассы, законодательство.

I. V. Lokhova

GERMAN HEALTH INSURANCE LAW OF 1883 AND ITS ROLE IN IMPROVEMENT OF THE CONDITIONS OF WORKERS

The article analyses the main statements of the Law of 1883, which created the system of health insurance for German population. The Law played a great role in improvement of the conditions of workers in the country. It served

as a basis for adoption of similar laws in other countries including Russia.

Key words: Germany, O. Bismarck, health insurance, sick-fund, legislation.

Законами, принятыми после манифеста 1881 г. и расширявшими основы социального законодательства Германской империи, стали закон о медицинском страховании на время болезни, принятый 15 июня 1883 г., (в последствии в закон вносились изменения в 1892 г., 1900 г. и 1908 г.), закон о страховании от несчастных случаев 1884 г. (с коррективами, внесенными в 1900 г. [1]) и закон о страховании по инвалидности и старости 1889 г.

Закон 1883 г. обсуждался более 2 лет, так как он предполагал масштабную помощь рабочим и служащим, причем большая часть расходов уже ложилась на плечи предпринимателей.

Закон 1883 г. имел обязательный характер, и уклонение от его соблюдения строго наказывалось. Согласно закону, все рабочие, служащие и ремесленники, имевшие доход ниже 2 тыс. марок в год, подлежали страхованию на случай болезни. Действие закона

выходило за рамки промышленности, в сферу его действия попадали торговля, почта, телеграф, морские порты, адвокатские и нотариальные конторы, суды, страховые общества и вольнонаемные лица, работавшие в германской армии [5, s.1–2].

Государство внимательно следило за тем, чтобы все доходы лиц, подлежащих социальному страхованию, попадали под действие норм закона, чтобы не получалось двойной бухгалтерии. Поэтому все дополнительные выплаты, получаемые рабочими и служащими, включая натуральную оплату труда, попадали под обязательное социальное страхование. Исключением стали категории рабочих, получавших социальные выплаты от работодателей, но их объем не должен быть ниже уровня, определенного общеимперским законодательством.

Закон допускал добровольное страхование для тех категорий рабочих, служащих, которые не попадали в разряд обязательного страхования, они имели право по собственной инициативе вносить необходимые социальные отчисления. Условием было наличие у них доходов не выше 2 тыс. марок в год [5, s. 1–2]. В страховой системе, сформированной законом 1883 г., могли участвовать члены семей рабочих и служащих, получая в случае болезни необходимую врачебную и медикаментозную помощь.

В сельской местности рабочие и служащие, занятые в аграрном производстве, не попадали в категорию лиц, подлежащих социальному страхованию в обязательном порядке. Имперское законодательство регулирование данного процесса полностью отдавало на усмотрение членов Германского союза (империи). В Брауншвейге, Саксонии, Бадене, Вюртенберге, Гессене, Саксен-Веймарне, Саксен-Альтенбурге, Шварбурге принимаются законы об обязательном страховании рабочих занятых на сельскохозяйственных предприятиях. В то же время это законодательство не распространялось на территории крупных производителей аграрной продукции в Германии, включая Пруссию и Баварию. Местные законодатели не сочли возможным ввести обязательное социальное страхование сельскохозяйственных рабочих в своих землях.

В случае болезни каждое застрахованное лицо получало врачебную помощь,

в том числе необходимые лекарства и медицинские приборы. Действие закона начиналось с третьего дня заболевания. При болезни до 26 недель застрахованное лицо получало 50 % заработной платы [5, s.1–2]. Больничные страховые кассы по-разному определяли размер средней заработной платы. В ряде случаев кассы ориентировались на среднюю заработную плату, установленную властями на территории отдельно взятой земли. В других случаях кассы самостоятельно высчитывали средний размер заработной платы исходя из реальных доходов рабочих и служащих. Лечение застрахованного лица производилось в домашних условиях, если на немедленной госпитализации не настаивали врачи и человек не заразился инфекционными заболеваниями. В других случаях перевод в больницу мог состояться только с письменного согласия заболевшего.

В случае смерти застрахованного лица его семья получала из кассы пособие в размере его 20-дневного среднего заработка. Эта сумма шла на погребение умершего. Дополнительную сумму могла получить женщина, родившая ребенка по прошествии 4-6 недель со дня смерти застрахованного [5, s.1–2].

Все данные выплаты составляли так называемый обязательный минимальный пакет, установленный законом 1883 г. Он позволял кассам предоставлять застрахованным дополнительные услуги. Поэтому сумму выплат они могли устанавливать не от размера средней заработной платы, а от реальной, могли удлинять срок выплат, в ряде касс он доходил до одного года.

Фонд касс, оказывавших помощь заболевшим рабочим и служащим формировался за счет их еженедельных страховых выплат, составлявших от 1,5 % до 2 % недельной заработной платы [5, s.1–2]. Во многих кассах страховые выплаты доходили до 4–5 %, но они носили добровольный характер и в случае болезни застрахованное лицо могло рассчитывать на дополнительные страховые выплаты. 1/3 фонда формировалось за счет выплат работодателей, а остальная сумма за счет рабочих и служащих [5, s.1–2]. Своевременность страховых выплат контролировалась работодателями, поскольку от них зависели сроки поступления заработной платы рабочим и служащим.

В Германии существовала сложная структура больничных касс. Закон 1883 г.

создавал кассы обязательного страхования «Zwangskassen». Параллельно создавались кассы добровольного дополнительного страхования и кассы, организованные общинными (муниципалитетами) «Gemeinde krankensversicherung». Как уже отмечалось, еще до принятия закона 1883 г. на территории большинства германских земель уже действовали кассы взаимного вспомоществования «Knappschaftskassen»: цеховые, фабричные, созданные рабочими в горнодобывающей промышленности. Они доказали свою эффективность, поэтому закон 1883 г. сохранил их деятельность [2, с. 60–61].

Каждая касса, как правило, объединяла рабочих, служащих одного предприятия или цехового управления. Мелкие предприятия могли создавать кассу совместными усилиями, поскольку отдельным малым предприятиям было сложно создать необходимый кассовый фонд. В регионах со слабо развитой промышленностью создавались региональные кассы «Ortskrankenkassen». Они объединяли все промышленные предприятия, расположенные на территории данного региона вне зависимости от их отраслевой специфики, размеров и т. д. В ряде случаев в региональные кассы могли входить рабочие и служащие крупных предприятий. Этот тип кассы был полностью уравниен в правах с кассами, созданными на других основах. Более того, многие представители правящих кругов и деловой элиты считали региональные кассы наиболее удобным и эффективным способом организации больничных касс в стране. Не случайно, что самыми богатыми больничными кассами стали региональные кассы, основанные в Лейпциге, Мюнхене, Дрездене и Франкфурте на Майне.

В некоторых местностях количество жителей, подлежащих страхованию, было крайне незначительным. В этой ситуации создание больничных касс не представлялось возможным. Поэтому лица, подлежащие страхованию, подключались к системе общинного страхования. Данный тип страхования считался наименее выгодным [2, с. 62]. В то же время он получил довольно широкое распространение в стране, так как страховые взносы имели минимальные ставки, что устраивало значительную часть населения страны, особенно в экономически отсталых районах

Германии. Однако во время болезни застрахованное лицо могло претендовать только на минимальный объем страховых выплат.

Кроме этого, в стране разрешалось создавать частные больничные кассы. Рабочие и служащие, выбравшие для себя этот тип касс, освобождались от внесения выплат в обязательные больничные кассы. Частные кассы должны были предоставлять минимальный пакет выплат, определенный законом 1883 г. Большинство частных касс предлагало рабочим и служащим дополнительные выплаты во время болезни и на более длительные сроки, но при условии внесения дополнительных страховых выплат.

Во главе больничных касс находилось правление. В «Zwangskassen» на 1/3 оно состояло из представителей работодателей и на 2/3 рабочих и служащих. Состав правления остальных типов больничных касс законодатель не регламентировал. Он определялся учредителями касс. Следует отметить, что органы социального страхования в Германии имели значительную автономию, развитую систему самоуправления, хотя первоначально О. Бисмарк стремился поставить их под жесткий контроль государства. Однако в конечном итоге О. Бисмарку пришлось пойти на уступки в данном вопросе, так как ему необходимо было заручиться поддержкой либералов при голосовании в рейхстаге по социальным законам. Либералы готовы были их поддержать, но только при условии наделения органов социальной защиты широкой автономией [7, с. 52–53].

С момента издания закона в 1883 г. и по 1903 г. система больничных касс достигла впечатляющих результатов в развитии. В 1886 г. под действие закона попадало 3 млн 473 тыс. рабочих [6]. В 1903 г. общая численность касс составила 23028, а число застрахованных лиц достигло 10 млн 915 тыс. чел., в том числе 8 млн 357 тыс. мужчин. В 1907 г. численность касс увеличивается до 23 232, их членами являлось 11,7 млн чел. [4, с. 225]. В 1912 г. численность членов касс достигло 13 млн чел., а в 1913 г. 14,6 млн чел. [3, с. 105].

Об итогах деятельности различных типов касс убедительно свидетельствует таблица [2, с. 62–63].

Таблица
Итоги деятельности различных типов касс

Тип касс	Число касс	Численность застрахованных лиц
Общинные кассы	8 219	1 499 566
Региональные кассы	4 706	4 975 322
Кассы обязательного страхования	8 297	2 820 882
Частные фонды	1 620	928 727
Knappschaftskassen	186	690 636

Согласно переписи населения, в Германии 1903 г. на 1 тыс. жителей приходилось 186 чел., имевших страховку в больничных кассах [2, с. 63]. Однако официальная статистика не учитывала в данном случае членов семей застрахованных лиц, которые также в основном попадали под действие страховой системы, поэтому реальная цифра лиц, имевших страховку больничных кассах была значительно больше.

За годы деятельности больничные кассы достигли больших результатов, они смогли сформировать значительные финансовые ресурсы, с помощью которых можно было оказывать эффективную помощь застрахованным лицам. Только в 1903 г. сумма аккумулированных больничными кассами финансовых средств достигла внушительной цифры в 223 млн 207 тыс. марок. Работодатели внесли 65 млн 781 тыс. марок, наемные рабочие и служащие 145 млн 991 тыс. марок, 11 млн 434 тыс. составил процент прибыли, полученный кассами от размещения средств в финансовых учреждениях страны [2, с. 63]. К 1908 г. доходы касс достигли внушительной суммы в 377,7 млн марок, в том числе 300 млн – за счет взносов [4, с. 225].

Всего с 1885 по 1903 гг. больничные кассы собрали 2 млрд. 587 млн 483 тыс. марок, в том числе 744 млн 687 тыс. за счет отчислений работодателей, 1 млрд. 720 млн 322 тыс. марок за счет взносов рабочих и служащих и 122 млн 474 тыс. кассы заработали на финансовых операциях. Собственный капитал касс и стоимость их основных фондов достиг 206 млн 427 тыс. марок [2, с. 63]. К 1907 г. он возрос до 245 млн марок [4, с. 225].

Расходы больничных касс также выглядели значительными. С 1885 по 1903 гг. они потратили 2 млрд 220 млн марок. Структура расходов выглядела следующим образом: вознаграждение врачей 464 млн 17 тыс.; оплата

медикаментов, медицинских приборов и материалов 367 млн 524 тыс.; денежные выплаты членам касс 990 млн 410 тыс.; денежные выплаты членам семей 18 млн 109 тыс.; денежная помощь роженицам 32 млн 254 тыс.; расходы на содержание заболевших членов касс в больницах 271 млн 181 тыс.; пособия на погребения 77 млн 188 тыс. марок [2, с. 64]. В среднем в 1903 г. на каждый случай временной нетрудоспособности кассы тратили 48,51 марки или 2,59 марки в день.

Первоначально больничные кассы крайне осторожно относились к расходованию средств, но со временем они поняли необходимость значительного увеличения страховых выплат, в результате чего застрахованные лица быстрее выздоравливали, не получая побочных и хронических заболеваний, поэтому, увеличивая выплаты в стратегическом плане, кассы выигрывали, так как население становилось здоровее. Кассы, располагавшие значительными средствами, набирали дополнительный штат врачей, заключали соглашения о сотрудничестве с высококвалифицированными специалистами, первоклассными клиниками, санаториями, больницами. В этом отношении они проявляли большую избирательность, не прибегая к услугам сомнительных врачей и медицинских заведений.

Уже на рубеже XIX–XX вв. некоторые больничные кассы начали направлять своих членов на курорты в основном для прохождения лечения с помощью минеральных вод и термальных ванн.

Самым неблагоприятным годом в деятельности касс с 1888 г. стал 1893 г., когда приходилось 41,57 заболеваний на 100 застрахованных мужчин и 34,42 – на 100 застрахованных женщин. Самым неблагоприятным годом с точки зрения длительности заболеваний стал 1903 г., когда на 100 застрахованных мужчин приходилось 706,66 дней нетрудоспособности по болезни, а у женщин этот показатель достиг 720,06. В среднем на один случай заболевания мужчины болели 15,76 – 17,96 дней, а женщины 17,18 – 21,85 дней. Таким образом, страховые выплаты женщинам были более обременительными для больничных касс.

Действие закона 1883 г. выходило за юридические нормы, установленные германским законодателем. Закон способствовал повышению уровня жизни наиболее уязви-

мой в социальном отношении категории подданных Германии. Он привел к улучшению демографической ситуации в стране: если в 1881–1885 гг. количество смертей на 1 тыс. чел. достигало 27,2, то в 1897–1901 гг. данный показатель сократился до 22,3 [2, с. 67]. Все германские эксперты не сомневались в том, что именно закон 1883 г. сыграл решающую роль в сокращении смертности подданных Германии в конце XIX – начале XX вв. До принятия закона рабочий-служащий во время

болезни подвергался серьезным испытаниям, они зачастую не имели возможность получения квалифицированной медицинской помощи. Во время болезни кормильца колоссальный удар наносился по доходам семьи.

Таким образом, закон 1883 г. сыграл большую роль в улучшении положения широких слоев населения, создав довольно эффективную систему больничных касс, обладавших необходимыми ресурсами для медицинского страхования населения.

Литература

1. Германский имперский закон 5 июля 1900 г. о страховании от несчастных случаев. СПб.: Общество для содействия русской промышленности и торговле, 1905.
2. Дамье Н. Страхование на случай болезни в Германии (донесение консула в Мемеле) // Сборник консульских донесений за 1906 г. Вып. I. СПб.: Товарищество Художественной Печати, 1906.
3. Нолькен А. М. Закон об обеспечении рабочих на случай болезни. Практическое руководство. СПб.: Изд. юрид. книжн. склада «Право», 1914.
4. Социально-политические таблицы всех стран мира / Сост. С. Зак. М.: Сотрудничество, 1910.
5. Gesetz über die Versicherung für die Arbeitnehmer im Krankheitsfall // Reichsgesetzblatt. 1883. 21 June.
6. Neueste Mittheilungen. 1888. 11 januar.
7. Stolleris M. Geschichte des Sozialrechts in Deutschland. Stuttgart, 2003.

УДК 94(47).05(436)

А. Н. Птицын

СТРУКТУРА АВСТРО-ВЕНГЕРСКОЙ ИММИГРАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

В статье рассматривается процесс переселения австро-венгерских подданных в Россию в конце XIX – начале XX вв., анализируется численность, размещение, социальный и национальный состав иммиграции.

Ключевые слова: Австро-Венгрия, Россия, иммиграция, переселенцы, колонисты, чехи.

A. N. Ptitsyn

THE STRUCTURE OF AUSTRO-HUNGARIAN IMMIGRATION IN THE RUSSIAN EMPIRE

The article examines the process of resettlement of Austro-Hungarian citizens to Russia in the late XIX – early XX centuries. The author analyzes number, location, social and national composition of immigration.

Key words: Austria-Hungary, Russia, immigration, immigrants, colonists, the Czechs.

Российская империя принимала активное участие в мировых миграционных процессах XIX – начала XX вв., одновременно выступая

и в качестве донора, и в качестве реципиента. Жители соседних стран – как европейских, так и азиатских – во время интенсивно переселя-

лись в нашу страну. В их глазах Россия представлялась «страной больших возможностей», дающей простор для приложения труда, капитала, предприимчивости. Важную роль играла и политика российского правительства, целенаправленно ориентированная на привлечение иностранных переселенцев.

Одним из основных «доноров» в международном обмене мигрантами для России являлась Австро-Венгерская монархия. Она занимала второе место, после Германии, в числе стран, давших наибольшее количество переселенцев в дореволюционную Россию, ее доля составила 21 % от общего количества иммигрантов [4, с. 108].

Для Австро-Венгрии был характерен высокий уровень эмиграции, вызванной прежде всего социально-экономическими причинами: аграрным перенаселением и крестьянским малоземельем, экономической отсталостью и низким уровнем жизни в ряде регионов, высоким уровнем безработицы, периодически повторяющимися экономическими кризисами и т. д. В определенной степени эмиграцию обуславливали и национальные противоречия, весьма острые в дуалистической монархии. Не случайно большинство среди австро-венгерских переселенцев в России составляли представители различных славянских народов, которые ошущали свое национальное неравноправие в Габсбургской империи.

Основной поток австро-венгерской эмиграции был направлен в США, Канаду и другие заокеанские страны. Значительный размах имело и переселение жителей Австро-Венгрии в пределах Европы. Здесь больше всего габсбургских подданных приняла экономически развитая и близкая по языку Германия, Россия же занимала второе место.

Австро-венгерское переселение в нашу страну приобрело массовый характер во второй половине XIX в. Важную роль здесь сыграла либерализация законодательства обеих стран в отношении переселенцев. В 1867 г. в Австро-Венгрии был принят «Основной государственный закон об общих правах граждан», согласно которому для жителей этой страны была введена свобода эмиграции. В свою очередь, в России в первые годы правления Александра II были отменены ограничения на въезд в страну, введенные в прежние царствования, и законодательно было закреплено положение о том, что «иностранный всех

вообще наших имеют право свободного приезда и пребывания в России, а равно и выезда из оной, на основании правил, постановленных в Уставе о паспортах» [14, с. 541]. Ограничения на въезд в нашу страну были введены только в отношении отдельных категорий иностранцев, признанных «нежелательными»: евреев, цыган, бродяг, членов радикальных сект и «политически неблагонадежных» [3, с. 1–2, 74, 82, 331].

Пребывающие в России иностранцы пользовались религиозной свободой и гражданскими правами, могли «вступать во всякие договоры, обязательства и условия», заключать различные сделки, имели право приобретать, владеть и распоряжаться движимым и недвижимым имуществом, открывать собственные предприятия, пользоваться судебной защитой и т. д. Они имели право поступать на военную и гражданскую службу (за исключением ряда должностей). Императорский указ от 7 июня 1860 г. полностью уравнивал иностранцев в правах с российскими подданными в социально-экономической сфере [3, с. XIV, 131–132, 142].

Точную численность иммигрантов дают материалы Первой Всероссийской переписи населения 1897 г., согласно которым в нашей стране проживало 107 тыс. уроженцев Австро-Венгрии, в том числе 57,4 тыс. (54 %) мужчин и 49,6 тыс. (46 %) женщин. В то же время количество австро-венгерских подданных в нашей стране составило 121,6 тыс. человек – т. е. было большим, чем число уроженцев. Таким образом, 14,6 тыс. человек (12 %) из числа австро-венгерских подданных родились уже в России. Этот факт, как и высокая доля женщин среди иммигрантов, свидетельствуют о постоянном и семейном характере австро-венгерского переселения [5, с. 116–117, 228].

Структура австро-венгерской иммиграции в нашей стране была сложной, включающей представителей различных социальных и профессиональных групп, а также различных национальностей. До 90-х гг. XIX в. большинство иммигрантов расселялось в сельских районах России, позднее переселенческий поток направлялся, главным образом, в российские города.

Среди переселенцев из Габсбургской монархии преобладали представители трех славянских народов – чехи, русины и поляки,

а также немцы. В числе иммигрантов были также словаки, венгры, словенцы, хорваты, сербы, трансильванские румыны, австрийские и венгерские евреи, но их численность была невелика.

Согласно материалам Всероссийской переписи 1897 г., в России проживали 50,4 тыс. чехов и словаков, 1,8 тыс. сербов, хорватов и словенцев и 0,9 тыс. венгров. Среди русских перепись зафиксировала наличие 48,7 тыс. иностранных подданных. Вероятно, большая часть из них – это как раз австро-венгерские русины, а остальные – старообрядцы-репатрианты из Турции, а также русские жены иностранных подданных и их дети. Среди проживавших в Российской империи поляков иностранное подданство имели 115,2 тыс. человек. Вероятно, австрийских подданных среди них было не менее половины, а остальные являлись германскими гражданами. Австрийские подданные составляли также небольшую часть среди живших в нашей стране 120,3 тыс. немцев и 6,7 тыс. евреев, имевших иностранное гражданство [6, с. 3, 11, 375].

По территории Российской империи австро-венгерские уроженцы распределялись неравномерно, концентрируясь, главным образом, в нескольких регионах, граничащих с Австро-Венгрией – в Юго-Западном крае и Царстве Польском, а также в Причерноморье.

По данным переписи 1897 г., в Европейской России проживали почти две трети австро-венгерских уроженцев (62 %) – 66,7 тыс. человек. Из них 28 тыс. находились в Волынской губернии (чехи, поляки и немцы), 12 тыс. – в Бессарабской губернии (в большинстве русины, а также румыны и поляки), 7,1 тыс. – в Подольской губернии (русины, поляки, чехи), 4,5 тыс. – в Херсонской губернии (чехи, немцы и др.), 4,4 тыс. – в Киевской губернии (чехи, поляки и др.), 1,6 тыс. – в Таврической губернии (в основном, чехи). Кроме того, крупные иммигрантские общины были в российских столицах: 1,3 тыс. австро-венгерских уроженцев проживали в Петербурге и Петербургской губернии, 1,5 тыс. – в Москве и Московской губернии [5, с. 116 – 117, 138].

Таким образом, в трех губерниях Юго-Западного края (Киевской, Волынской и Подольской) было сосредоточено 39,5 тыс. австро-венгерских уроженцев (37 % от их общего количества в Российской империи), в трех губерниях Северного Причерноморья (Бесса-

рабской, Херсонской и Таврической) – 18,2 тыс. (17 %), в двух столичных губерниях – 2,8 тыс. (2,7 %). Примечательно, что австро-венгерские уроженцы были зарегистрированы во всех без исключения 50 губерниях Европейской России, но их численность в подавляющем большинстве из них, за исключением перечисленных выше губерний, насчитывала лишь десятки и сотни человек.

Чуть больше трети от общего количества австро-венгерских уроженцев (35 %) проживали в Царстве Польском – 37,3 тыс. человек. При этом в Варшаве и Варшавской губернии находились 6 тыс. переселенцев, в Петроковской губернии с ее крупнейшим городом Лодзью – 9,1 тыс., в Люблинской губернии – 14,8 тыс., в Келецкой губернии – 3,2 тыс., в Радомской губернии – 2,4 тыс. Таким образом, основная масса иммигрантов концентрировалась в граничащих с Австро-Венгрией южных и западных губерниях Царства Польского. Среди них доминировали поляки из Галиции, приехавшие для работы на промышленных предприятиях и в сельском хозяйстве. Кроме того, в составе иммигрантов были широко представлены австрийские немцы и чехи, занятые в польской промышленности [5, с. 156].

На Кавказе было зарегистрировано 2,6 тыс. уроженцев Габсбургской монархии (2,4 %). Наибольшее их количество находилось в районах чешской колонизации – Черноморской губернии (706 человек) и Кубанской области (593 человек). В восточных регионах Российской империи австро-венгерских уроженцев было немного: в Сибири 294 человек (0,3 %), в Средней Азии – 144 человека (0,1 %) [5, с. 156].

Самой крупной по численности социальной группой среди австро-венгерских иммигрантов являлись колонисты – чехи и немцы. Австрийские немцы отдельными семьями и группами селились в многочисленных немецких колониях в нашей стране – в Северном Причерноморье, Крыму, Юго-Западном крае, Среднем Поволжье и на Северном Кавказе. Это были, как правило, меннониты и представители других протестантских сект. Процент австрийских выходцев среди общей массы немецких колонистов был небольшим. Исключение составлял лишь Юго-Западный край, где каждый пятый из числа немецких колонистов, поселившихся там в 30–60-е гг., прибыл из Австрии. Общая численность не-

мешких колонистов, осевших в крае, составляла 36 тыс. человек, из них 7,5 тыс. составили австрийские выходцы [2, с. 90].

Чешские колонии в 1860–1870-е гг. возникли в Юго-Западном крае (главным образом на Волыни), в Крыму и Северном Причерноморье, а также на Черноморском побережье Кавказа. Основная масса чешских колонистов осела в Волинской губернии, куда с 1863 до 1879 г. переселилось около 13 тыс. чехов. Около тысячи чехов переселились в те же годы в Крым, чуть меньше – на Черноморское побережье Кавказа [15, с. 8].

Поток чешских колонистов иссяк в 1880-е гг., когда российское правительство отменило прежние льготы для колонистов и ввело для иностранцев запрет на приобретение недвижимости в Юго-Западном крае. После этого шла уже внутренняя колонизация, когда часть жителей прежних чешских поселений выселялась, основывая новые колонии – либо в тех же губерниях, либо в новых регионах (в Херсонской губернии, Бессарабии, Среднем Поволжье, Сибири и Средней Азии).

Как и у российского крестьянства в целом, у чешских и немецких колонистов преобладали многодетные семьи, что обуславливало высокий естественный прирост. В 1897 г. численность чехов в регионах чешской колонизации составляла: в Волинской губернии – 27,7 тыс., в Киевской губернии – 3,3 тыс., в Подольской губернии – 0,9 тыс., в Таврической губернии – 2 тыс., в Херсонской губернии – 1,4 тыс., в Черноморской губернии – 1,3 тыс., в Кубанской области – 1,2 тыс. [6, с. XI].

Вторую по численности группу австро-венгерских переселенцев, после колонистов, составляли сельскохозяйственные рабочие. Среди них были широко представлены русины, галицийские поляки, чехи и трансильванские румыны. Иностранцев рабочих приглашали российские помещики, а также богатые хуторяне – иногда на период сбора урожая, а чаще на постоянной основе. Заработав деньги, некоторые из приезжих рабочих со временем покупали землю и переходили в разряд крестьян-колонистов.

Чешские рабочие трудились в помещичьих имениях на Волыни, в Белоруссии, в Новороссии и Крыму. Польские рабочие из Галиции выезжали на заработки в Царство Польское и Юго-Западный край. Русины и трансильванские румыны работали в юго-за-

падных и причерноморских губерниях, особенно много их было в Бессарабии. Некоторые из них в поисках заработка приезжали и на Северный Кавказ. Так, на хуторах Ставропольской губернии русины работали в качестве чернорабочих, а румыны – в качестве чабанов [1].

Значительная часть приехавших рабочих со временем оседала в России, они перевозили туда свои семьи, либо вступали в брак с российскими подданными. Кроме сельского хозяйства, «чернорабочие» из Австро-Венгрии были заняты в нашей стране на строительстве железных и шоссейных дорог, на лесопильных и сахарных заводах и т. д. По данным Всероссийской переписи 1897 г., в нашей стране трудилось 26 тыс. сельскохозяйственных и прочих рабочих, бывших уроженцами Австро-Венгрии (в том числе 6 тысяч женщин). Поскольку эта перепись проводилась в середине зимы, то она охватила только постоянных рабочих, поскольку сезонные работники после сбора урожая возвращались на родину [13, с. 34].

Доля сельских жителей среди австро-венгерских уроженцев, проживавших в нашей стране, по данным переписи 1897 г. составляла 77 % , что свидетельствовало о преобладании среди переселенцев колонистов и сельскохозяйственных рабочих. Горожан среди австро-венгерских иммигрантов была лишь четверть (23 %). В дальнейшем их процент немного увеличился, поскольку в начале XX в. австро-венгерская иммиграция шла уже преимущественно в российские города. В это время среди иммигрантов на первый план стали выходить служащие, промышленные рабочие, техники, инженеры, торговцы и другие предприниматели, преподаватели, музыканты и т. п. Доля горожан среди австро-венгерских иммигрантов колебалась в зависимости от региона, существенно возрастая на южных и восточных окраинах. В Европейской России она составила всего 21 % , в Царстве Польском – 24 % , на Кавказе – 40 % , в Сибири – 53 % , в Средней Азии – 85 % [5, с. 122–123].

Самые значительные общины австро-венгерских уроженцев находились в российских столицах, а также в крупнейших городах империи, там было сосредоточено около половины переселенцев-горожан. В 1897 г. их численность составила: в Петербурге – 1,3 тыс. человек, в Москве – 1,3 тыс.

человек, в Киеве – 1,4 тыс. человек, в Одессе – 2,5 тыс. человек, в Варшаве – 4,4 тыс. человек, в Лодзи – 1,9 тыс. человек [5, с. 138, 156; 8, с. 48; 11, с. 50].

Часть австро-венгерских иммигрантов сохраняли свое прежнее гражданство, другие же со временем стали подданными российского императора. Примечательно, что подданство гораздо чаще меняли переселенцы-колонисты, которые приобретали или получали от государства земельные наделы и прочно оседали на новом месте, в то время как иммигранты-горожане предпочитали сохранять первоначальное подданство. Так, среди чехов на момент проведения Первой Всероссийской переписи иностранное подданство сохраняли: в Волынской губернии – 8 %, в Черноморской губернии – 17 %, в Таврической губернии – 23 %, в то время как в Киеве – 58 % и Одессе – 69 % [8, с. 260; 10, с. 153]. В целом, к перемене подданства из числа австро-венгерских переселенцев были более склонны славяне, прежде всего чехи и русины.

Некоторые австро-венгерские иммигранты переселенцы меняли и свою религиозную принадлежность, принимая православие. Это также было в большей степени свойственно русинам и чехам. Так, к 1897 г. православие приняли уже 66 % волынских чехов [7,

с. XI]. Частые случаи смены подданства и религии свидетельствовали об успешной адаптации австро-венгерских переселенцев в нашей стране.

Таким образом, во второй половине XIX – начале XX столетия в России сформировалась довольно значительная австро-венгерская иммиграция, состоявшая, главным образом, из славян (чехов, русинов и поляков). Переселенцы расселялись преимущественно в польских, юго-западных и причерноморских губерниях. Среди них значительный процент составляли чешские крестьяне-колонисты, которые основали свои поселения на Волини, в Крыму и на Черноморском побережье Кавказа. В Россию активно переселялись также сельскохозяйственные и промышленные рабочие, ремесленники, торговцы, предприниматели, инженеры и технические специалисты и т. д. Заметное место среди иммигрантов занимали представители интеллектуальных и творческих профессий, прежде всего учителя и музыканты.

Переселенцы из Австро-Венгрии смогли достаточно быстро адаптироваться к новым условиям и внести свой вклад в социально-экономическое и культурное развитие различных российских регионов. Многие из них нашли в России свою новую родину, и в настоящее время здесь продолжают жить их потомки.

Литература

1. Государственный архив Ставропольского края. Ф.101. Оп.4. Д.1830. Л.161–166.
2. Кабузан В. М. Русские в мире. Динамика численности и расселения (1719–1989). Формирование этнических и политических границ русского народа. СПб.: Блиц, 1996.
3. Об иностранцах в России. Сборник узаконений, трактатов и конвенций с относящимися к ним правительственными и судебными разъяснениями. СПб., 1888.
4. Оболенский (Осинский) В.В. Международные и межконтинентальные миграции в довоенной России и СССР. М.: Издание ЦСУ СССР, 1928.
5. Общий свод по империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 29 января 1897 г. СПб.: Паровая типо-литография Н.А. Ныркина, 1905. Т. I.
6. Общий свод по империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 29 января 1897 г. СПб.: Паровая типо-литография Н.А. Ныркина, 1905. Т. II.
7. Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 г. Т. VIII. Волынская губерния. СПб.: Изд-во Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1904.
8. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. XVI. Киевская губерния. СПб.: Изд-во Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1904.
9. Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 г. Т. XXI. Таврическая губерния. СПб.: Изд-во Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1904.
10. Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 г. Т. XLVII. Город Одесса. СПб.: Изд-во Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1904.
11. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. LXI. Петроковская губерния. СПб.: Изд-во Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1904.

12. Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 г. Т. LXX. Черноморская губерния. Тетрадь 2. СПб.: Изд-во Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1900.
13. Распределение рабочих и прислуги по группам занятий и по месту рождения на основании данных первой всеобщей переписи населения Российской империи 28 января 1897 г. СПб.: Паровая типо-литография Н. Л. Ныркина, 1905.
14. Свод законов Российской империи. Т. IX. Законы о состояниях. СПб.: [б.и.], 1901.
15. Auerhan J. České osady na Volyni, na Krymu a na Kavkaze. Praha: A. Hajn, 1920.

УДК 930.2: 378.4 (477)«1933/1991»

Е. С. Рачков

СИМВОЛЫ И ЭМБЛЕМЫ КЛАССИЧЕСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ УКРАИНЫ (1933–1991 ГГ.): ВИЗУАЛЬНЫЙ ОБРАЗ СОВЕТСКИХ ВУЗОВ

В статье исследуется процесс формирования и эволюции символики классических университетов Украины в советский период. Отмечается, что среди университетских символов и эмблем преобладали те, которые фиксировали государственную принадлежность учебных

заведений. Вместе с тем выделяются периоды развития собственно корпоративной символики. Символика рассматривается как показатель идентичности университетского сообщества.

Ключевые слова: университеты Украины, символика, символ, эмблема, идентичность.

Y. S. Rachkov

SYMBOLS AND EMBLEMS OF UKRAINIAN CLASSICAL UNIVERSITIES (1933–1991): THE VISUAL IMAGE OF SOVIET INSTITUTIONS OF HIGHER EDUCATION

The article examines the process of formation and evolution of Ukrainian classical universities symbols and emblems in the Soviet period. It has been shown that symbols and emblems which indicated state status of universities predominated over other symbols. At

the same time, there were periods when corporate symbols were developed. Symbols are considered as an indicator of university community identity.

Key words: Ukrainian universities, symbols, symbol, emblem, identity.

Первая треть XX столетия стала для системы классических университетов Украины периодом значительных структурных и функциональных преобразований. В частности, УССР была единственной республикой Советского Союза, в которой университеты на два десятилетия прекратили свое существование. Не вдаваясь в причины «ликвидации»/«реорганизации» университетов [9], отметим, что данное событие нанесло непоправимый ущерб университетской традиции. Система университетского образования в Украине была возрождена лишь в 1933 г. Основные изменения, которые принесла с собой волна обновления высшей школы, нашли соответствующее отражение в новых символах и эмблемах.

Следует отметить, что длительное время университетские символы и эмблемы рассматривались исследователями в качестве второстепенных, преимущественно иллюстративных источников. Символика интересовала их настолько, насколько она отражала общественно-политическую историю учебных заведений. Ситуацию кардинальным образом изменил так называемый «культурный поворот», влияние которого на историописание на постсоветском пространстве, в частности, сказалось на новом восприятии и феномена университета. Он начал рассматриваться не только как социальный институт, но и как культурное сообщество, важными условиями существования которого являются определенные ритуалы

и связанные с ними символы. Разумеется, такие исследования проводились преимущественно на хронологически и территориально ограниченном материале. Среди них следует отметить работы Е. А. Вишленковой, С. Ю. Малышевой, А. А. Сальниковой [4; 5], а также С. И. Посохова [8; 10; 11] и А. Ю. Парфиненко [8].

В процессе формирования и эволюции символики классических университетов Украины советского времени (1933–1991 гг.) можно выделить два условных периода, граничной чертой которых является середина 1950-х гг. [11, с. 292].

Для первого периода (1933 – начало 1950-х гг.) характерно практически полное отсутствие собственно корпоративной университетской символики. «Политический фактор» доминировал в жизни университетов, за которыми надежно закрепился статус государственных образовательных учреждений. Новые университетские символы и эмблемы непременно должны были подчеркивать государственную принадлежность учебных заведений и выступать в качестве транслятора соответствующей идеологии. Повсеместным стало использование в качестве составляющей символики университетов государственной советской символики или ее элементов [см.: 6]. Наиболее распространенные среди них серп и молот (первые советские эмблемы), пятиконечная звезда, герб СССР, изображение В. И. Ленина, И. В. Сталина. Такая символика не только отражала веяния времени, но и одновременно подчеркивала различие между «новым» советским и «старым» императорским университетом.

Впрочем, следует отметить, что уже в этот период наблюдается спорадическое использование изображений университетских зданий и аббревиатур в качестве неких символов. Прежде всего, такие изображения можно увидеть на коллективных фотографиях выпускников университетов 1930–1940-х гг. Сложным остается вопрос о восприятии университетским сообществом этих изображений. Однако сам факт их использования говорит о попытках сообщества маркировать собственное пространство, интуитивно выбирая для этого университетские мнемонические места.

Великая Отечественная война осталась в университетской памяти как особый трагически-героический этап в истории сообщества. Память о погибших студентах и пре-

подавателях в годы войны нашла отражение в экспозициях и многочисленных выставках музеев истории университетов, а также была сохранена в виде различных мемориальных досок, обелисков и памятников. Некоторые из них были открыты в советское время, другие – в годы независимости Украины. В частности, в 1975 г. был открыт памятник погибшим студентам и преподавателям Одесского университета, а в 1999 г. установлен памятник студентам Харьковского университета – добровольцам «студенческого батальона». Такого рода памятники стали не только проявлением официальной политики памяти, но и заняли важное место в университетских традициях, стали маркерами университетского пространства.

Послевоенный период для символики университетов Украины обозначился, прежде всего, возрождением некоторых дореволюционных элементов. Одним из наиболее ярких примеров стал нагрудный знак выпускника университета, практика награждения которым прервалась с революционными событиями 1917 г. Концепция и стиль знака были определены знаком выпускника российских императорских университетов 1899 г. Советский знак имел форму выпуклого ромба, покрытого синей эмалью; по краю ромба располагались белые эмалевые полоски, обрамленные золотыми бортиками; в центре знака, на фоне синей эмали, было наложено позолоченное изображение герба СССР (непродолжительное время изготавливался из серебра). Существует несколько вариаций знака, отражающих трансформации во внешнем виде герба СССР [3].

В дальнейшем система нагрудных знаков образовательных учреждений эволюционировала и была стратифицирована по специализации учебных заведений. Для каждого типа учебного заведения был введен определенный цвет эмали знака и установлена специальная эмблема, которая размещалась в нижней части ромба [7, с. 113]. Для университетов был утвержден синий цвет эмали, а вместо эмблемы в центре знака располагалось накладное позолоченное изображение герба СССР [2]. Традиция награждения советским знаком выпускника университета оставалась неизменной в течение полувека. Вместе с тем отсутствие на нагрудном академическом знаке каких-либо особых признаков, указывавших на то, что его обладатель получил именно

университетское образование, способствовало поиску университетами собственных символов. Отчасти это стремление нашло отражение в памятных и юбилейных медалях.

Другим примером определенного возрождения дореволюционной образовательной традиции стала форменная одежда, введенная в 1950-х гг. для студентов геолого-географических факультетов. В музее истории Харьковского университета хранится несколько фотографий первой половины 1950-х гг., на которых изображены студенты геофака, одетые в форменные шинели и картузы. В качестве отличительного знака на петлицах, фуражке, кокарде и пуговицах шинели использовалась эмблема горных инженеров – два скрещенных золотых молотка. На погонах шинели в лавровом венке содержалась аббревиатура университета («ХГУ») [13, с. 288]. Впрочем, ношение форменной одежды в советском университете не стало традицией. Попытка внедрить форму была скорее ведомственной, нежели вузовской или университетской инициативой [5, с. 460]. С учетом этого, создаваемая форменная одежда символизировала не столько студенчество или университет, сколько производственную специализацию факультета.

Таким образом, события, связанные со структурной трансформацией университетов, войной и эвакуацией, внесли значительные коррективы в эволюцию университетской символики. С одной стороны, они привели к замещению собственно университетских символов и эмблем государственной советской символикой. С другой стороны, именно в этот период наблюдалась спорадическая реставрация некоторых дореволюционных традиций классических университетов, получивших новое содержательное наполнение.

Новый этап в эволюции символики университетов Украины начался с середины 1950-х гг. Наряду с государственными советскими символами все чаще стали использоваться идеологически нейтральные изображения, прежде всего, разнообразная корпоративная университетская и международная образовательная символика. Примером первой, в частности, служат стилизованные изображения зданий университетов. В качестве эмблем учебных заведений они впервые встречаются на юбилейных и памятных нагрудных знаках, и медалях конца 1950–1960-х гг. Так, изображение главного корпуса Киевского университета в сочетании с рас-

крытой книгой и лавровой ветвью можно увидеть на медали к 125-летию учебного заведения (1959 г.). Изготовленный по этому случаю нагрудный значок имеет форму треугольника (визуальное сходство со знаком выпускника) и содержит изображение главного корпуса, аббревиатуры университета, лавровой ветви и герба СССР.

Другим примером является медаль, изготовленная к 300-летию Львовского университета (1961 г.). Медаль, в частности, содержит изображение главного корпуса университета, окруженного лавровым венком, и герба СССР. Еще одним примером является значок, посвященный 150-летию Харьковского университета (1955 г.). На значке впервые изображен новый корпус университета (переданный учебному заведению в 1950 г. бывший Дом проектов), окруженный дубовым венком, а также пятиконечная лучевая звезда.

В дальнейшем изображения зданий университетов получили более стилизованный вид и встречались, как правило, в сочетании с символами науки и образования.

Наделение архитектурных форм университетского пространства символическим содержанием свидетельствует о стремлении найти символическую основу для формирования корпоративной идентичности. Такого рода изображения позволили выделить университет из системы высших учебных заведений и подчеркнуть его специфику.

Начиная с 1950-х гг. в университетской символике получили распространение стилизованные изображения известных поэтов и писателей, ученых и общественных деятелей, так или иначе связанных с университетами. В большинстве случаев их имя было присвоено учебным заведениям¹. В определенном смысле изображения этих людей и их имена играли покровительственную для университетов роль. Их портреты, бюсты, памятники украшали холлы, аудитории, залы заседаний Ученых советов университетов. Их изображения часто использовались во время торжественных мероприятий, проходивших в учебном заведении и за его пределами.

¹ Например, в 1936 г. имя А. М. Горького было присвоено Харьковскому университету, в 1939 г. Т. Г. Шевченко – Киевскому университету, в 1940 г. И. Я. Франко – Львовскому университету, в 1945 г. И. И. Мечникова – Одесскому университету, в 1972 г. М. В. Фрунзе – Симферопольскому университету, в 1989 г. Ю. А. Федьковича – Черновицкому университету.

Как уже отмечалось, корпоративная университетская символика этого времени насыщена международными символами науки и образования, среди которых широкое распространение получили книга, факел и лавровая ветвь [7, с. 125–126]. В советской образовательной символике изображение книги получило распространение на ведомственных нагрудных знаках в 1940-х гг., хотя попытки использования этой эмблемы наблюдаются и ранее. В университетской символике книга, как правило, изображалась в симметрично расположенном раскрытом виде с пустыми страницами (символ чистого разума) [12, с. 196]. Факел в символике университетов Украины появился только во второй половине XX ст. Как символ просвещения, образования и знания он изображался с горящим и порывистым одноязыким пламенем [12, с. 461–462]. Как эмблема славы на поприще науки, культуры и искусства широкое распространение также получила лавровая ветвь [12, с. 227–228]. Отметим, что упомянутые эмблемы образования станут традиционными для символики советских университетов в целом.

Начиная со второй половины 1950-х гг. увеличивается разнообразие университетской спортивной атрибутики. Основной спортивной эмблемой этого периода станет изображение буреви́тника, которое символизировало юношеский пыл и дерзание [12, с. 64–66]. Использование этой эмблемы связано с образованием в 1957 г. спортивного общества «Буреви́тник», которое объединяло спортсменов высших учебных заведений всего Советского Союза. Как правило, буреви́тник изображался в виде силуэта белого цвета на голубом фоне. Кроме того, в университетах широкое распространение получили эмблемы летних и зимних видов спорта, олимпийская символика и т. п. Со временем получили собственные эмблемы спортивные общества университетов.

Важное место среди символов и эмблем, которые сопровождали жизнь университетских людей (но, прежде всего, студентов) в 1960–1980-х гг., заняла символика студенческих строительных отрядов. Основным элементом была куртка цвета хаки с разными знаками, нашивками и шевронами. Первый отличительный стройотрядовский знак – «Студенческая целинная стройка» – появился в начале 1960-х гг. Концепция значка отражала главные символы движения: мастерок как символ качества, кирпич как символ строи-

тельной направленности отрядов. В дальнейшем именно эти символы стали основой т. н. «Студенческого знака качества» и встречались на многих стройотрядовских знаках [1, с. 4]. Со временем эмблемы движения стали более разнообразными и символическими (например, традиционным изображением «северных» отрядов стала буровая вышка, а отрядов энергетиков – искра). Одновременно на значках и нарукавных эмблемах продолжали использоваться государственные советские символы (серп и молот, звезда, «ВЛКСМ»). Традиции повседневного ношения символики строительных отрядов не сложилось, ее использовали только во время третьего трудового семестра.

В течение 1960–1980-х гг. начинает формироваться собственно факультетская символика [11, с. 293]. Изображения, содержащиеся на эмблемах, в основном соответствовали образовательному и научному направлению факультетов и, как правило, имели международный характер. Например, факультетские эмблемы Харьковского университета, учитывая прагматический и семантический аспекты, можно условно разделить на несколько групп [14, с. 251]. Факультетские эмблемы середины 1960-х гг. представлены в буклете, посвященном переезду университета в новое здание в 1963 г. [15]. Следует отметить, что они не получили распространения и применения. Эмблемы середины 1970-х гг. представлены значками факультетов технического профиля, изготовленных по случаю их годовщин. Факультетские эмблемы второй половины 1980-х гг. представлены в рекламном-информационном проспекте [16]. Отдельные их элементы были заимствованы у эмблем предыдущих групп. Эмблемы гуманитарных факультетов содержали похожие изображения (факел, раскрытая книга), что стало одной из предпосылок к их совершенствованию и индивидуализации в последующие годы. Таким образом, к концу 1980-х гг. в университете сложилась система факультетских эмблем, некоторые из них сохранились до сегодняшнего дня.

Подобная ситуация с факультетской символикой наблюдалась в Днепропетровском университете. Первые факультетские эмблемы, изображенные на транспарантах и платформах, которые использовались во время торжественных демонстраций 1 мая или 7 ноября, появились еще в начале 1960-х гг. и использовались в последующие годы. И все же

это были скорее исключения. В основном факультетская символика в советское время не имела распространения, даже в том случае, когда она фиксируется, сам факт ее существования остается незамеченным для университетского сообщества¹.

Подводя итог сказанному, отметим, что поиск и конструирование университетским сообществом советского периода собственной идентичности отразились на внешнем виде и в содержательном наполнении университетских символов и эмблем. Символика университетов Украины советского периода отвечала общим тенденциям развития советской образовательной символики. В частности, это выражалось в использовании однотипных художественных приемов, про-

стых и обобщающих изображений, которые подчеркивали принадлежность университетов к государственной советской образовательной системе. Характерной особенностью развития университетской символики в течение длительного времени было доминирование идеологического фактора и отсутствие возможности для саморепрезентации. Лишь постепенно путем спорадического использования политически нейтральных изображений (стилизованные изображения зданий) и международных образовательных символов и эмблем университеты начали символически обозначать себя. Многие созданные в это время символические изображения стали основой для формирования новой университетской символики конца XX – начала XXI ст.

Литература

1. Белозерцев Е. И. Фалеристика Всесоюзного студенческого стройотряда (1959–1992 гг.). СПб: Александр Принт, 2009.
2. Бюллетень Минвуза СССР. 1961. № 5.
3. Ведомости Верховного Совета СССР. 1983. № 39. Ст. 583.
4. Вишленкова Е. А., Малышева С. Ю., Сальникова А. А. История университета как история памяти корпорации? // *Ab Imperio*. 2004. № 3.
5. Вишленкова Е. А., Малышева С. Ю., Сальникова А. А. *Terra Universitatis: Два века университетской культуры в Казани*. Казань: КГУ им. В. И. Ульянова-Ленина, 2005.
6. Зайцев Б. П. Джерелознавчі зошити. Зошит 4. Емблематика Радянської України. Харків: ХНУ, 2007.
7. Майборода Д. В. Символика отечественных образовательных учреждений середины XVIII – начала XXI в.: дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02. М.: МГОУ, 2014.
8. Парфиненко А. Ю., Посохов С. И. Старые и новые символы университетов (на материалах Харьковского университета второй половины XIX – первой половины XX веков) // *Эпоха. Культуры. Люди* (история повседневности и культурная история Германии и Советского Союза. 1920–1950-е годы). Харьков: Восточно-региональный центр гуманитарно-образовательных инициатив, 2004.
9. Парфиненко А. Ю. У пошуках причин «ліквідації» університетів України (аналіз радянської журнальної публіцистики 1920-х – початку 1930-х років). Харків: С.А.М., 2008.
10. Посохов С. И. О памяти и памятниках в университетской истории // *История и историческая память*. 2012. Вып. 6.
11. Посохов С. И. Символы и эмблемы Харьковского университета // *Вспомогательные исторические дисциплины в пространстве гуманитарного знания*. М.: РГГУ, 2009.
12. Похлебкин В. В. *Словарь международной символики и эмблематики*. 3-е изд. М.: Междунар. отношения, 2001.
13. Рачков Є. С. Використання корпоративних символів та емблем в обрядах переходу (на матеріалах Харківського університету) // *Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії*. 2014. Вип. 17.
14. Рачков Є. С. Символи та емблеми Харківського університету (1933–1991 рр.): візуальний образ радянського ВНЗ // *Історичні етюди*. 2014. Вип. 4.
15. Харьковский ордена Трудового Красного Знамени государственный университет имени А. М. Горького: фотоальбом / сост.: В. М. Черняков, Ю. Н. Мандрыкин. Харьков: ХГУ, 1964.
16. Харьковский ордена Трудового Красного Знамени и ордена Дружбы народов государственный университет имени А. М. Горького / сост. Е. П. Пугач, В. Г. Гончаренко, Ю. П. Кузнецов. Харьков: Облполиграфиздат, 1988.

¹ Об этом, в частности, свидетельствуют результаты контент-анализа анкет выпускников Харьковского университета 1940–1980-х гг.

УДК 94(470.4):297 ``19-20``

А. В. Сызранов

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НЕКОТОРЫХ НЕТРАДИЦИОННЫХ МУСУЛЬМАНСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ НА ТЕРРИТОРИИ ПОВОЛЖЬЯ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВВ.

В статье рассматривается деятельность некоторых нетрадиционных мусульманских организаций на территории Поволжья в конце XX – начале XXI в., в частности, нурсистов, фэйзрахманистов, мофлюхуновцев и таблигитов.

Ключевые слова: ислам, мусульманские организации, Поволжье, радикализм, нурсисты, фэйзрахманисты, мофлюхуновцы, таблигиты.

A. V. Syzranov

THE ACTIVITIES OF SOME NONCONVENTIONAL MUSLIM ORGANIZATIONS IN THE VOLGA REGION IN THE LATE XX – EARLY XXI CENTURIES

The article examines the activities of some nonconventional muslim organizations in the territory of the Volga region at the end of the XX – the beginning of the XXI century. The activities of nursists, fayzrakhmanists, moflyukhunovts and tabligits are analysed.

Key words: islam, muslim organizations, the Volga region, radicalism, nursists, fayzrakhmanists, moflyukhunovts, tabligits.

В конце XX – начале XXI в. на территории Поволжья были распространены различные нетрадиционные направления ислама. В частности, была отмечена деятельность салафитов, эмиссаров религиозного движения «Таблиг», партии «Хизб ут-Тахрир». Через многочисленные турецко-татарские лицеи свою пропаганду среди мусульман региона вели т.н. «нурсисты» – последователи турецкого исламского богослова Саида Нурси Бадиуззамана (1878–1960), члены общества «Нурджулар». Последователи этих групп были сосредоточены преимущественно в крупных городах [2, с. 207].

Сторонники возникшего в Турции религиозного течения «Нурджулар» («Люди света») начали активную работу по привлечению прозелитов в поволжском регионе еще в 1990–1991 гг. В Турции это движение одно время стало одним из самых крупных религиозных направлений. Сочинение С. Нурси «Рисала-и нур» является для «нурсистов» главной книгой. По мнению сторонников Нурси, в этой книге дана современная трактовка идей Корана, причем они верят в боговдохновенный характер этих комментариев и отличают их от других обычных коранических толкований («тафсиров»). Одной из особенностей

движения является его активная общественная деятельность помимо сугубо религиозных форм, в частности, учреждении образовательных заведений – лицеев, школ и колледжей не только в Турции, но и за ее пределами. Так, в Татарстане одно время действовало несколько татарско-турецких лицеев, с солидной материальной базой. В конце 1990-х гг. собственность совокупной учебной базы секты оценивалась в 1,5 млрд долларов. Оснащенность учебной базы секты обеспечивалась во многом разветвленной сетью специально созданных коммерческих предприятий. Другой особенностью «нурсистов» является их внимание к СМИ. Движение выпускало несколько журналов, издающихся на турецком и английском языках, ежедневную газету «Заман», имело телеканал «Саманюлы» и две радиостанции [8, с. 22].

В 1990-е гг. «нурсисты» стали вести скрытую деятельность в РФ, покупая недвижимость, к примеру, квартиры, в которых собирались прозелиты. В Казани было известно их медресе на частной квартире. В качестве религиозной организации «нурсисты» никогда не регистрировались. Проводилась масштабная издательская деятельность, как на русском, так и на татарском языке. Число

брошюр, состоящих из переводов разных фрагментов «Рисала-и нур», насчитывала десятки наименований. Эта литература свободно продавалась в мечетях.

В 2003 г. правоохранительные органы заинтересовались деятельностью секты «Нурджулар», обратив внимание на ведущуюся в ее лицах пропаганду панисламизма. Генеральной прокуратурой было начато широкомасштабное расследование деятельности татарско-турецких школ, связанных с учением Саида Нурси. 10 апреля 2008 г. Верховный суд РФ признал международную организацию «Нурджулар» экстремистской.

Среди исламских «сект» (при всей условности этого термина применительно к исламу) местного, регионального происхождения можно выделить группы «файзрахманистов» и «мофлюхунцев», созданные Файзрахманом Саттаровым и Нуруллой Мофлюхунцевым. Общей чертой этих сект является искажение Сунны и апокалиптические идеи, а также оппозиция к официальному исламскому духовенству [4, с. 448; 5, с. 219].

«Файзрахманисты» – последователи Файзрахмана Саттарова (1929 г.р.). Ф. Саттаров учился в бухарском медресе «Мири Араб», которое окончил в 1962 г.; потом продолжил свое обучение в Исламском институте в Ташкенте. По окончании обучения работал имамом в Казани, в 1960-е гг. был ответственным секретарём в Духовном управлении мусульман Европейской части СССР и Сибири (ДУМЕС) в Уфе. Служил также имамом в Ленинграде, Ростове-на-Дону, Октябрьском. В 1980-е гг. Саттаров начал целенаправленно создавать и проповедовать собственное религиозное учение. В 1992 г. он переехал в Набережные Челны, где организовал свое медресе, собрав около 80-ти последователей. Также ячейки «секты» появились в Казани, Уфе, Лениногорске, Альметьевске и в некоторых селах. В группах состояли выходцы из деревень с невысоким уровнем образования, одинокие, пенсионеры, а также некоторые его родственники [6; 8, с. 45].

Община «файзрахманистов» в Казани получила государственную регистрацию в администрации города под названием «Курыаниун ва хадисиун», в качестве юридического лица; была изготовлена печать и получен участок земли под строительство мечети в Московском районе Казани. Впрочем, этой

возможностью файзрахманисты не воспользовались. Один из его последователей в 1996 г. приобрел участок в пос. Торфяной под Казанью под медресе и обустроил его, создав всю жилищно-хозяйственную инфраструктуру. Постепенно все члены «секты» перебрались на территорию этого места.

Богословские воззрения Ф. Саттарова носили достаточно эклектичный характер. Им были позаимствованы и переработаны идеи из других течений ислама. Один из главных мотивов – это отрицание всех мазхабов, особенно ханафитского. Структура группы построена по аналогии с суфийским орденом. Известны также высказывания Саттарова о принадлежности к некоей «силсиле» (суфийской цепи духовных преемников), он считал себя 34-м звеном от пророка Мухаммада, однако, эта информация публично не оглашалась. В середине 2000-х гг. стали нарастать апокалиптические мотивы в высказываниях Ф. Саттарова. Он признавал хадисы, но при этом имел собственную иерархию достоверных сборников. Помимо этого, он самолично проверял достоверность хадисов якобы посредством сна, получая информацию «свыше», от Аллаха. Давалась Саттаровым и собственная трактовка коранических аятов и хадисов. Взгляды Саттарова эволюционировали, менялись, если вначале он утверждал необходимость только Корана и Сунны, то впоследствии сам стал под своим авторством размножать многочисленные брошюры самиздатского характера [8, с. 46–47].

В 1990-е гг. Ф. Саттаров попытался изложить свое учение в опубликованной им книге «Иман тамырлары» («Корни веры»), изданной на татарском языке. В книге он указывал, что в ислам подобен дереву, у которого 73 «корня», но только один является из них истинным – это учение самого Саттарова. Именно последователи данного учения попадут в рай; остальные же подвергнутся наказанию Аллаха.

В некоторых вопросах у Ф. Саттарова наблюдались некоторые отступления от исламской «ортодоксии». Например, известно, что его окружение занималось валютными махинациями и процентными сделками, что категорически запрещено «классическим» исламом. Считая себя «истинными мусульманами», «файзрахманисты» отвергали любое деление ислама на мазхабы (мусульманские

религиозно-правовые школы). Особую неприязнь у последователей Саттарова вызывал ханафитский мазхаб – традиционный для поволжских тюрок.

Интересно, что Ф. Саттаров менял свое имя по мере получения «откровений от Аллаха». Так, сначала он именовался «Насрулла» («помощник Аллаха»), а позже стал именоваться «Расулалла» («посланник Аллаха»). Общение с Аллахом у него происходило, якобы, во сне [6].

Основатель группы «мофлюхунцев» – Нурулла Мофлюхунев. С 1961 по 1988 гг. работал настоятелем Чистопольской городской мечети. В начале 1990-х гг. вышла в свет его транслитерация классического дореволюционного комментированного перевода Корана на татарский язык. Данный труд содержал примечания Мофлюхунева к Корану, показывающие его особое понимание ислама. Затем эта транслитерация (уже, правда, без примечаний Мофлюхунева) была издана огромными тиражами разного рода издательствами под названием «Коръан тафсире». Сам Н. Мофлюхунев не настаивал на особом организационном оформлении своего движения. Усилия Мофлюхунева были направлены, прежде всего, на борьбу с «официальным» духовенством.

Касаясь чисто теологических особенностей его взглядов, следует отметить отрицание общепринятой роли хадисов. Мофлюхунев не верил в аутентичность хадисов и поэтому отвергал следование им, призывая опираться исключительно на аяты Корана. Им отрицались представления о загробной жизни, обряд имянаречения и др. Другой особенностью его взглядов является полное отвержение народных обычаев (араб. «адат», «урф»). В связи с этим главной критике подвергались татарские коранические меджлисы, распространенные у татар, посещение развалин средневековых городищ Булгара и Биляра. Н. Мофлюхунев признавал необходимость и авторитет ханафитского мазхаба, но в то же время не признавал «кийас» (араб. «аналогия»; суждение по аналогии, один из методов и источников мусульманского права) в качестве источника шариата [8, с. 48].

Организованная группа последователей Мофлюхунева существовала в Чистополе, которая оформилась в отдельную небольшую общину. После переезда Н. Мофлюхунева в Казань, там также сформировалась отдель-

ная группа его сторонников, базой которой являлся частный дом лидера, где проводились пятничные богослужения и занятия. В середине 2000-х гг. группа, благодаря активности сына Н. Мофлюхунева Мухаммеда, вела широкую издательскую деятельность, пропагандируя взгляды группы. Была издана книга Н. Мофлюхунева «Вагазь-насыхат китабы», где были изложены все идеи «секты».

На территории Поволжья с 1990-х годов осуществляют свою деятельность члены «Джамаат Таблиг» – так называемые «таблиги», «таблиговцы», «таблигиты» или «дагватчики». «Джамаат Таблиг» («Общество призыва») – международная мусульманская религиозная организация, возникшая в первой трети XX в. в Индии (сегодня организационный центр таблигов находится в Пакистане). Основатель – Маулана Мухаммад Ильяс Кандехлеви (1885–1944). Организация отличается активной миссионерской деятельностью. После распада СССР движение стало быстро распространяться в бывших советских среднеазиатских республиках – Киргизии, Узбекистане, Таджикистане и др., а затем и в России.

Учение таблиговцев подразумевает необходимость активной миссионерской работы (в мечетях, поселениях). Методика пропаганды у таблиговцев достаточно проста и эффективна. Определенная простота, доступность, набожность и практика общаться на одном со слушателями языке помогают быстро расположить к себе аудиторию.

Интересно, что некоторые салафитские идеологи, обычно весьма нетерпимые к любым несалафитским течениям ислама, спокойно относятся к таблиговцам. К примеру, известный саудовский проповедник Абд ал-Азиз ибн Баз (1910–1999), верховный муфтий Саудовской Аравии в 1993–1999 гг., хоть и воспринимал таблиговцев как невежественных отступников от «чистого ислама», тем не менее, признавал их заслуги, «благие дела» и «старания в деяниях» и рекомендовал салафитам совместно участвовать в миссионерской деятельности с ними [3].

Хотя таблиговцы декларируют свою аполитичность, целью организации является установление господства исламской религии во всем мире. Известно, что из среды таблиговцев часто вербовались исполнители террористических актов в Западной Европе. Организация «Джамаат Таблиг» иногда ис-

пользуется в качестве прикрытия для подготовки террористических акций. В Пакистане, Афганистане, Индии, Узбекистане таблиговцы оказывают помощь международным исламистским террористическим группировкам. На средства этого движения обучаются экстремисты из других радикальных течений ислама.

В мае 2011 года в Астрахани были задержаны шестеро участников (братья Ю. и А. Авдонины, С. Алишев, И. Курмамбаев, Т. Шинтимиров, Р. Захидов) запрещенной организации «Джамаат Таблиг» [1]. Однако, вскоре они были отпущены под подписку о невыезде. В апреле 2012 г. над ними начался суд. Спустя месяц Кировский районный суд Астрахани вынес приговор. Юрий Авдонин за организацию деятельности религиозного объединения, признанного судом экстремистским осужден к 1,5 годам лишения свободы с отбыванием в колонии-поселении. Его брат Александр был объявлен в международный розыск (есть сведения, что впоследствии, в 2014–2015 гг. братья Авдонины оказались в рядах «Исламского

государства» (ИГИЛ), действующего на Ближнем Востоке). Остальные члены организации были признаны виновными в участии в деятельности такого объединения, им назначено наказание в виде штрафа [7].

С середины 2000-х годов российские власти стали ограничивать религиозную деятельность таблиговцев, прежде всего из-за их связей с экстремистами. В 2009 г. «Джамаат Таблиг» был запрещен решением Верховного суда России.

Вопрос о радикализме таблигов открыт до сих пор. Многие эксперты не соглашались с тем, что это течение экстремистское, а в некоторых странах оно действует официально. Тем не менее, для таблиговцев характерна крайняя категоричность, призывы к неповиновению светским законам, ориентация на создание всемирного исламского халифата. Организация «Джамаат Таблиг», декларируя аполитичность, на самом деле является одним из прикрытий для распространения радикальных форм ислама.

Литература

1. В Астрахани задержаны шесть членов запрещенной организации «Джамаат Таблиг» [Электронный ресурс] URL: NEWS.ru.com www.newsru.com/russia/16may2011/astra.html (Дата обращения: 24.07.2015).
2. Мухаметшин Р. М. Ислам в общественной и политической жизни татар и Татарстана в XX в. Казань: Тат. кн. изд-во, 2005.
3. Открытие завесы опасностей некоторых призывов // «Аль-Хайят» [Электронный ресурс] URL: <http://al-hayat.ucoz.ru/forum/45-1335-1> (Дата обращения: 24.07.2015).
4. Силантьев Р. А. Ислам в современной России. Энциклопедия. М.: Алгоритм, 2008.
5. Силантьев Р. А. Новейшая история исламского сообщества России. М.: Информационно-издательская продюсерская компания «ИХТИОС», 2006.
6. Сулейманов Р. Р. Файзрахманисты: секта исламского происхождения в Татарстане в начале XXI в. // Этнорелигиозные исследования в Поволжье [Электронный ресурс] URL: <http://www.kazan-center.ru/osnovnye-razdely/13/190/> (Дата обращения: 24.07.2015).
7. Угрюмов Н. Простые русские экстремисты // Комсомолец Каспия. 2012. 1 июня. № 44 (6793).
8. Якупов В. М. Неофициальный ислам в Татарстане: движения, течения, секты. Казань: Издательство «Иман», 2003.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 343.12/16

О. С. Гаврилова

ПРИСУТСТВИЕ ЗАКОННОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯ, ПЕДАГОГА, ЗАЩИТНИКА В ХОДЕ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ С УЧАСТИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ОБВИНЯЕМОГО, ПОДОЗРЕВАЕМОГО

В статье рассматриваются требования о специализации участников по делам несовершеннолетних. Анализируются возможности выделения в рамках коллегии адвокатов наиболее квалифицированных защитников для защиты несовершеннолетних обвиняемых. Выносится предложение о замещении неблаго-

получных родителей в процессе досудебного разбирательства и судебного рассмотрения на иных законных представителей.

Ключевые слова: несовершеннолетний обвиняемый, подозреваемый, защитник, законный представитель, педагог, психолог.

O. S. Gavrilova

THE PRESENCE OF A LEGAL REPRESENTATIVE, A TEACHER AND A DEFENCE LAWYER DURING PRE-TRIAL PROCEEDINGS IN A CRIMINAL CASE INVOLVING A JUVENILE ACCUSED OR A SUSPECT

The article discusses the requirement of specialization of the participants of the juvenile cases. It analyses the possibilities of selection in the Collegium of defence lawyers the most skilled ones to protect minors accused. The author suggests that it is necessary to replace dysfunctional

parents in the process of pre-trial proceedings and judicial review by other legal representatives.

Key words: juvenile accused, the suspect, defense lawyer, legal representative, educator, psychologist.

В ходе досудебного производства уголовных дел с участием несовершеннолетних, помимо дознавателя, следователя, прокурора, суда предусмотрено обязательное участие защитника, законного представителя, а в определенных случаях также специалистов – педагога или психолога.

Гарантией конституционного права несовершеннолетнего является обязательное участие защитника в уголовном судопроизводстве, если подозреваемый (обвиняемый) является несовершеннолетним (ст. 51 УПК РФ). Право на защиту имеет каждый несовершеннолетний подозреваемый, обвиняемый. Эта группа граждан является наиболее беззащитной по сравнению с другими лицами, указанными в статье 51 УПК РФ, в силу особых психофизиологических характерных признаков личности.

В УПК РФ прописаны права на защиту несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, включая самого несовершеннолетнего, которые реализуют защитник и законный представитель. Их участие должно быть обеспечено в обязательном порядке (п. 2 ч. 1 ст. 51, ст. 48 УПК РФ). По инициативе сторон, а также в силу исполнения ст. 425 УПК РФ для участия могут быть привлечены также особые специалисты – педагог и (или) психолог, знания которых могут быть необходимы в интересах защиты.

Участие защитника при производстве по уголовным делам в отношении несовершеннолетних является обязательным (п. 2 ч. 1 ст. 51 УПК РФ). Это свидетельствует о том, что государство стремится полностью выполнить свои обязанности перед данной категорией правонарушителей и соблюсти их права

в уголовном судопроизводстве. Подтверждение тому мы находим в ч. 2 ст. 48 Конституции РФ, где устанавливается, что «каждый задержанный, заключенный под стражу, обвиняемый в совершении преступления имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента соответственно задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения» [3, с. 4].

Адвокату, принявшему на себя защиту несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, необходимо учитывать его психофизиологические особенности. Его действия должны соответствовать принципам педагогики и уголовного судопроизводства.

Современные юристы придерживаются такого же мнения. Мы вслед за О. В. Левченко, Е. В. Мищенко, Л. А. Шестаковой и др. считаем, что добиться такого положения можно в рамках коллегии адвокатов, когда одни и те же наиболее квалифицированные защитники осуществляли бы защиту несовершеннолетних обвиняемых. Для этого, на наш взгляд, необходимо в каждом субъекте Российской Федерации определить адвокатов, которые бы в большей части занимались делами несовершеннолетних помимо других дел. Таким образом, их следует обучить на специальных курсах, тематически связанных с педагогикой и, главное, с психологией несовершеннолетних. После чего именно эти адвокаты будут вправе заниматься защитой данной категории правонарушителей. Нужно сказать, что наше предложение не является в литературе новым. Еще в 1987 г. В. В. Леоненко, в 2012 г. Л. А. Шестакова выдвигали похожую идею.

Полномочия защитника по делам несовершеннолетних определяются общими правилами (ст. 53 УПК РФ), то есть защитник обязан использовать все указанные в законе средства и способы защиты обвиняемого в целях выяснения обстоятельств, оправдывающих или смягчающих его ответственность, и оказывать обвиняемому необходимую юридическую помощь.

Как для любого человека, а особенно для несовершеннолетнего, привлечение к уголовной ответственности является стрессовой ситуацией. Такое психологическое состояние усиливает частая смена адвокатов в процессе досудебного расследования. Необходимо, на наш взгляд, чтобы один адвокат, который принимает на себя защиту несовершеннолетнего

подозреваемого, обвиняемого, участвовал во всех этапах уголовного судопроизводства и не менялся.

Разговор адвоката с несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым должен носить характер беседы, а не допроса с характерными для него методами. Нельзя маневрировать сознанием несовершеннолетнего, применять к нему психическое воздействие, которое может выражаться в виде запугивания, угрозы и т. п. Самый главный, если не сказать, единственный возможный способ воздействия – психологический метод убеждения. В процессе рассказа несовершеннолетнего не перебивать, а стараться считать дополнительную информацию, которую можно получить из невербальных средств общения, «которые необходимы человеку для того, чтобы создавать и поддерживать психологический контакт, регулировать течение процесса общения, придавать новые смысловые оттенки словесному тексту, направлять истолкование слов в нужное русло, выражать эмоции оценки, принятую роль, смысл ситуации» [1, с. 153]. Именно при помощи невербальных средств общения, на наш взгляд, можно установить психологический контакт, наладить взаимоотношения с подзащитным. Как видим, здесь мы опять возвращаемся к нашему предложению, чтобы адвокат, занимающийся делами несовершеннолетних, имел бы еще и психологическое или педагогическое образование.

Участие законного представителя по уголовным делам данной категории предусмотрено ст. 48, 426, 428, УПК РФ. В качестве законных представителей пунктом 12 ст. 5 УПК РФ предусмотрен строго ограниченный перечень лиц: родители, усыновители, опекуны или попечители несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, представители учреждений или организаций, на попечении которых находится несовершеннолетний подозреваемый, обвиняемый, органы опеки и попечительства.

Законные представители несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого допускаются к участию в уголовном деле с момента его первого допроса. Следовательно, дознаватель должны известить законного представителя о времени и месте допроса, а после его явки – разрешить вопрос о допуске его в уголовное дело путем вынесения

об этом постановления. При этом законному представителю разъясняются его права и обязанности, прописанные в ч. 2 ст. 426 УПК РФ.

Согласно ч. 4 ст. 426 УПК РФ законный представитель может быть отстранен от участия в уголовном деле, если имеются основания полагать, что его действия наносят ущерб интересам несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого. Об этом следователь, дознаватель выносят постановления. В этом случае к участию в уголовном деле допускается другой законный представитель.

По определению или постановлению суда законный представитель может быть отстранен от участия в судебном разбирательстве, если есть основания полагать, что его действия наносят ущерб интересам несовершеннолетнего подсудимого. Как правильно отметил А. С. Ланда, «действия законного представителя не связаны с волей обвиняемого и осуществляются как в его интересах, так и в интересах самого представителя» [4, с. 11]. В этом случае должен быть допущен другой законный представитель.

Следователи и дознаватели сталкиваются с рядом проблем при решении вопроса об определении законного представителя несовершеннолетнего и организации его участия в обеспечении защиты прав и законных интересов несовершеннолетнего. В рамках исследования данной проблемы мы провели небольшой опрос сотрудников подразделений следствия и дознания органов внутренних дел г. Ставрополя в количестве 13 человек, занимающихся расследованием уголовных дел в отношении несовершеннолетних. В результате проведенного опроса респонденты обозначили следующие основные проблемы, возникающие в ходе расследования уголовных дел данной категории, которые отчасти совпали с проблемами, выделенными Л. В. Кокоревой и О. Ф. Павловым: 1) затруднение в привлечении в качестве законного представителя несовершеннолетнего родителей, которые не лишены родительских прав, но воспитанием несовершеннолетнего не занимаются, проживают отдельно от него в другом населенном пункте; 2) родители подростка привлекаются к уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ст. 156 УК РФ; 3) один из родителей привлекается к уголовной ответственности, а второй, являясь законным представителем, при допросе

несовершеннолетнего в качестве свидетеля оказывает на него давление, уговаривая дать показания в пользу обвиняемого; 4) родители несовершеннолетнего злоупотребляют распитием спиртных напитков, в результате чего не могут обеспечить защиту прав и интересов несовершеннолетнего, однако не лишены родительских прав и, соответственно, являются законными представителями; 5) формальное отношение органов опеки и попечительства к процедуре представительства несовершеннолетнего [2, с. 2].

Практически все следователи говорили о том, что часто законный представитель формально относится к обязанности оказывать несовершеннолетнему, который нарушил закон, различного рода поддержку. Иными словами, они ни морально, ни психологически не поддерживают подростка, не знают своих прав по его защите, поэтому не могут выбрать оптимальный и эффективный путь защиты. Все это влечет за собой негативные последствия в судьбе несовершеннолетнего, который на этом этапе как никогда нуждается в защите и поддержке.

Как считают практикующие юристы, «у следователя, дознавателя должна быть возможность, опираясь на информацию, собранную в ходе расследования уголовного дела, сделать вывод о возможности привлечения в качестве законного представителя не родителей, которые не лишены родительских прав, а представителя органов опеки и попечительства» [2, с. 2]. С этим нельзя не согласиться, однако остается открытыми вопросы о том, насколько комфортно будет подростку в присутствии посторонних людей и насколько представители опеки и попечительства будут заинтересованы помочь ребенку.

Таким образом, можно выделить ряд проблем, связанных с участием в досудебном разбирательстве законного представителя: 1) замещение неблагополучных родителей в процессе досудебного разбирательства и судебного рассмотрения; 2) присутствие родителей отвлекает внимание подростка и влияет на правдивость его показаний. Если подросток, совершивший преступление, из благополучной семьи, то как быть с тем фактом, что у многих может возникать чувство вины, страха того, что его разлюбят родители, если услышат правду; 3) допуска к участию в уголовном деле законного представителя наравне с адвокатом.

Кроме законного представителя, прокурор, следователь, дознаватель по ходатайству защитника либо по собственной инициативе обеспечивают участие в допросе несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) педагога либо психолога. Занимаясь проблемой вовлечения в досудебные разбирательства уголовных дел с участием несовершеннолетних педагога или психолога, Л. А. Шестакова сформулировала, на наш взгляд, емкие определения: «Педагог – это сведущее лицо, имеющее высшее педагогическое образование с дополнительной специальностью «Психология» и работающее преподавателем в учебном заведении (школе, спецшколе, ПТУ)». «Психолог – сведущее лицо, имеющие высшее психологическое образование и работающее по специальности не менее 3 лет» [7, с. 105].

При допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого и подсудимого, не достигшего возраста 16 лет либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии, участие педагога или психолога обязательно (ст. 425 УПК РФ). Нарушение такого законного требования влечет за собой отмену приговора.

Педагог или психолог вправе согласно ч. 5 ст. 425 УПК РФ: 1) с разрешения следователя, дознавателя задавать вопросы несо-

вершеннолетнему подозреваемому, обвиняемому; 2) по окончании допроса знакомиться с протоколом допроса и делать письменные замечания о правильности и полноте сделанных в нем записей.

Основные процессуальные функции педагога и психолога заключается в том, что они должны помогать должностному лицу, которое производит следственные действия, а также защищать права и интересы подростка. К сожалению, педагог может участвовать только при проведении допроса. Мы считаем, что его присутствие также необходимо и при других следственных действиях.

На наш взгляд, следует согласиться с точкой зрения С. В. Тетюева в том, что к педагогу (психологу) как участнику допроса несовершеннолетнего нецелесообразно предъявлять требование о незаинтересованности в исходе дела [5, с. 8]; педагог или психолог должен обязательно присутствовать не только в процессе допроса, но и других следственных действиях; педагог или психолог должен присутствовать во всех следственных действиях несовершеннолетних, не достигших возраста 18 лет. Так, например, в ч. 1 ст. 435 УПК Республики Беларусь предусматривается обязательное участие педагога (психолога) в допросе несовершеннолетних, не достигших возраста 18 лет [6, с. 104–105].

Литература

1. Гаврилова О. С. Повышение компетенции невербального общения у студентов не филологов первых курсов после изучения лингвистических дисциплин // Актуальные проблемы развития науки и образования: Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 5 мая 2014 г.: в 7 частях. Часть I. М.: АР-Консалт, 2014.
2. Кокорева Л. В., Павлов О. Ф. О некоторых вопросах участия законного представителя несовершеннолетнего в ходе досудебного производства по уголовному делу [Электронный ресурс] // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2011. № 5. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-voprosah-uchastiya-zakonного> (Дата обращения: 28.05.2015).
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/popular/cons/#info> (Дата обращения: 25.05.2015).
4. Ланда А. С. Представители несовершеннолетних обвиняемых в советском уголовном процессе / под ред. В. А. Познанского. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1977.
5. Тетюев С. Обстоятельства, исключающие участие педагога (психолога) в уголовном судопроизводстве // Уголовный процесс. – 2006. – № 6.
6. Тетюев С. В. Процессуальные права, обязанности и ответственность педагога (психолога) в производстве по уголовным делам с участием несовершеннолетних // Журнал российского права. 2008. № 4.
7. Шестакова Л. А. Производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних: проблемы правоприменения // Основы экономики. Управления и права. 2012. 4(4).

УДК 342.1(470)

Б. Г. Койбаев

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ И ИНСТИТУТЫ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье анализируются конституционно-правовые аспекты решения проблем взаимодействия российской государственной власти и институтов гражданского общества.

Ключевые слова: конституционное право РФ, правовая политика, гражданское общество, государственная власть.

B. G. Koybaev

STATE POWER AND CIVIL SOCIETY IN CONSTITUTIONAL AND LEGAL SPACE OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article analyzes the constitutional and legal aspects of the resolution of problems of interaction between state authorities and civil society institutions.

Key words: constitutional law of the Russian Federation, legal policy, civil society, state power.

В настоящее время для обеспечения стабильности во всех сферах общественно-политической и экономической жизни необходимо реальное функционирование механизмов и институтов гражданского общества. Практика показывает: нельзя проводить реформы в стране в интересах населения, в условиях, когда власть оторвана от общества, которое, в свою очередь, не имеет возможности влиять на формирование государственной политики [6, с. 3].

Проблема развития гражданского общества – это, в первую очередь, проблема взаимодействия государства и общества, органов власти и общественных объединений в решении всего спектра социально-экономических и общественно-политических задач [4, с. 61–62].

Общественно-политические процессы развития гражданского общества в современной России неразрывно связаны с развитием ее конституционных основ. Конституционное развитие России происходит достаточно сложно. Тем не менее, на современном этапе развития российского общества созрели условия для формирования целостной системы гражданского общества и ее конструктивного взаимодействия с системой государственной и местной власти. В этой связи Президент России В. В. Путин в своем Послании Федеральному Собранию Российской Федерации заявил: «Мы должны значительно расширить возможности площадок, на которых идет диалог государства и общества» [13].

Социально-политические и экономические риски, с которыми столкнулась Россия в связи с событиями на Украине, оказывают серьезное воздействие как на положение внутри страны, так и на позиционирование РФ на мировой арене.

Сущность этого процесса можно определить как поэтапный переход от государственного (властного) к государственно-общественному управлению в масштабах страны, субъектов федерации и местного

В этой связи должна быть четко определена система координат, в которых пойдет дальнейшее развитие России. Основными звеньями этой системы являются демократически сильное государство, насыщенный конкурентный рынок и развитое гражданское общество.

С принятием Конституции 1993 г. Россия стала на путь строительства правового государства на принципах федерализма [8]. В настоящий период страна переживает непростой период демократизации политических процессов, связанных с переходом к новой системе общественных отношений, политико-государственного устройства и управления. Процесс становления федерации, особенно в переходный период, не проходил гладко и быстро [2, с. 15]. В стране нет надлежащего баланса интересов федерации и ее субъектов, продолжают

оставаться центробежные тенденции, законы в субъектах федерации в ряде случаев входили и продолжают входить в противоречие с общегосударственными.

Принимая меры по наведению порядка в исправлении создавшегося положения, правительство все больше стало уделять внимание проблемам гражданского общества, используя для его развития правовую базу. Конституция России, принятая в 1993 г., как было сказано выше, создает благоприятные условия для формирования полноценного гражданского общества. Однако сам процесс с неизбежностью потребует длительного переходного периода, постоянного внимания к нему и помощи со стороны государства.

Формирование правового государства и гражданского общества – это единый взаимосвязанный процесс функционирования демократического общественного устройства. В современной России он происходит на фоне сложных и противоречивых преобразований в обществе. Формально в РФ на сегодняшний день созданы все демократические институты, чтобы осуществить взаимодействие гражданского общества и политической власти. Прежде всего, это, выборы как важнейший институт современной демократии, которые проходят с постоянной периодичностью.

Представляется важным отметить, что в стране на конституционном уровне соблюдаются основные требования к демократическим выборам (ст.32). Они являются свободными, тайными, всеобщими, периодичными, конкурентными, представительными. Избранные народом представители осуществляют политическую власть и управляют страной или регионом.

Выборы становятся одним из важнейших факторов рекрутирования правящей элиты. Однако в обществе все большее беспокойство вызывает то, что при проведении выборов увеличивается количество нарушений закона, в частности Конституции РФ, со стороны обладателей капитала, которые стремятся быть избранными в представительные органы, либо направить туда своих ставленников, активно используя для этого огромные средства на подкуп избирателей, агитационно-пропагандистскую предвыборную кампанию и т. д.

Правительством в последние годы много сделано для стабилизации обстановки

в стране и повышения уровня жизни населения: увеличены пенсии, пособия инвалидам, зарплаты бюджетникам и военнослужащим, которые стали выплачиваться регулярно.

Тем не менее, в таком огромном федеративном государстве, как Российская Федерация, существует явная диспропорция между регионами, их экономическим и социально-политическим уровнями развития. Важнейшими положениями региональной политики современной России являются децентрализация и демократизация власти, передача большего числа полномочий субъектам федерации, повышение влияния населения на принимаемые решения [10, с. 622]. Но при этом функции местным органам власти и самоуправлению нередко передаются без должного финансового и экономического обеспечения. Подлинный федерализм разрушает централизацию управления и монополизацию власти и тем самым в немалой степени способствует усилению гарантий гражданской свободы.

В этом плане особое значение имеет взаимодействие региональных органов власти с институтами и структурными элементами гражданского общества – политическими партиями, общественно-политическими движениями, профсоюзами, кооперативами, самодельными гражданскими ассоциациями любого профиля и др.

Отметим, что многопартийность является объективно необходимым условием прогрессивных преобразований российского общества. Поэтому властные структуры учитывают в своей политической деятельности эту принципиальную особенность многопартийности, и она определяет в конечном итоге эффективность функционирования самой политической власти. Роль партий в политической системе общества чрезвычайно велика, свидетельством чего является выделение партий в отдельную группу общественных объединений посредством принятия в июне 2001 г. закона «О политических партиях» [14, с. 9–21].

В законе четко прописаны принципы создания и деятельности партий: добровольность, равноправие, самоуправление, законность и гласность.

Заслуживает внимания положение закона о взаимоотношениях государства и политических партий. В качестве важнейшего принципа провозглашено невмешательство

государственной власти и должностных лиц в деятельность политических партий, равно как и невмешательство партий в деятельность органов власти. Вопросы, затрагивающие интересы политических партий, предлагается решать органам государственной власти и органам местного самоуправления с участием соответствующих политических партий или по согласованию с ними.

Однако интерес к деятельности и тем более программно-концептуальным жестам партии уменьшается, что вызвано объективными причинами. Среди них, прежде всего, естественный в парламентско-президентской республике политический вес Президента РФ. Закрепляя организацию государственной власти, Конституция РФ в рамках парламентарно-президентской республики учреждает президентскую власть как наиболее приемлемую в условиях геополитического положения России. Президент РФ – не только символ единства нации, но и гарант общественно-политической стабильности, единства и территориальной целостности страны (ст. 80–93). Характерным при этом является развитие парламентской демократии как одного из путей утверждения правовой государственности.

В такой ситуации перед каждой партией стоит вопрос, будет ли она работать с государством рука об руку или, напротив, станет в оппозицию к его курсу. А поскольку курс Президента РФ В. В. Путина пользуется поддержкой большинства населения, он легитимен, выбор политических партий практически предопределен. Пойти на «разрыв» с государственной властью в таких условиях – это значит не только утратить важнейшие ресурсы, которые находятся в ее распоряжении, но и противопоставить себя собственному народу.

Проанализировав предвыборные программы основных избирательных объединений, движений и политических партий, можно отметить, что почти во всех из них говорится о необходимости построения в России гражданского общества и почти ни в одной не сказано, кому и что для этого необходимо сделать. Не дано само определение гражданского общества, механизмов его взаимоотношений с государством. И это не удивительно, потому что наши отечественные ученые и аналитики, политологи и юристы сами до конца не определились с многозначностью данного феномена.

За последние годы в стране образовалось немало организаций, объединений, ассоциаций, центров, союзов, фондов, различных движений, и взаимодействие органов государственной власти с данными институтами – один из важнейших факторов развития гражданского общества в России [11, с. 41].

Все это создает хорошие предпосылки для укрепления позиций гражданского общества на современном этапе. Президент Института проблем гражданского общества М. А. Слободская считает, что за последние годы «намечается сдвиг во взаимоотношениях власти и неправительственных организаций, которые намерены от конфронтации перейти к активной политике сотрудничества с государством на всех уровнях» [3, с. 75].

Становление организационных структур и увеличение потенциала общественных организаций поставили на повестку дня поиск наиболее эффективных форм и методов их взаимодействия с органами власти. Президент РФ акцентирует свое внимание на таких важных направлениях сотрудничества, как привлечение общественности к обсуждению законопроектов, как сочетание государственных и негосударственных форм контроля за деятельностью органов государственной власти.

Сегодня важно взаимное доверие, открытость, прозрачность (транспарентность), скоординированность и подлинное сотрудничество власти и общества. Зачастую, контакты органов власти с общественными объединениями особенно регионального и местного уровня носят конъюнктурный характер, обусловленный, в частности, необходимостью общественной поддержки в избирательных кампаниях. А важнейшие вопросы социально-экономического развития регионов решаются кулуарно, без привлечения общественности.

Неосведомленность населения о существующих в стране гражданских организациях и часто недоверие к ним, отсутствие веры в результативность их деятельности обусловлены несколькими обстоятельствами – прежде всего тем, что в основном эта деятельность носит локальный характер. Действительно, гражданские организации содействуют решению проблем конкретных групп населения в масштабах городов и регионов, а точнее, оказывают помощь конкретным людям, в эти группы входящим. Людей, такой помощи не получивших и вообще с гражданскими орга-

низациями непосредственно не контактировавших, в России, естественно, подавляющее большинство. И в условиях крайней атомизации российского общества, слабости межгрупповых и межрегиональных связей опыт общественных организаций остается за пределами «когнитивных горизонтов массового сознания» [5, с. 16].

Для успешной реализации государственной политики необходим комплекс политико-правовых мер. Огромное значение имеют политико-правовые условия: система законодательных и нормативных актов, контроль за соблюдением законодательной программы, решений съездов, конференций, представительство политических партий в органах власти и управления.

В соответствии с Федеральным Конституционным законом «О Правительстве Российской Федерации» в статье 16, регламентирующей полномочия Правительства РФ в социальной сфере, подчеркивается, что правительство «взаимодействует с общественными объединениями и религиозными организациями». Тем самым функции правительства и его органов по отношению к общественным объединениям и религиозным организациям получают законодательное закрепление. В организационном плане это дает возможность расширить и углубить взаимодействие органов исполнительной власти с общественными объединениями.

Анализ показывает, что взаимодействие органов власти и управления с общественными объединениями вызвано потребностями самой жизни. Оно обусловлено рядом факторов:

– органы государственной власти для своего успешного функционирования нуждаются во взаимодействии с «третьим сектором» в лице общественных организаций и, следовательно, намерены обеспечивать свое влияние на них;

– граждане в качестве налогоплательщиков вправе ожидать от властей помощи в осуществлении своих прав на объединения по интересам. В этой связи общественные организации совершенно обоснованно обращаются в органы государственной власти за содействием в решении их финансовых, материально-технических, организационных и других проблем;

– в перспективе по мере становления гражданского общества государство посте-

пенно должно освободиться от бремени целого ряда социальных обязанностей, которые с успехом общество может осуществлять само на принципах самодеятельности. В этой связи общественные организации – это серьезная опора для властей в проведении ими социальной политики.

Следует отметить, что власть со своей стороны старается создать механизмы обратной связи с обществом. Это и общественные приемные приближенных к ней политических партий, и периодические социологические опросы, ежегодные Послания Президента РФ, регулярные телеконференции главы государства, интервью многочисленным средствам массовой информации, разнообразные круглые столы с участием представителей государства, да и, в конце концов, волеизъявление избирателей на выборах. Но государственные институты не могут «сверху» создать и тем более навязать действенные каналы обратной связи с общественным мнением.

Одним из главных условий развития гражданского общества должна стать активная позиция граждан в современном информационном обществе. Необходимо не просто обратить внимание на волнующие человека проблемы, но и высвободить его потенциал и дать возможность реализации его деловых, интеллектуальных, культурных, благотворительных и иных гражданских инициатив. Чтобы это произошло, необходимы, как минимум, два условия. Во-первых, общественный климат в России должен быть благоприятен для всех форм свободной инициативы граждан, находящихся в правовом поле. Социальная среда должна быть «питательной почвой» для роста «третьего сектора» в России. Во-вторых, избыточные законодательные и административные барьеры, стоящие на пути свободной инициативы, должны быть, наконец, сняты – разумеется, без утраты государством его контрольных функций [1, с. 13–14].

Экономическая реформа в нашей стране идет с большими трудностями, и большинство граждан собственниками себя не ощущают. В ходе реформ пока не сложился средний класс, который должен придавать обществу устойчивость в экономическом и политическом отношениях. В условиях, когда потенциал личности определяет темпы роста экономики и развития общества, недостаточно просто обеспечить выживаемость человека. Да и для раз-

вития самого человека этого становится мало. Поэтому представления о бедности, нишете должны быть пересмотрены [7, с. 28].

Укажем, что часть населения, находящаяся официально ниже уровня бедности (на уровне нишеты), фактически исключена из важнейших социально-экономических процессов: информатизации, социализации, образования, т. е. из процессов развития человеческого потенциала. Именно поэтому проблема бедности и нишеты должна рассматриваться не только формально, в соответствии с мировыми стандартами, но и в связи с потребностями развития России [12, с. 40–41].

Следует учитывать, что социальная структура в стране слабо развита; разнообразные интересы, зачастую, поглощают интерес выживания. Налицо отчуждение граждан от власти и политики. Решение этих задач зависит не только от власти, но во многом и от самих граждан, от их ответственности, зрелости, общественной активности, гражданской позиции.

Из вышеизложенного можно сделать вывод, что проблема взаимодействия власти и общества – ключевая в процессе государственного строительства. В свою очередь, нельзя не учитывать того, что отношения власти и гражданского общества сложны. Текущая ситуация

характеризуется тем, что гражданский сектор нужен власти как легитимация самой власти, как элемент управления социумом. Отношения же гражданского общества к государству иное, оно понимается больше как прямая заинтересованность в институционализации горизонтальных и вертикальных связей.

Развивая систему «власть – гражданское общество», органы власти повышают эффективность осуществления своих властных функций и, вместе с тем, способствуют реализации потенциала свободной личности, ее потребностей в социальном действии. При этом расширяются условия для удовлетворения разнообразных экономических, профессиональных, этнических, региональных, демографических, религиозных и иных интересов граждан, складывается атмосфера доверия и сотрудничества между ними. В совокупности это обеспечивает высокую жизнестойкость государства и общества, усиливает стимулы для саморазвития страны. И власть, и общество заинтересованы в «превентивных шагах», которые предохранили бы их от бесконечного роста противоречий, заложили каналы действенной обратной связи и завязали реальный диалог государства и развивающегося гражданского общества.

Литература

1. Абакумов С. А. Гражданское общество и государство в России: реалии и перспективы развития и взаимодействия // Подберезкин А. И., Абакумов С. А. Гражданское общество и будущее Российского государства: в поиске эффективного алгоритма развития. М.: ООО «Имидж-Пресс», 2004.
2. Абдулатипов Р. Г. Состояние и перспективы российского федерализма: политика, право, экономика // Социально-политический журнал. 1997. № 4.
3. Власть и гражданское общество в современной России: перспективы взаимодействия (круглый стол) // Мировая экономика и международные отношения. 2001. № 12.
4. Галкина Е. В. Концептуальный анализ современных моделей гражданского общества // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 8–1.
5. Дилигенский Г. Г. Существует ли в России гражданское общество? // Поговорим о гражданском обществе. Серия «Хроника социологических наблюдений». М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2001.
6. Зотова З. М. Власть и общество: проблемы взаимодействия / под общ. ред. С. А. Попова. М.: ИКФ «Омега-Л», 2001.
7. Казанцев В. О. Приоритетные национальные проекты и новая идеология для России. М.: Вagrius, 2007.
8. Конституция Российской Федерации: принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г. // Российская газета. 1993. 25 декабря.
9. Койбаев Б. Г. Некоммерческие организации: новые политические реалии // Проблемы всеобщей истории и политологии: сборник научных трудов. Северо-Осетинский государственный университет. Владикавказ: СОГУ, 2014.

10. Койбаев Б. Г. Проблема выравнивания уровня бюджетной обеспеченности муниципальных образований и субъектов Российской Федерации как фактор устойчивого социально-экономического развития региона // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова. 2014. № 4.
11. Койбаев Б. Г., Бязров А. В. Проблемы взаимодействия политических элит с общественными организациями в России // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова. 2011. № 2.
12. Образование и гражданское общество в Российской Федерации. Материалы конференции. Москва 24–26 ноября 2006 г. Институт проблем образовательной политики. М.: Эврика, 2006.
13. Путин В. В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации (5 декабря 2014. г.) // Официальный сайт Президента России [Электронный ресурс]. URL: www.kremlin.ru. (Дата обращения: 28.05.2015).
14. Федеральный закон Российской Федерации «О политических партиях» // Юридический вестник (приложение). 2001. № 15.

УДК 336.07

Г. В. Станкевич, Е. В. Касевич

ПОНЯТИЕ ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ: ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ

В статье рассматриваются основные теоретические подходы к понятию финансового контроля. Комплексный анализ данной категории позволяет выявить особенности понимания

данного института финансового права в юридической науке.

Ключевые слова: финансы, финансовая деятельность, финансовый контроль.

G. V. Stankevich, E. V. Kasevich

FINANCIAL CONTROL: THEORETICAL APPROACHES

The article discusses the main theoretical approaches to the concept of financial control. A comprehensive analysis of this category gives insight into the given institution of financial law in jurisprudence.

Key words: finance, operations, financial control.

В финансовом праве существуют определенные понятия и категории, которые не определены нормативно, а, следовательно, создается достаточно широкое поле для возможных дискуссий по поводу их юридического содержания, структуры. К такой категории и относится «финансовый контроль». Не совсем удачное обозначение бюджетного контроля как государственного финансового контроля в Бюджетном кодексе РФ не разрешает проблему, а только ее усиливает. Сразу определимся, что обозначать только бюджетный контроль в качестве государственного финансового контроля неверно, поскольку второе понятие намного шире и включает также налоговый контроль, контроль за денежным обра-

щением, валютный контроль. Таким образом, теоретическое осмысление понятие «финансовый контроль» по-прежнему актуально, не смотря на все законодательные изменения в данной сфере правового регулирования.

Управление государственными финансами путем их централизованной аккумуляции и перераспределения требуют наличия эффективной системы финансового контроля, которая обеспечит законность финансовой деятельности государства. Контроль, по сути, есть обязательная составляющая процесса управления. Правовая природа того или иного вида контроля определяется характером тех общественных отношений, которые складываются в соответствующей сфере го-

сударственного управления. Выполнение решений государственного управления так или иначе обуславливает контроль над финансовыми потоками.

Централизованность управления объективно требует функционирования единой системы государственного финансового контроля, которая, на основе общих принципов контроля и иерархической структуры контрольных органов, гарантирует законность и единство контроля бюджетной системы любого государства и позволит соотнести эффективность и экономичность использования государственных финансов.

Контроль можно рассматривать в следующих аспектах – организационном, методическом, техническом:

– организационный контроль позволяет выбрать формы контроля, состав его субъектов и объектов;

– методический контроль представляет собой методы совершения контрольных действий;

– технический контроль – это система приемов анализа документов и операций.

Финансовый контроль, на первый взгляд, следует воспринимать как вид финансовой деятельности государства. Финансовая деятельность государства с содержательной составляющей включает различные функции, которые действуют в таких сферах, как образование, распределение и использование государственных денежных фондов. Финансовый контроль есть составляющая каждой из них. Это закономерность, так как финансам, которые несут в себе и экономическую составляющую характерна не только распределительная, но и контрольная функция. Государство аккумулирует, распределяет и использует денежные средства для финансирования своих функций, а эффективность выполнения задач и функций государства преимущественно зависит от эффективного и спланированного финансового контроля за финансовой деятельностью его органов. В связи с этим расходование государством финансов для финансирования задач и функций объективно предполагает осуществление на их основе контроля за процессом выполнения задач.

Необходимо ясное понимание того, что финансовый контроль состоит из непосредственно контрольно-ревизионной работы и оперативного, адекватного реагирования на

выявленные финансовые нарушения. Поэтому изучение и осмысление института финансового контроля, является достаточно своевременным и актуальным, особенно в условиях проводимых реформ в финансово-контрольной сфере. Сейчас усилено внимание к правовому регулированию общественных отношений в области государственного финансового контроля и надзора, организации работы органов, осуществляющих финансовый контроль и надзор. В результате проведенных реформ в Российской Федерации обновлен механизм финансового контроля и создана система органов финансового контроля на уровне субъектов федерации.

И. А. Белобжецкий справедливо отмечал, что «в реальной действительности нет «контроля вообще», а есть контроль конкретного содержания и конкретных форм» [4, с. 1900].

Так как контроль – неотъемлемая часть процесса управления, государство вынуждено обеспечивать финансовую основу своей жизнедеятельности, создавая адекватную систему финансового контроля. Функционирование финансового контроля объективно обусловлено тем, что финансы как экономическая категория выполняет не только распределительную, но и контрольную функции. Исходя из этого постулата и используя финансы для выполнения возложенных задач, государство, вынуждено прибегать к механизму контроля за ходом выполнения этих задач. Формирование системы финансового контроля имеет цель обеспечить реализацию права государства правовыми средствами удовлетворять свои финансовые интересы и финансовые интересы граждан, создавая и обеспечивая баланс публичного и частного интересов в финансовой сфере.

Под финансовым контролем было принято понимать деятельность по наблюдению за полнотой поступления государственных доходов и проверки учетных записей, но в последнее время понятие финансового контроля в этом контексте стало толковаться более широко [2, с. 15].

На современном этапе понимание финансового контроля отличается разноплановостью целей и разнообразием выполняемых задач. На настоящий момент финансовый контроль – это не только проверка правильности ведения финансово-отчетной документации,

выполнения требования финансового законодательства, выявление и пресечение нарушений финансовой дисциплины. Это одна из фундаментальных функций управления финансовыми, а через них и процессами, имеющими специальную целевую направленность.

Финансовый контроль – это разновидность контроля, выделяемая по отраслевому признаку. Внешними пределами использования финансового контроля являются пределы всей финансовой сферы.

Финансовый контроль – это составная часть единого механизма государственного контроля. Финансовый контроль осуществляется всей системой органов власти и управления, в том числе специально созданными контрольными органами при участии общественных организаций, трудовых коллективов и граждан в установленном законом порядке.

Значение финансового контроля проявляется в том, что в его рамках проверяются как выполнение в рамках финансовой деятельности установленной финансовой дисциплины публичными и частными субъектами, так и экономическая эффективность и целесообразность совершаемых действий, их соотношение с задачами государства.

Институт финансового контроля неоднократно становился предметом научного анализа представителями юридических и экономических наук. Так, по мнению Н. С. Малеина, финансовый контроль – это урегулированная нормами права деятельность органов и организаций, цель которой – обеспечение финансовой, бюджетной, кредитной, расчетной и кассовой дисциплины в процессе выполнения планов и выражающаяся в проверке законности, обоснованности рациональности денежных затрат [6, с. 103]. Данное определение отражает принципы плановой экономики, поэтому на современном этапе правового регулирования финансовых отношений сформировался новый подход к содержанию института государственного финансового контроля, отражающий реалии экономического и развития государства.

Первоосновой для формирования новых представлений о финансовом контроле стало признание положения о том, что существование института финансового контроля определяется сутью финансов как совокупности экономических отношений по образованию, аккумулярованию и использованию

централизованных и децентрализованных фондов денежных средств [4, с. 1900].

Н. И. Химичева и А. Л. Апель трактуют финансовый контроль как надзор за правомерностью действий в сфере образования и использования финансовых средств государства и органов местного самоуправления в целях эффективного развития страны и отдельных регионов [9, с. 18]. Е. Ю. Грачева, Э. Д. Соколова, В. В. Бурцев акцентируют внимание на таких элементах финансового контроля, как субъекты, полагая, что финансовый контроль – это урегулированная нормами права деятельность государственных, муниципальных, общественных и иных хозяйствующих субъектов по проверке финансового планирования, обоснованности поступления доходов в соответствующие фонды денежных средств, законности и целесообразности их использования [6, с. 34]. Более полное и содержательное понятие финансового контроля предлагает С. О. Шохин, понимая его как совокупность институтов, инструментов и способов по проверке законности и целесообразности действий в области образования, распределения и использования фондов денежных средств, одну из форм государственного контроля [9, с. 4].

Понимание финансового контроля как вида государственного контроля характерно для всех работ С. О. Шохина [9, с. 3–5], который исключает из субъектов, наделенных полномочиями по осуществлению финансового контроля, тех, которые не являются представителями государства, что идет в противоречие нормам российского законодательства и самой действительности. Разновидностью государственного контроля можно, на наш взгляд, признать только одно из направлений финансового контроля – государственный финансовый контроль, но это утверждение нельзя распространять на весь институт финансового контроля. На наш же взгляд, это совершенно безосновательно, так как нельзя ассоциировать понятие «государственный контроль» только лишь с лицами, наделенными государственно-властными полномочиями. Данная позиция характерна для узковедомственного понижения финансового контроля.

В финансово-правовой науке, кроме понятия финансовый контроль, встречаются и такие как «контроль за финансами», «кон-

троль соблюдения финансового законодательства», «контроль за финансовой дисциплиной» и т. д. Из них близкими понятиями являются «финансовый контроль» и «контроль за финансами», но на практике они по объему и значению не совпадают. Так, понятия «контроль за финансами» и «контроль» рассматриваются как особый вид деятельности. Однако финансовый контроль по своему содержанию видится как вид контрольного процесса. Следует отметить, что мероприятия финансового контроля по сравнению с финансово-контрольной деятельностью, способны функционировать не только в финансовой, но и в других сферах деятельности, в ситуации необходимости достижения цели и задач финансового контроля, однако многие авторы, раскрывая понятие финансовый контроль не относят его к особому процессу.

Из рассмотренных нами подходов только позиция Н. Д. Погосьяна соотносит понятие «процесс» относительно финансового контроля [5, с. 108–109].

На наш взгляд является спорной точка зрения, в рамках которой финансовый контроль трактуется в виде формы реализации контрольной функции финансов или как функция по управлению финансовыми отношениями.

Первую точку зрения отстаивают В. М. Родионова и В. М. Шлейников [7, с. 16], а вторую – Ю. А. Данилевский [3, с. 18.].

Относительно толкования финансового контроля как отрасли науки, то с этим подходом следует согласиться, но с оговоркой: в этом понимании логичнее применять словосочетание «теория финансового контроля».

Некоторые ученые скептически относятся к пониманию финансового контроля как вида контроля. По их мнению, финансовый контроль надо соотносить:

- со стоимостным контролем;
- с разновидностью государственного контроля;
- с разновидностью надзора.

Финансовый и стоимостный контроль как тождество рассматривают М. В. Романовский, О. В. Врублевская и Б. М. Сабанти в учебнике «Финансы» [8, с. 104–105]. На наш взгляд, основным недостатком данного подхода является необоснованная попытка сузить сферу применения финансового контроля рамками контроля стоимости.

На основе проведенного анализа можно утверждать, что финансовый контроль:

1) осуществляется исключительно в рамках финансовых отношений, возникающих при аккумулировании, распределении и использовании централизованных и децентрализованных фондов денежных средств;

2) это предусмотренная законодательством деятельность органов государственной (муниципальной) власти и управления по выявлению, предупреждению и пресечению:

- ошибок и злоупотреблений в управлении государственными (муниципальными) денежными и материальными ресурсами (капиталами), используемыми в хозяйственной деятельности и отчуждаемыми нематериальными объектами государственной (муниципальной) собственности, а также государственными (муниципальными) имущественными правами, влекущих прямой или косвенный финансовый и/или материальный ущерб государству (муниципалитету);

- несоблюдения финансового, в том числе бюджетного, законодательства;

- недостатков в организации систем управления (включая внутренний контроль) финансово-хозяйственной деятельностью государственных (муниципальных) организаций (в том числе бюджетных учреждений) и их объединений, организаций с государственным (муниципальным) участием или особо связанных с деятельностью государства (муниципалитета);

- угроз финансовой безопасности государства (органов местного самоуправления).

В качестве объекта финансового контроля следует рассматривать денежные, распорядительные процессы при формировании и использовании финансов на всех уровнях бюджетной системы государства. Такие финансовые (стоимостные) показатели, как прибыль, доходы, налоги, отчисления во внебюджетные фонды следует определить, как непосредственный предмет финансово-контрольных мероприятий. В силу синтетического характера указанных показателей контроль за их выполнением, динамикой охватывает все стороны производственно-хозяйственной деятельности субъектов хозяйствования, а также механизм финансово-кредитных взаимосвязей.

По нашему мнению, преимущество все операции, совершаемые с использованием денег, образуют сферу финансового контроля.

Однако при совпадении предмета проверки и анализа институту финансового контроля характерна специфическая оценка их состояния, исходя из их назначения. Например, при проведении финансово-контрольных мероприятий эффективности управления предприятиями, а именно банками, аудиторы оценивают размеры созданных резервов, что имеет непосредственно отношение к конечному значению налогооблагаемого объекта.

В качестве основных задач финансового контроля следует указать:

- обеспечение сбалансированности потребности в финансовых ресурсах и размером доходов бюджетов государства;
- содействие выполнению финансовых обязательств перед государством;
- раскрытие внутрихозяйственных возможностей увеличения финансовых ресурсов, включая снижение себестоимости и рост рентабельности;
- создание условий для целесообразного расходования материальных ценностей и денежных ресурсов хозяйствующими субъектами, а также грамотному ведению бухгалтерского учета и отчетности;
- обеспечение финансовой дисциплины в области налогообложения хозяйствующих субъектов и т.д. [11, с.10–16].

На наш взгляд, целью финансового контроля является достижение законности, целесообразности и эффективности распорядительных и исполнительных действий:

- по управлению (включая стадии планирования, формирования, распределения и использования) государственными (муниципальными) финансовыми и материальными (материальными продуктами человеческой деятельности, природными видами собственности) ресурсами, нематериальными объектами государственной (муниципальной) собственности и государственными (муниципальными) имущественными правами (там, где такое управление опосредствуется финансовыми отношениями, например, образование финансовых ресурсов в процессе распоряжения материальными и нематериальными объектами, имущественными правами);

- обеспечению их сохранности и приумножения для выполнения функций государства (муниципалитета), а также созданию всех условий для этого;

- обеспечению законности и оптимальности (в свете государственной политики) функционирования различных звеньев финансово-хозяйственной системы государства;

- обеспечению финансовой безопасности государства (муниципалитета).

При этом следует учитывать, что объект финансового контроля не ограничивается проверкой только денежных средств. В конечном итоге он включает в себя контроль за использованием материальных, трудовых, природных и иных ресурсов страны, поскольку в современных условиях процесс производства и распределения опосредствуется исключительно денежными отношениями.

Литература

1. Арабян К. К. Единая концепция финансового контроля в Российской Федерации // Аудитор. 2014. № 2.
2. Горбунова О. Н. Финансовое право. М.: Юнити-Дана, 2001.
3. Данилевский Ю. А. Финансовый контроль в СССР и пути его совершенствования. М.: ЮНИТИ, 1989.
4. Касевич Е. В., Станкевич Г. В. Контрольно-счетные органы субъектов в системе государственного финансового контроля РФ // Право и политика. 2008. № 8.
5. Погосян Н. Д. Счетная палата Российской Федерации. М.: Юрист, 1998.
6. Правовое регулирование финансового контроля в Российской Федерации: проблемы и перспективы: монография / Л. Л. Арзуманова, О. В. Болтинова, О. Ю. Бубнова и др.; отв. ред. Е. Ю. Грачева. М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2013. 384 с.
7. Родионова В. М., Шлейников В. И. Финансовый контроль: Учебник. М.: ФБК- Пресс, 2002.
8. Финансы: учебник для вузов / под ред. М. В. Романовского, О. В. Врублевской, Б. М. Сабанти. М.: Перспектива, 2000.
9. Химичева Н. И., Покачалова Е. В. Финансовое право / отв. ред. Н. И. Химичева. М.: Норма, 2005.
10. Шохин С. О. Финансовое право – время перемен // Финансовое право. 2014. № 2.
11. Ялбулганов А. А. Новый категориальный аппарат государственного финансового контроля // Финансовое право. 2014. № 8.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 81.373-11

С. Н. Бредихин

ГЕРМЕНЕВТИКО-НОЭМАТИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ЗВУКОВОГО СОСТАВА ЛЕКСЕМ

В статье рассматриваются возможности ноэматической структуризации звуковых комплексов в рамках фоносемантики и постулируется их прямая зависимость от лингвокультурного кода разноструктурных языков, а также дается описание отдельных квантов глу-

бинного ноэматического содержания фонем на примере русской лингвокультуры.

Ключевые слова: ноэматическая иерархия, фоносемантика, константы смыслопорождения, психолингвистика, функциональный смысл.

S. N. Bredikhin

HERMENEUTIC-NOEMATIC DEPENDENCY OF LEXEME SOUND COMPOSITION

The article deals with potentialities of noematic structuring of sound complexes within the frame of phonosemantics; it claims their direct dependence on linguoculture code of heterostructured languages. The article describes certain

quanta of underlying noematic phoneme content with the reference to Russian linguoculture.

Key words: noematic hierarchy, phonosemantics, sense-derivation constants, psycholinguistics, functional sense.

В данной статье мы попытаемся немного приблизиться к пониманию теории ноэматической обоснованности звуковой формы слова. В настоящее время её в аспекте простой психологической обусловленности звуковой формы семантическими особенностями разделяют некоторые учёные (А. Б. Михалёв), пропагандируя при этом её универсальность и рассматривая в рамках фоносемантического поля. Другие же считают её недостаточно обоснованной либо опирающейся на факты лишь одного языка или одной языковой семьи. По нашему мнению, неверной является как одна, так и другая точка зрения.

вой реальности). А так как мы не постулируем эту модель как теорию, то предполагаем дальнейшую разработку и проверку её на различных феноменах языковой действительности.

Однако проверку следует осуществлять на материале одного или нескольких близкородственных языков по причине обусловленности смыслопорождения некоторыми константами, среди которых и константы фоновых знаний, ситуативности, субъективности и т. д., которые, безусловно, относятся к сфере лингвокультурного и несут на себе печать восприятия внешними факторами (менталитетом; условиями территориальности и временной ограниченности существования языковой общности, в которой и развиваются сугубо конкретные инварианты восприятия тех или иных звуков и звуковых сочетаний).

Заметим, что мы не претендуем на заведомо априорную теоретичность данной модели, а лишь представляем её как одну из гипотез, пытающихся объяснить некоторые закономерности в области взаимоотношений и взаимосвязей звуковой формы и внутреннего содержания (в нашем случае именно смысла лексемы, как первичной по отношению к значению категории в порождаемой тексто-

По традиции назовём феномен приписывания некоторых скрытых обертонов смысла (вполне возможно осуществляемый подсознательно на уровне только ноэматической рефлексии) «моделью структурной семантики слова», однако на наш взгляд это не пол-

ностью соответствует действительности ведь термин «схема действования по структурированию нозматической иерархии» гораздо более полно отражает суть процесса.

Структурная нозматика звуковой формы, как и морфологического этимологического переразложения, обнаруживается в глубинных структурах языковой системы.

Наиболее яркие и показательные характерологические признаки отдельных языков можно привести последовательным списком:

- прежде всего это сам принцип формирования композитов в широком смысле этого слова, что только подтверждает постулат о самостоятельной нозматической структуре каждого из морфологических элементов подобного сложного слова или его синтагмы;

- особый статус некоторых сочетаний звуков, несущих формообразующий потенциал, в структуре полнозначных лексем – использование определенных сочетаний фонем для передачи морфологических значений и особых обертонов в зависимости от семантики формоизменяемой лексемы (ещё нагляднее это прослеживается на материале языков агглютинативного строя);

- безусловным доказательством будет служить и явление преломления (*Brechung*) или аблаута в германских, как современных, так и древних, языках с сохранением основного набора иерархически структурированных нозм и последовательным изменением периферийных нозм для включения новых смысловых обертонов. При этом подобный процесс и в языках другой структуры не является случайным, например, в славянских языках (бог – боже, рог – рожок), замена звукового состава происходит в случае сближенной нозматики фонологического состава;

- приписывание конкретного набора семантических характеристик и более расширенного нозматического набора определенным звуковым комплексам (в основном, служебным лексемам – предлогам, частицам и т. п.), имеющим признак традиционализма, данные сочетания фонем не случайно получают именно такое нозматическое наполнение, оно актуализируется в речи и закрепляется в языке по принципу аналогии с таковыми же наборами аффиксальных смыслов, например, *OK, in, on* – в английском; *в, на, за* – в русском и т. д.;

- явление дихотомии языковых единиц, здесь прежде всего нас интересует дихо-

томия на фонетическом уровне, так называемые звуки с примарной смыслоопределяющей единичной оппозицией, например по глухости/звонкости *д-т, ж-ш*, или передне-/заднеязычности *а-я, ы-и* и т. д. При допущении звукосемантики и имманентном потенциальном содержании нозмной структуры в звуке существование подобных пар вполне логично объясняется сходством их нозмного состава, ведь в речи они могут часто замешаться без четкого разграничения и потерь в смысловой иерархии, что происходит как в результате индивидуальных особенностей произношения, так и в результате минимальных различий в языковых системах родственных языков, например: *пиво* – в украинском прочтении **п`ыво**;

- явления присвоения и утилизации фоновых знаний чуждой лингвокультуры, переосмысление и повторная актуализация нозм при заимствовании лексем с изменением фонетической структуры слова, в котором проявляются не только давление языкового строя принимающей лингвокультуры, но и уточняются фоновые знания об объективной реальности. Модификация и трансформация заимствования не только ассимилируется в новом синтаксисе, но и связывается с этноспецифическим пониманием характерологических признаков называемого феномена в контексте исторического развития, появляются новые обертона и нозмы концептуализации в структуре лексемы. Например, *мать* – *Mutter* – *Mother*. В немецком *Mutter* проявляет, по отношению к слову «мать» в славянской лингвокультуре, качество более «активной регламентации взаимоотношений» в семье (функция словообразующего суффикса с нозматикой некоего активного деятеля мужского рода **er** – несмотря на то, что в данном случае *er* не является суффиксом). В то время как английское *Mother* реализует в рамках отношений регламентации нозму установления связей с сохранением традиционалистских родовых отношений. Подобная модификация и нозматическая адаптация исконного индоевропейского корня (*mbtr*) подчеркивает различные свойства менталитета и традиций в конкретных лингвокультурах, ведь «лишь ядерная зона нозм-доминант и нозм-лингвокультурных-основ отвечает за выведение значения в узуальном употреблении конструкта, периферийные же области чаще всего не участвуют в образовании значения и представля-

ют и представляют собой сферу творимости, а не закрепления» [1].

Таким образом, мы сталкиваемся с одним из интереснейших явлений, ранее не описанных, что открывает новые возможности для исследования – лингвокультурной концепцией смыслопостроения и смыслопорождения, начиная с мельчайших единиц («звукобукв») далее переходя к слову – фразовому единству – и наконец, к тексту (дискурсу). «Адаптация как нозматическая/семантическая, так и морфологическая», а в нашем случае наряду с ней и фонетическая, «заимствованных понятий в системе рефлексивной реальности принимающей лингвокультуры и системе принимающего языка является многоплановым процессом, имеющим развернутую поэтапную структуру, охватывающую как процесс внешней адаптации морфемной структуры, а соответственно и включение заимствованного слова в систему грамматических категорий принимающего языка, так и внутренние адаптивные механизмы, происходящие в соответствии с моделями трансформации суперструктуры смысла» [1];

– именно этноспецифическое лингвокультурное наполнение нозматической структуры позволяет одному и тому же звуковому комплексу выражать в разноструктурных языках иногда абсолютно противоположный смысл, с закрепленным в языке конкретным значением, приведем расхожий пример фонокомплекса *яма* в русском языке и *山(やま)* – *yama*. Данный полиморфизм присущ глубинной нозматической структуре звука и является базой структурных семантических различий;

– другим феноменом, говорящим в пользу нозмного наполнения звукового состава лексических единиц языка, является контекстная зависимость или константа ситуативности употребления той или иной речевой единицы, ведь в каждом речевом акте проявляется именно функциональный смысл, например в сочетаниях *grüner Wein* (зеленое вино) и *grünes Öl* (зеленое масло (хим.) *Leinöl-Braunstein-Bleiglätte-Gemisch zur Asphaltlackherstellung*) именно определяемые существительные по сути образуют функциональное поле и определяют нозматическое ядерное наполнение структуры смысла компонента *грп*. Очевидно, что нозматика звукокомплексов должна иметь только функционально обусловленную контекстуальную природу.

Структурная нозматика в семантическом пространстве лексем дает возможность понимания внутреннего наполнения атрибутки именуемого феномена «Господь Бог образовал из земли всех животных полевых и птиц небесных, и привел к человеку... И нарек человек имена всем скотам и птицам небесным и всем зверям полевым...» [2, с. 19; 20].

Приведём некоторые варианты нозматической интерпретации звукового состава в частности русского алфавита.

Значение букв алфавита и соответствующих им звукокомплексов, по Галине Николаевне Ивановой-Лукьяновой с некоторой переработкой:

А – всё, объединять, общий.

Б – нести, большой, великий.

В – вести, наполнение, веяние, полный.

Г – путь, идти.

Д – делать, деяние.

Е – длительность, длиться, протяжённый.

Ё – сжатость, настороженность, проникать.

Ж – излучение, излучать.

З – здоровый, хороший, истинный, звонкий.

И – конкретика, локализовать, ограниченный.

Й – точка.

К – индивидуальность.

Л – любовь.

М – рождение – смерть.

Н – наличие.

О – развитие, совершенствование в ограниченной области.

П – пауза, споткнуться.

Р – огонь, развиваться, твёрдый.

С – плавность, спокойствие.

Т – твёрдость, крепость, жёсткость, сила, опора.

У – тревога, всепроницаемость, беззащитность, открытость.

Ф – вспышка, раздражение, недовольство.

Х – эго.

Ц – чёткость, отрывистость.

Ч – энергия, наполненность.

Ш – осторожность.

Щ – обострённость.

Ъ – подчёркивание, обострение, усиление.

Ы – пространство, наполнение.

Ь – приземлённость.

Э – владение, собственность.

Ю – движение, темперамент.

Я – отдача, излучение [4, с. 139].

Приведённые глубинные значения фонем русского языка – это всего лишь видение, субъективное ощущение. Данные глубинные нозмы в иерархической структуре многомерного смысла лексемы как целого требуют различения ядра и периферии, устойчивости и постоянной творимости их элементов.

У каждого конкретного индивидуума для звуков и их графических соответствий могут возникать свои собственные нозмы и ассоциативные комплексы. В этом наше психологическое (и физиологическое) своеобразие, в этом проявляются константы интенциональности, фоновых знаний, модальности и субъективности.

На основе глубинных значений звукокомплексов может быть проведена диагностика психического и интеллектуального состояния, и в рамках ассоциативных комплексов, и в аспекте частотности употребления звуков, но это уже удел психологов в их совместной работе с психолингвистами.

Подчеркнём ещё раз, что вибрационные основы фонетики языка в рамках возможностей построения нозматических структур взаимосвязаны с психологическим образом нации, народности. Также интересен момент отличия озвучивания букв в зависимости от их

сочетания и даже их произношения. Предположительно, что генотипу человека должен соответствовать определённый набор вибраций (в том числе и голосовых), гармонизирующий его структуры отсюда и очевидная психофизическая зависимость звукоформантов и нозматических характеристик того или иного комплекса ведь по меткому изречению В. фон Гумбольдта, «каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, откуда человеку дано выйти лишь постольку, поскольку он тут же вступает в круг другого языка» [3, с. 80]. Некоторые отклонения и выход за рамки гипотетического оптимального равновесия обуславливаются различными объективными экстралингвистическими (географическими, социальными) и внутриязыковыми (тип языка, нормированность системы, традициональность) факторами.

Литература

1. Бредихин С. Н., Сидоренко С. Г. Нозматическая и семантическая адаптация английских заимствований в современном русском языке // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1. [Электронный ресурс]. URL: <http://science-education.ru/121-17525> (Дата обращения: 12.08.2015).
2. Ветхий завет. Бытие. [Электронный ресурс]. URL: http://www.darkmag.ru/vethii_zavet.htm (Дата обращения: 12.08.2015).
3. Гумбольдт Вильгельм фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984.
4. Иванова-Лукьянова Г. Н. О восприятии звуков // Развитие фонетики современного русского языка. М.: Наука, 1966.
5. Михалёв А. Б. Семантическая производность индоевропейских звукоизобразительных корней // Вестник ПГЛУ. 2012. № 1.
6. Mikhalyov A. B. Phonosemantic Space as a Language Universal // 12-th World Congress of Applied Linguistics. AILA. Tokyo, 1999.

УДК 81'373.2

Е. А. Луговая

МИФОПОЭТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЖАНРА «FANTASY»

Статья посвящена исследованию культурно-исторических и этнолингвистических аспектов исследования произведений жанра «fantasy», транслирующих образы и сюжеты кельтской, греческой и римской мифологии.

Ключевые слова: жанр «fantasy», мифопоэтическая система, архетип, мифологема.

E. A. Lugovaya

MYTHOPOETIC FOUNDATION IN WORKS OF «FANTASY» GENRE

The article examines cultural, historic and ethno-linguistic aspects in works of «fantasy» genre, conveying images and stories of Celtic, Greek and Roman mythology.

Key words: «fantasy» genre, mythopoetic system, archetype, mythologeme.

Одной из специфических особенностей литературного процесса конца XX – начала XXI века является жанровая нестабильность, кризис традиционных, «канонических» жанров и появление метажанровых структуры, соответствующие динамическому характеру времени. Метажанр преодолевает литературно-формальные и родовые привязанности традиционного жанра, демонстрирует тесную, неразрывную связь метажанра с культурой той или иной эпохи – важнейший его признак, что и проявляется в литературе «fantasy», метажанре, где автор выступает в роли творца виртуальной реальности и создает особый мир со своей историей, культурой и этносами, говорящими на различных вымышленных языках. Подобное художественное творчество относят к сравнительно новым литературным жанрам – научной фантастике и «fantasy». Жанр «fantasy» привлекает писателей в первую очередь тем, что дает огромную свободу авторской фантазии и позволяет ввести в повествование порою самые невозможные элементы.

Предметом нашего исследования является рассмотрение мифопоэтических оснований жанра, а именно выявление образов европейской мифологии в произведениях «Лев, ведьма и платяной шкаф» К. С. Льюиса, «Властелин Колец» Дж. Р. Р. Толкиена и «Волшебник Земноморья» У. ле Гуин. Выбор

именно этих авторов объясняется не только общностью мировоззренческих установок (К. С. Льюис и Дж. Р. Р. Толкиен являлись близкими друзьями и наиболее значимыми представителями Оксфордской литературной группы «Инклингов», оба увлекались христианской антропологией, серьезно исследовали мифологию, а У. ле Гуин считает себя ученицей Дж. Р. Р. Толкиена), но и значительным влиянием мифологических сюжетов и образов на их творчество.

Мифопоэтическая система К. С. Льюиса, Дж. Р. Р. Толкиена и У. ле Гуин во многом опирается на кельтскую мифологию, наиболее созвучную лингвокультуре авторов. Миф ошутим на всех уровнях эпопей «Хроники Нарнии», «Властелин Колец» и цикла о Земноморье. На уровне сюжета использован древнейший образец путешествия-поиска (*quest*). Сюжеты и мотивы, не связанные напрямую с мифологией, становятся мифологемами (в частности все произведения объединяет мифологема «путь», реализуемая лексемами 'way', 'road', 'journey'). Архетипическая и мифологическая природа многих образов совершенно очевидна: двойственность архетипов выражается в наличии пар положительных и отрицательных персонажей (в «Хрониках Нарнии» это Эдмунд – Питер, Аслан – Белая Королева, во «Властелине Колец» это пары Гэндальф – Саруман и Галадриэль – Шелоб,

в «Волшебнике Земноморья» это Гед – Тень, Техану – Бендереск и другие).

Мифологические персонажи Льюиса (помощники Белой Королевы *Cruels and Hags and Incubuses, Wraiths, Horrors, Efreets, Sprites, Orknies, Wooses, and Ettins*), Толкиена (положительные *Elves, Hobbits, Dwarfs* и отрицательные *Orks, Nazgul*) генетически восходят к кельтским нижним божествам – сидам, которые зачастую являются предсказателями или предвестниками надвигающегося события. Мир сидов в кельтском эпосе существует параллельно с миром людей. Сиды бывают существами мужского и женского пола; в зависимости от настроения они могут быть людям врагами или друзьями. Сиды принадлежат к иному миру, и этот мир содержит в себе вечность, интерпретируемую у кельтов «как одно бесконечное теперь» [1, с. 190].

Из ирландской мифологии Толкиен заимствует образ Диана Кехта, врачевателя, который возвращал жизнь убитым в битве с фоморами, демоническими существами, ассоциирующимися с потусторонним миром. Основным источником, выявляющим данный образ кельтской мифологии, можно считать перевод текста Харлейского манускрипта «Вторая битва при Мойтуре» [2, с. 84]. В тексте «Властелина Колец» Арагорн, истинный Государь, является в Гондор в роли целителя, спасающего тяжелобольных воинов. Его приход был предсказан старой жительницей, которая, видя умирающего хоббита Пина, в отчаянии воскликнула: *Would that there were kings in Gondor, as there were once upon a time, they say! For it is said in old lore: The hands of the king are the hands of a healer. And so the rightful king could ever be known.* [8, p.84]. – *Ах, если бы Государь воротился к нам в Гондор – были же когда-то у нас Государи! Есть ведь старинное речение: «В руках Государя целебная сила». Так и распознается истинный Государь* (Перевод В. Муравьева, А. Кистяковского) [5, с. 52]. Этой же способностью обладает Гед-Ястреб в «Волшебнике Земноморья» У. ле Гуин с тем отличием, что он – маг, творящий исцеление силой заклинания, словом, обладающим магическим действием, о чем сказано в «Сотворении Эа» – эпитафии цикла сказаний о Земноморье: *Only in silence the word, only in dark the light, only in dying life: bright the hawk's flight on the empty sky* [9, p.4]. – *В молчании – слово, а свет – лишь во тьме;*

и жизнь после смерти проносится быстро, Как ястреб, что мчится по сини небесной, пустынной, бескрайней... (Перевод И. Тогоевой) [3].

Потенциальная символика имени собственного разворачивает весь текст исследуемых произведений в символ – сложный знак, сущность которого проявляется в способности через минимальную форму являть бесконечное и многозначное содержание. Именно европейской мифологии обязаны своим появлением вымышленные миры Средиземья, Земноморья, Нарнии, которые подчинены законам Равновесия, принципиальному противоборству сил Добра и Зла. Интересно отметить, что в каждом произведении присутствует символика чисел, которая также позволяет исследовать имена собственные: три – семь – девять – один используются в произведениях Дж. Р. Р. Толкиена при описании Колец – центрального символа эпопеи, что поведено автором в эпитафии к «Властелину Колец»:

*Three Rings for the Elven-kings under the sky,
Seven for the Dwarf-lords in their halls of stone,
Nine for Mortal Men doomed to die,
One for the Dark Lord on his dark throne
In the Land of Mordor where the Shadows lie.
One Ring to rule them all, One Ring to find them
One Ring to bring them all and in the darkness bind them
In the Land of Mordor where the Shadows lie* [8, p.3].

*Три – эльфийским Владыкам в подземный предел;
Семь – для гномов, царящих в подгорном просторе;
Девять – смертным, чей выверен срок и удел;
И одно Властелину на черном престоле...* [5, с. 4].

Одно из важных свойств Кольца – спектральность, тяготение к расслоению (у Толкиена 20 колец: три эльфийских, семь колец гномов, девять для людей и одно Кольцо Всевластья). Все кольца были выкованы в Мордоре и имели магические свойства: о кольцах гномов нам почти ничего не известно, лишь число семь, имеющее магический смысл, дает выход в общекультурный контекст, где 7 – число Бога. Каждое кольцо имеет свое название и символическую цветовую окраску, что раскрывает новые грани толкования образа.

Девять Колец, данные людям Средиземья, превратили их в назгулов – прислужников Саурана (от «гул» – «колдовство, злые чары»). Толкиен дает им многочисленные имена и названия: черные всадники, крылатые вестники, кольценосцы, улайры (от эльфийского (синдарин) – «не-свет, тьма»). Мотивированность этих названий для Толкиена

обязательна и раскрывает различные грани Колец, власть которых настолько сильна, что подавляет и поработывает их хозяев, делая их слугами Черного Властелина.

Наиболее загадочные – Три Кольца Эльфов и Кольцо Всевластья. Три Кольца Эльфов были выкованы ранее других Келебримбором, и в отличие от остальных колец они не попали в руки Саурона. По замыслу создателя, они заключают в себе силу трех стихий – ОГНЯ, ВОЗДУХА и ВОДЫ. Характеристики колец даются Толкиеном в приложении к «Сильмариллиону», включающем толкование отдельных эльфийских корней и перечень всех мифологических и легендарных героев произведений писателя:

«ВИЛЬЯ – кольцо воздуха, синее кольцо с сапфиром было у Гиль-Гэлада, затем у Эльронда». ВОЗДУШНОЕ (от эльф. – «виль» – небо, воздух). Сапфир олицетворяет скромность, добродетель, дружбу, бескорыстие, целомудрие, спокойствие, созерцание и чистую совесть – качества, которыми были наделены эльфы.

«НАРЬЯ – кольцо огня, красное кольцо, его хранил Цирдан, а затем передал Гэндальфу» (от эльф. «нар» – огонь). Красные камни (рубин, пироп, лал, рубеллит) олицетворяют мученичество, страдание и величие. Рубин, находящийся в кольце Гэндальфа, говорит о верности, любви, здоровье, красоте и силе. Красный камень рубин характеризует концентрацию сил, энергию, магическое воздействие.

«НЭНЬЯ – белое кольцо с алмазном (алмазом), хранимое Галадриэлью», («водяное» – от «нэн» – вода). Алмазы олицетворяют твердость, храбрость, свет, радость, любовь и гордость. Культы белых камней существовали в древности на Востоке у арабов, у римлян и галлов, и были непосредственно связаны с культом света, с желанием разделить Свет и Тьму. Белый цвет был многозначным символом во все времена и у всех народов. Главное и исходное его значение – свет. Белый тождествен солнечному свету, а свет – это божество, благо, жизнь, полнота бытия.

КОЛЬЦО ВСЕВЛАСТЬЯ – самое загадочное и универсальное, объединяющее все остальные кольца. Кольцо в произведении является, во-первых, связующим звеном между Добром и Злом. Для укрепления своей власти злому властелину Саурону необходимо полу-

чить кольцо, волею судьбы оказавшемуся у доброго и неуклюжего хоббита Бильбо Торбинса и его друзей – гномов, эльфов и людей [6, с. 69 – 72].

Странствие Фродо, несущего Кольцо в центр мирового зла, выдержано в традиции северного мифологического эпоса. Линейное пространство пути служебно по отношению к действию, но Толкиен делает мотивами действия особенности самого пространства и тем возвращает к нему внимание читателя. Упрямая гора Карадрас, не пропустившая путников через свой снежный перевал; Старый Лес, смыкающийся стеной, чтобы направить их в ту сторону, где подкарауливает гибель, – все это образы пространства, в которое входят через подземные туннели и речные броды – зафиксированные фольклорной традицией образы «ворот в другой мир».

Из культуры кельтов Толкиен заимствует одно из свойств Кольца Всевластья – связь с ирреальным, сказочным миром – излюбленный мотив ирландских сказаний. В одном из них («Строитель Гоб») герой наблюдает сквозь волшебное кольцо мир эльфов: «Он снял с пальца кольцо и дал ей взглянуть через него на зачарованный мир. И она увидела танцующих и резвящихся эльфов и шестьдесят прекрасных юношей, играющих в пятнашки посреди зеленой долины» [2, с. 17]. У Толкиена эти функции Кольца приобретают новые оттенки смысла: под воздействием кольца герои Толкиена не просто становятся невидимыми, но могут постепенно стать призраками (назгулами). Здесь Кольцо проявляет следующие свойства: наделяя обладателя властью, оно обрекает его на вечное подчинение Властелину Колец.

Сам образ Кольца заимствован автором эпопеи из германо-скандинавской мифологии, где золотое кольцо Одина Драупнир, изготовленное искусными карликами-швергами, выступает причиной войн и распрей между богами и великанами (ётунами).

Большинство исследователей пытается трактовать Кольцо как некую аллегорическую или символическую форму. При этом практически не учитывается место образа в целостной художественно-мифологической системе, соотносённость магических свойств Кольца с внутренними законами вымышленной вселенной Толкиена. Анализ мотива невидимости, его роли и места в эпосе убеждает в том, что писатель стре-

мится к соединению древнемифологических представлений (связывающих невидимость со злом, тьмой, смертью, аморальной властью) с христианским пониманием зла как антибытия, внутренней пустоты.

В романе «Волшебник Земноморья» У. ле Гуин выбирает символическое число Девять, именно столько было Мастеров на волшебном острове Рок, Школе Волшебников: *So bolstering up his pride, he set all his strong will on the work they gave him, the lessons and crafts and histories and skills taught by the grey-cloaked Masters of Roke, who were called the Nine: the Master Doorkeeper, the Master Patternner, the Master Herbal, Gensher, the Master Summoner, the Master Chanter, the Master Windkey, the Master Hand, the Master Namer, the Master Changer* [9, p.102]. В нумерологии Девятка «символизирует достижение, удовлетворенность, влиятельность. В духовном плане число «9» связано с интеллектуальной мощью, избрательностью, влиянием над ситуациями и явлениями. Это число интеграции и возврата к исходному источнику. Девятка приходит на помощь, когда люди ищут вдохновения с целью найти твердое, комплексное решение» [3], что подчеркивает значимость Мастеров острова Рок, их влияние на Равновесие и миропорядок.

К. С. Льюис в романе «Лев, ведьма и платяной шкаф» отходит от привычного выбора чисел, предпочитая символику числа

Четыре, именно столько «детей Адама и Евы» должно было прибыть в страну Нарнию и занять места на каменном троне, чтобы победить Белую Королеву. Согласно нумерологии, Четверка – «важнейшее мистическое число, означающее абсолютное всемогущество, вездесущность, всецелостность, власть над временем и пространством. В природе число «4» ассоциируется с четырьмя элементами – земля, вода, воздух и огонь. Четверка повелевает четырьмя сторонами света и делит время на большие и малые «четырехгранные» шкалы. Большая включает в себя год, месяц, неделю и день, а малая – сутки, час, минуту и секунду. Подвластны магии четверки и главные временные категории каждой шкалы: год делится на четыре сезона, а сутки – на утро, день, вечер и ночь. В распространении христианства огромную роль сыграли четыре евангелиста – Матфей, Марк, Лука и Иоанн. В Индии и Китае четверка является эмблемой Земли, поскольку древние представляли себе нашу планету в виде квадрата с плоскими сторонами» [3].

В целом, анализ произведений К. С. Льюиса, Дж. Р. Р. Толкиена и У. ле Гуин позволяет сделать вывод о том, что авторы строят свои модели Нарнии, Средиземья и Земноморья из ретроспекции основных мотивов мифов кельтов, германцев, римлян и греков. Писатели осознают историю человечества и создают свои мифологические модели, используя знания мировой истории и культуры.

Литература

1. Гюйонварх К.-Ж., Леру Ф. Кельтская цивилизация. С-Пб.: Культурная инициатива, 2001.
2. Кельтская мифология: Энциклопедия. М.: Эксмо, 2002.
3. Кормилицын В. Тайны веков – символика числа и его значение для человека [Электронный ресурс]. URL: <http://starsbrandsmagazine.com/tajny-vekov-simvolika-chisla-i-ego-znachenie-dlya-cheloveka/> (Дата обращения: 25.06.2015).
4. Ле Гуин У. Земноморье: Фантастические произведения / пер. с англ. И. Тогоевой. М.: Эксмо, 2007.
5. Льюис К. Лев, ведьма и платяной шкаф. М.: Эксмо, 2010.
6. Толкиен Дж. Р. Р. Хранители: Летопись первая из эпопеи «Властелин Колец» / пер. с англ. В. Муравьева (Пролог и Книга первая) и А. Кистяковского (Книга вторая и все стихотворения). М.: Радуга, 1989.
7. Толкин Дж. Р. Р. Полная история Средиземья. М.: АСТ, 2008.
8. Lewis Clive. The Lion, the Witch and the Wardrobe [Электронный ресурс] URL: http://royallib.com/book/Lewis_Clive/The_Lion_the_Witch (Дата обращения: 28.07.2015).
9. Tolkien J. R. R. The Lord of the Rings. The Fellowship of the Ring. Book 1. Volume 1. / комментарий Е. В. Гвоздковой. На англ. яз. М.: Рольф, 2003.
10. Le Guinn U. A Wizard of Earthsea. NY, 1964.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 334.72

А. В. Алиева

НЕКОММЕРЧЕСКИЙ СЕКТОР КАК ОСНОВА РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

В статье рассмотрены проблемы некоммерческого сектора, который является важным фактором социальной и политической стабильности, повышения жизненного уровня населения, устойчивого развития России.

Ключевые слова: некоммерческий сектор, государство, демократия, политика государства, демократическое общество.

A. V. Aliyeva

THE NON-PROFIT SECTOR AS A BASIS FOR THE DEVELOPMENT OF CIVIL SOCIETY

This article deals with the problems to the nonprofit sector, which is an important factor of social and political stability, improvement of living standards, sustainable development of Russia.

Key words: the non-profit sector, government, democracy, government policy, democratic society.

Российский некоммерческий сектор играет заметную роль в социально-политической жизни страны, выступая источником различных социальных инноваций. Основными формами проявления гражданского взаимодействия является участие общества в различных неправительственных организациях и добровольческих объединениях, с помощью которых они могут показать социально-значимые качества. В широком смысле к субъектам гражданского общества могут быть отнесены: неправительственные организации, благотворительные фонды, бизнес-ассоциации, органы самоуправления, СМИ, профсоюзы, организации работодателей, непарламентские политические партии, религиозные организации, инициативные группы граждан.

средств лицами их создавшими, и не преследующими на деле благотворительных целей. Другая причина отторжения состоит в том, что некоторые организации стремятся только к проведению публичных кампаний с использованием популистской риторики, не ставят цели по поиску компромиссов и путей диалога с государством. Отсутствие четких целевых программ вообще является недостатком в их работе. Из-за этого они воспринимаются как постоянные просители средств в государственных структурах и частном секторе.

К сожалению, деятельность некоторых некоммерческих организаций (НКО) вызывает неприятие как в обществе, так и в государственными структурами. Такое негативное отношение затем распространяется на деятельность всего сектора. Так, работа отдельных фондов воспринимается как накопление

В Российской Федерации сейчас не имеется практики финансирования некоммерческих организаций государством. Правительство проявляет поддержку некоммерческим учреждениям в основном посредством дотаций и государственных заказов. Только лишь единичные некоммерческие компании имеют все шансы приобрести целевое бюджетное субсидирование. Следовательно, некоммерческие организации имеются в большей степени среди больших фондов (в основном зарубежных) и ресурсов собственных

фондов [2]. Для эффективного достижения своих целей государственная власть обязана перейти к поощрению формирования самими гражданами общественных структур, соответствующих потребностям прав и свобод человека институтов государства [4].

Достаточно сказать, что общественные движения и организации представляют собой организационное единство, основанное на социальных, политических и прежде всего на правовых нормах. В отличие от крупных естественно исторически сложившихся сообществ, таких, как нация и социально-естественные группы, «третий сектор» характеризуется наличием сознательно сконструированной системы внутренних отношений и организационных средств, чтобы сосредоточить внимание на социальных и политических последствиях [5]. Они могут принимать форму корпораций, отдельного предприятия, например, индивидуальное, некорпоративные ассоциации, партнерства, фонды, также включают в себя церкви, общественные школы, общественные благотворительные организации, общественные клиники и больницы, политические организации, волонтерские службы, профсоюзы, профессиональные ассоциации, научно-исследовательские институты и некоторые правительственные учреждения.

Основной признак, по которому можно судить о возможности развития гражданского общества в стране, является способность ее населения к самоорганизации, при условии, что его объекты и цели конструктивны и социально-ориентированы. Некоммерческие организации являются своеобразными лабораториями, где апробируются нетрадиционные модели взаимодействия между гражданами, между гражданами и государством. Они создают сеть партнерских отношений, гражданскую инфраструктуру. Объединяясь в добровольные ассоциации, граждане превращаются из пассивных потребителей в ответственных субъектов социального действия в субъектов гражданской политики [2]. Тем не менее, некоммерческий сектор является важным фактором социальной и политической стабильности, повышения уровня жизни, устойчивого развития России и уже играет заметную роль в социально-экономической и политической жизни страны, выступая источником различных социальных инноваций.

На основе методологических подходов, можно сформулировать комплементарные направления для научно-практической деятельности, связанной с оценкой эффективности деятельности НКО [3]:

– во-первых, возможность ввода в современные базовые формы федерального и регионального статистического наблюдения показателей, более глубоко характеризующих результаты функционирования некоммерческой сферы;

– во-вторых, необходимость более детальной проработки и формализации показателей социальной и экономической эффективности НКО и её устойчивости;

– в-третьих, возможность апробации проведения расчёта показателей эффективности деятельности на основе статистических баз данных на региональном и федеральном уровнях.

В целом российский некоммерческий сектор играет заметную роль, но статус таких организаций, несмотря на ряд принятых законов [1], еще недостаточно определен, и дальнейшее упорядочение представлений о целях, задачах, структуре, функциях некоммерческих организаций является продуктивным, особенно в макроэкономическом аспекте (государство, домохозяйства, фирмы). Именно с появлением «третьего сектора» произошла существенная структурная перестройка элементов гражданского общества и более гибким и оперативным звеном его функционирования становятся некоммерческие, негосударственные организации – общественные ассоциации и гражданские инициативы, которые по-новому определяют социально-экономический механизм осуществления государственного регулирования. Именно государству и гражданским институтам предстоит планомерно изменять свои функции, а в дальнейшем и качество, приближаясь к желаемым целям и образу «устойчивого будущего», и, пожалуй, именно государству сделать это наименее трудно, по сравнению с остальными органами и сферами деятельности общества [6]. Развитие современного общества, основанного на свободных и равноправных отношениях, неразрывно связано с развитием либеральной демократии и является необходимым условием для демократического принятия решений. Эта тесная взаимосвязь между представителями «третьего сектора» и демократического

государства исторически коренится в том, что понятие личности и индивидуальности человека возникло в то самое время, когда идея власти сама по себе была радикальной между демократическими и абсолютистскими теориями государства.

Как установлено, главными субъектами выступает правительство, бизнес и институты гражданского общества. От работы, а вернее от взаимодействия данных субъектов зависит положение и динамика развития, как государства, так и эффективность функционирования всей политической системы. Объективный взгляд на положение дел в современной России демонстрирует, что настоящее влияние на социально-политическое развитие оказывает лишь государство, оставляя с трудом формирующиеся институты гражданского общества в состоянии «наблюдателя». В современных условиях возникла сложная сеть общественных организаций и институтов, которые сформировались в среде гражданского общества и стали по-новому выстраивать систему взаимодействия с государством.

Государству и его гражданским институтам необходимо идти по пути создания социально-эффективной политики, обеспечивающей в то же время достойный уровень жизни людей, гибкость и быструю адаптацию к изменениям политической конъюнктуры. Институты гражданского общества являются необходимым условием политического успеха и активное, сильное гражданское общество может внести полезный вклад в решение основных политических проблем, облегчить развитие частной инициативы.

Таким образом, эффективная деятельность некоммерческих организаций является важным фактором обеспечения социальной и политической стабильности, повышения жизненного уровня населения, гражданского общества и, в конечном счете, устойчивого развития страны. Отсутствие четкой законодательно-правовой классификации «третьего сектора» существенно снижает эффективность государственной политики в этой области, препятствует разработке и реализации правильной стратегии государства в отношении некоммерческих организаций.

Литература

1. Федеральный закон «О некоммерческих организациях» от 12.01.1996 № 7-ФЗ (принят ГД ФС РФ 08.12.1995) (действующая редакция от 02.05.2015) [Электронный ресурс] URL: <https://www.consultant.ru/popular/nekomerz/> (Дата обращения: 25.08.2015)
2. Алексеева Л. М. «Третий сектор» и власть // *Общественные науки и современность*. 2002. № 6.
3. Алиева А. В. Государственный сектор в системе регулирования экономики // *Сборник трудов III Всероссийской зимней школы по институциональной экономике*. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2010.
4. Галкина Е. В. Демократия и гражданское общество (поиск оптимальных моделей и путей развития) // *Власть*. 2009. № 4.
5. Рыбасова М. В. Деятельность некоммерческого сектора в новых социально-экономических условиях // *Международный сборник научных трудов / под. ред. О. И. Кирикова*. Воронеж: Изд-во ВГПУ, 2008. Вып. 11.
6. The 2009 NGO Sustainability Index for Central and Eastern Europe and Eurasia (Индекс устойчивости неправительственных организаций) // USAID. 2009. Seventh Edition.

УДК 327.5(470.6)

Е. В. Галкина, М. С. Маценко
**РЕЛИГИОЗНАЯ КОМПОНЕНТА СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ:
 НЕГАТИВНЫЕ ФАКТОРЫ ТЕРРОРИЗМА¹**

В статье рассматриваются современные политические процессы через религиозный фактор, в ряде случаев обуславливающий радикализацию взглядов отдельных групп населения, активизацию террористической деятельности. Анализируются различные научные подходы к концепциям терроризма, патриотизма, политико-религиозных процессов в современном политологическом дискурсе. Актуальным является рассмотрение авторами новых подхо-

дов к пониманию международного терроризма, негативных его факторов и т. д., которые в настоящее время все больше привлекают внимание исследователей и политиков.

Ключевые слова: политический процесс, политико-религиозный процесс, религия, ислам, Северный Кавказ, терроризм, война, национальная безопасность, идеология, культура, патриотизм.

E. V. Galkina, M. S. Matsenko
**RELIGIOUS COMPONENT OF MODERN POLITICAL PROCESSES:
 NEGATIVE FACTORS OF TERRORISM**

The article deals with the modern political processes through a religious factor, which in some cases may influence the radicalization of views of some group of citizens and the intensification of terrorist activity. The authors analyze various theoretical approaches to the concepts of terrorism, patriotism, political and religious processes within the contemporary political science discourse. The authors also

examine new approaches to understanding of international terrorism, particularly its negative factors, which are now increasingly attracting the attention of researchers and policy makers.

Key words: political process, political and religious process, religion, Islam, the North Caucasus, terrorism, war, national security, ideology, culture, patriotism.

Тематика религиозного фактора в политических процессах на Северном Кавказе, возрастание заинтересованности к данной проблематике – это не просто политическая необходимость, но условие возможности нейтрализации негативных перспектив, в определенных компонентах составляющих национальную безопасность не только отдельного региона, но и политико-религиозной системы государственных отношений в целом.

Стоит отметить, что основным негативным фактором в формировании политико-религиозных отношений во многих регионах мира является терроризм.

Возможно, для более точного понимания в данной сфере необходимо в некоторой степени разграничить понятие «ирхаб» – в арабском понимании терроризм, акт насилия

военно-политического характера с определённой идеологической составляющей, возможно имеющей некоторую конфессиональную основу, а также термин «джихад», имеющий трактование как приоритет внутренней, духовной борьбы с самим собой, со своим отталкивающим Всевышнего, низким началом, ведущим к духовной деградации и, что немало важно, к озлобленности, отчаянию, агрессивному началу конца души и желанию от безысходного поиска уничтожить души и тела ближних своих [5].

Терроризм – современный международный страшный язык общения. Диалекты различны: страх, ненависть, боль, кровь... [3, с. 341]. Более чем странны заявления весьма уважаемых политических деятелей о том, что терроризм крепнет там, где безработица,

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФНФ (грант №15-03-00369).

расшатанная коррупцией экономика. Самые известные полевые командиры Северного Кавказа, международные террористы из стран Персидского залива – это выходцы из состоятельных семей, весьма уважаемых династий. Среди террористов, даже категории D, по классификации аналитиков специальных комитетов НАТО, занимающихся вопросами противодействия терроризму, изрядное количество людей с деньгами, европейским образованием, учёными степенями, легальными общемировыми бизнес-связями. И это, подчёркиваем, лишь категория D в террористической иерархии.

Единственная прочная стальная нить связи терроризма прошлого, настоящего и будущего – это культурно-религиозный фанатизм. Так, например, в странах Ближнего Востока «оттенков» фанатизма тысячи [9, с. 111–113]. Фанатизм религиозный в Сирии не имеет никакого отношения к фанатизму интеллектуалов в Египте и Ливии. Однако там тоже всегда проявляется конфессиональный, идеологический подтекст. Но и политически недальновидно заблуждение Западного мира о том, что весь арабский мир цементирован религией. Нет! Прочнейшей основой ближневосточного мира является арабская, в некоторых моментах сохранившаяся без изменений доисламская культура. Истинная арабская культура – это закрытое, обособленное родовое братство арабов, мало кому открытое из внешнего мира непосвящённых. Для людей западной культуры этот мир ограничен часто лишь двумя понятиями: экзотика и терроризм.

А что ещё знает западный обыватель-турист – об этом другом мире одной планеты, кроме как о небоскрёбах, неисчерпаемой нефти, сказочном богатстве правителей и ... терактах. И тысяча и одно заблуждение о якобы бесправии женщин, излишней суровости законов, не принимая во внимание при этом, что общий уровень преступности в государствах Персидского залива намного ниже, чем общеевропейский. Именно негативные мифы рождают взаимные недоброжелательные взгляды западного и восточного человека.

Терроризм Ближнего Востока, Северного Кавказа рождён от абсолютного нежелания понимать, уважать, принимать других, но не чужих. Так, любая попытка навязать веру, политику, тем более культуру окончится дипломатическим тупиком, где единственная

форма общения – это «взрыв ближнего». Как страшно, если площадью для подобного адского, в «тротиловом эквиваленте» разговора станет Северный Кавказ.

Из вышеизложенных политико-религиозных аспектов следует актуализация рассматриваемой темы исследования.

Невозможно представить современные политические процессы без религиозной составляющей. Наиболее очевидно подобное международное положение дел, проявилось после 11 сентября 2001 г. Именно тогда, в дни страшной трагедии американской нации и всего мира, зародилось политическое понимание существования частного военно-политического терроризма с глобальной негативной религиозной составляющей.

Терроризм существующего формата – это явление страшное, порождающее чудовищные акты и формы насилия – духовно непереносимого, нравственно неприемлемого. Но современный формат терроризма – это уникальная в негативном смысле форма насилия. Сегодня мы можем наблюдать и изучать терроризм как многоэлементную составляющую, неотъемлемый элемент всех значимых спектров геополитики [8, с. 160–161].

Современный формат терроризма представляет собой некий архитектурный тип существующей геополитики. В нем присутствуют все негативные составляющие для возведения нового здания будущих глобальных политических отношений [10, с. 120–122].

Подобный террористический фундамент состоит из компонентов, которые всегда были разрушающей частью социально-политических аспектов. Это технологии восстаний, мятежей, бунтов, новые форматы оппозиционных движений, теоретическое развязывание виртуальных религиозных войн и т. д. Международная политика всё чаще сталкивается с некогда замкнутыми религиозно-культурными общественными форматами, претендующими на глобальное влияние.

Суть новых террористических процессов невозможно изменить, можно лишь попытаться изменить формат, рамки и интенсивность. Возможный итог: вместо десяти терактов будут осуществлены три.

Религиозно-политические боевые группы, сеющие насилие в наших городах, транслирующие определённые религиозно – политические идеи, разрушают духовные об-

шественные устои. «Религиозное безумие, созданное для оправдания всего». Самое чудовищное – это религиозные конфликты, переходящие в формат войн, которые начинаются ради любви к Богу, ради светлой сути в толковании истины.

Особое значение имеет политическая работа среди мусульманского населения Северного Кавказа. Что касается ислама, то контрпродуктивно, например, вести линию на противодействие обычаям, в частности, традиционной одежде женщин-мусульманок (например, в восточных районах Ставропольского края). Модернизация сама во многом внесёт изменения в отдельные проявления быта местных жителей. Вместе с тем, необходима политическая борьба против интерпретации ислама как идеологии воинствующего экстремизма.

Один из норвежских экспертов по вопросам международного терроризма и религиозных актов насилия Сив Йенсен заметил: «Террористическую атаку может осуществить любой, но вот внутреннего настроя, решимости, набора определённых душевных качеств недостаёт подавляющему большинству» [13]. Но, к сожалению, специалисты по психоподавлению уникальности личности и перепрограммированию любых ценностных ориентиров могут за небольшой промежуток времени создать «живые снаряды» для актов террористической направленности. И эти «живые бомбы» уже не зависят ни от национальности, ни от религиозной принадлежности, ни от политических взглядов, нравственных составляющих личности. Их сознание представляет собой модель «тикающего механизма» разрушения существующей действительности.

Трудно отрицать, что существующая реальность – это, прежде всего, моделируемая, управляемая действительность в простом и доступном формате – «свой – чужой» (например, западный и незападный политический процесс по Л. Паю) [11]. Формула «мы – они» примитивно проста, но невероятно результативна и эффективна. Можно затрагивать и заострять всевозможные низменные духовные и социальные неприглядные противоречия, в том числе, межличностного характера. Наступает время гибридного противостояния. Вырабатываются стратегические формулы негативного политического нового общественного существования.

Сама структура современного политико-религиозного противостояния состоит из двух главных противоречий, имеющих геополитический формат взаимоотношений. В ближневосточной основе лежит система духовного рассмотрения джихада, как практического, возможного решения стратегических задач в политическом поле [9, с. 28–30]. Западная система международных многосторонних, многоуровневых и многонаправленных политических отношений во многих спектрах связана с противостоянием различным форматам терроризма. Общий фон политических отношений ближайших нескольких лет – это различное моделирование и переформатирование вышеозначенных форм современного политического существования, борьба с терроризмом и продвижение идей глобального джихада, активное политическое трансформирование основополагающей духовной сути джихада в формат активного военно-политического ракурса с идеологической религиозной основой. И, конечно, актуальным остается различное политическое прочтение и толкование религиозных текстов, которые уже сегодня используются как идеологический формат политико-религиозного глобального воздействия.

Согласимся с К. Клаузевицем, установившим неразрывную связь войны и политики. Последняя является формой войны, при которой «удары» лишь обозначаются. Война есть форма политики при отсутствии ограничений на предъявляемые аргументы. Поэтому, военные цели определяются в тесной связи с политическими [7, с. 202–205].

Современные параметры ведения войн столь широки и изменчивы, что всё труднее будет максимально оперативно реагировать на вызовы негативно формируемой реальности. Основа современной негативно моделируемой реальности – это политико-религиозные конфликты с элементами нейтральной соревновательности до перехода в фазу жёсткой ментальной конкуренции, ведущей к военно-религиозным столкновениям с ярко выраженной политической составляющей. Основным деструктивным элементом данных процессов – это терроризм.

В ряде случаев, войну вытеснили в социальное бессознательное (концепция Ж. Бодрийера) [1, с. 121]. Современное общество порождает вспышки бытового насилия –

от погромов (Кондопога, Париж и т. д.) – до спонтанной стрельбы по площадям (Соединённые Штаты Америки).

Представляется, что изменение ценности человеческой жизни и, в частности, утрата значительной части её трансцендентной составляющей приведёт к высокой эффективности террора. Следовательно, террористические формы борьбы будут применяться очень широко [12, с. 574–576].

Если относиться к международному терроризму как к поводу для повышения расходов на безопасность и построения полицейского государства, в котором безопасность обеспечивается ценой свободы, то стратегическим приоритетом является сохранение и поддержание террористической угрозы на достаточно высоком уровне.

Современными политтехнологами культурные и нравственные ценности, составляющие духовную основу каждого великого государства и народа, рассматриваются лишь как определённый элемент успешной пропаганды. Всё пытаются свести к уровню потребления и оказания услуг. Политика, культура, религия могут стать предметом геополитического торга. Превалирует выгода и только выгода.

Представьте Сомали, Палестину, Сирию и Ирак вместе взятые в глобальном политическом и религиозном масштабе. Вот возможная, в чём-то уже ставшая реальностью негативная мировая политико-религиозная перспектива. Только диалог и взаимное сотрудничество способны изменить разрушительный курс современного политического процесса.

Начало интенсивного глобального разрушения всех политико-религиозных конструкций современного мира, на наш взгляд, стоит искать в страшный день начала нового тысячелетия – 11 сентября 2001 г. Изменилось всё и навсегда. Вся мировая политическая система, хотя бы имевшая иллюзорные очертания геополитической паритетности, была уничтожена идеологами мирового терроризма, нанёсшими страшный удар в основание мира традиционных ценностей и международного права демократического выбора свободных граждан. Тогда были разрушены сакральные, величественные символы свободы финансового мира, башни-близнецы Всемирного Торгового Центра.

Сегодня, мы наблюдаем подготовку для глобальной геополитической атаки на духовно-нравственные «башни-близнецы»: толерантность и политкорректность. После этой даты изменились все ориентиры и все ценности глобального масштаба, в определённом смысле, универсальные для каждого [4, с. 76–78].

Мы становимся патриотами нового мира, где границы размыты, ценности универсальны, информация доступна, люди одиноки, даже обаясь. Главный вызов сегодня каждой грани международных отношений от политического сотрудничества до культурно-религиозного понимания друг друга – это жестокий вызов, как интересам национального масштаба, так и согласию в геополитическом контексте.

Терроризм угрожает всем людям и миру свободных демократических основ. Все государства и народы столкнулись с дымом, разъедающим сердца и мысли, – терроризмом [2, с. 68–69]. Некоторое время назад были весьма популярны идеи о том, что формат и суть терроризма может иметь различные толкования, взгляды сочувствия и понимания тех, кто решился на «крайний аргумент борьбы» за идеал общества. Например, идея «оборонительного терроризма», т. е. философия тех, кто взрывает государство, чтобы привлечь внимание мира к проблеме угнетения народа со стороны взрываемого государства. И сложно ассоциировать борцов-повстанцев за свободу народа и сопротивляющихся жестокости государства с безжалостными фанатиками идей построения кровавой анархии. Этих людей называли агрессивно-наступательным, нападающим «террористическим фронтом».

Так, мы могли наблюдать оборонительный терроризм, который, некоторыми уважаемыми экспертами назывался борьбой за свободу, конечно определёнными, далёкими от международного законодательства методами политической борьбы. И наступательный терроризм, уничтожающий ради идей, смыслов, взглядов толпы, не поддерживающих или нейтрально настроенных обывателей.

Подобное отношение было и к понятиям *патриот*, *патриотизм*, *лжепатриотическое видение*. Всё это «конфликт интерпретаций».

Сегодня присутствуют различные международные подходы к выявлению сути патриотизма, который является тоже частью политико-религиозных параметров геополитики.

тического пространства. Патриотизм, конечно, в определённом ракурсе сегодняшнего мирознания – это «страж» национальных политических интересов государств, но и определённого рода защитник региональных религиозных прочтений мировых священных истин.

Кто такой патриот западного мира? Хранитель культурных цивилизационных параметров, составляющих основу западноевропейской цивилизации? А патриот из стран Западной Азии – кто он? Страж региональных традиций, основанных на глобальном прочном фундаменте величайшей религии? Патриотизм государств Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии, опирающийся на политико-корпоративный и коллективно-семейный подход к восприятию мироздания, – каков он? Какой он, современный патриотизм? Кто национальный патриот в многосторонней, многослойной системе глобального геополитического единства с разными, порой полярными взглядами на это единство?

Россия унаследовала традиции и европейской и азиатской цивилизаций. Многие века происходил сложный процесс взаимопроникновения и синтеза этих великих культур. Он обогащал наши народы, делал их более стойкими. Вместе мы сражались с иноземными завоевателями, возделывали пашни, растили детей. Точным, на наш взгляд, является изречение: «Издревле наши народы имеют доброе обхождение» [6, с. 6–7].

Таким образом, не всё так однозначно в аспектах, формирующих современную политико-религиозную действительность. Множество заблуждений присутствуют в трактовании, понимании, терминологической наполненности, относительно политико-религиозных нюансов. А ведь и неправильное понимание, и толкование различных моментов в сфере политико-религиозных отношений ведут к обострению определённого рода конфликтов, в том числе, активной фазе террористического противостояния.

Литература

1. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. 3-е изд. М.: Добросвет; КДУ, 2009.
2. Боташева А. К. Терроризм как феномен современной политической реальности. Ставрополь: Ставролит, 2009.
3. Галкина Е. В. Противодействие политическому экстремизму и терроризму: новый взгляд // Теория и практика общественного развития. 2014. № 1.
4. Гундарь О. Н., Галкина Е. В., Гундарь Е. В. Политический экстремизм в современном мире: Учебное пособие. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2009.
5. Ислам от А до Я / сост. А. А. Савинов. М.: АСТ: Восток–Запад, 2007.
6. Кавказ в сердце России: На вопросы современности ответы ищем в истории / сост.: В. И. Десятерик, Вад. В. Дементьев; Предисл. С. В. Ястржембского. М.: Пашков дом: Фонд им. И.Д. Сытина, 2000.
7. Клаузевиц К. фон. О войне. / пер. с нем. А. Рачинский. М.: Логос, 2011.
8. Койбаев Б. Г., Галкина Е. В. Ближневосточная политика России через призму борьбы с международным экстремизмом и терроризмом // Гуманитарные и юридические исследования. 2014. № 4.
9. Касевич Г. В., Станкевич Г. В. «Исламский мир» как субъект внутренней и мировой политики: монография. Ставрополь: Параграф, 2010.
10. Международный терроризм: борьба за геополитическое господство: Монография / под ред. Возженкова А. В. М.: Изд-во РАГС, 2005.
11. Пай Л. Незападный политический процесс // Политическая наука. 2003. № 2.
12. Переслегин С. Новая история Второй мировой. М.: Яуза: Эксмо, 2009.
13. Сив Йенсен Свободная энциклопедия Википедия. [Электронный ресурс] URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (Дата обращения: 18.07.2015).

УДК 328.185(470)

Е. В. Галкина

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КОРРУПЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВА И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

В статье рассматриваются современные механизмы участия институтов гражданского общества в деле противодействия коррупции в современной России. Анализируются различные исследовательские подходы к концепциям противодействия коррупции в современном политологическом и правовом дискурсе. Актуальным является рассмотрение автором новых концепций в деле вовлеченно-

сти институтов гражданского общества в государственно важные проекты, в том числе, по профилактике коррупционных действий.

Ключевые слова: гражданское общество, противодействие коррупции, общественные организации, государственные услуги, коррупционное поведение, правовая культура, национальная стратегия.

E. V. Galkina

COUNTERACTION OF CORRUPTION IN MODERN RUSSIA: INTERACTION BETWEEN GOVERNMENT AND CIVIL SOCIETY

This paper examines the current mechanisms for participation of civil society in combating corruption in modern Russia. The various research approaches to the concepts of combating corruption in the modern political science and legal discourse. Urgent consideration is the author of new concepts in the involvement

of civil society institutions in the state important projects, including the prevention of corruption.

Key words: civil society, the fight against corruption, public organizations, public services, corruption behavior, legal culture, national strategy.

Мировой опыт успешного противодействия коррупции свидетельствует, что институты гражданского общества играют важную роль в профилактике коррупционных действий. Эта роль зафиксирована во всех основных международных документах, которые подписала и ратифицировала Россия. В частности, Конвенция ООН по противодействию коррупции рекомендует ряд мер профилактического характера, осуществляемых общественными организациями, в том числе: привлечение институтов гражданского общества к предупреждению коррупции, для углубления понимания обществом причин и опасного характера коррупции, а также создаваемых ею угроз. Добиться этого можно путем планомерного повышения культуры населения, достижения максимальной прозрачности (транспарентности) процедур предоставления государственных услуг, а также постоянной профилактической, предупредительной работой всех государственных органов и институтов гражданского общества. Поэтому

в числе важнейших задач государственной антикоррупционной политики – коренной перелом общественного сознания. Национальная стратегия противодействия коррупции, утвержденная Президентом РФ, предлагает общественным организациям, политическим партиям и саморегулируемым организациям проводить работу по формированию в обществе нетерпимого отношения к коррупционному поведению.

Деятельность институтов гражданского общества в последнее время стали рассматривать как важную составную часть и российской антикоррупционной политики. Роль гражданского общества в борьбе с коррупцией определена в Национальной Стратегии противодействия коррупции, Национальных планах и федеральном законодательстве. Так, в Национальной Стратегии прямо указывается, что обеспечение участия институтов гражданского общества в противодействии коррупции является одним из основных на-

правлений этой работы. Федеральный антикоррупционный закон 2008 г. возводит сотрудничество государства с институтами гражданского общества в основной принцип противодействия коррупции [7]. Из этого следует, что обеспечение участия институтов гражданского общества в противодействии коррупции является одним из ключевых направлений реализации Национальной стратегии и Национальных планов утвержденных главой государства.

Роль общественных организаций, средств массовой информации в борьбе с коррупцией отмечал Президент Российской Федерации В. В. Путин. В своем Послании Федеральному Собранию Российской Федерации в конце 2012 г. он прямо указал, что необходимым условием «действенности борьбы с коррупцией» является «активное гражданское участие, эффективный общественный контроль» [5]. Выступая на заседании Совета по противодействию коррупции 30 октября 2013 г., глава государства поставил задачу: «Нам необходимо сформировать общественную атмосферу неприятия коррупции (мы об этом много раз уже говорили) и в том числе, конечно, выстроить надёжную систему обратной связи между обществом и государством. Каждый сигнал о коррупции и коррупционных проявлениях должен получать адекватную реакцию» [1]. Эти высказывания Президента России В. В. Путина свидетельствуют о том большом значении, которое политическое руководство придает участию общества в борьбе с коррупцией.

В работах российских политологов, посвященных проблеме участия гражданского общества в реализации государственной политики противодействия коррупции, наибольший интерес, на наш взгляд, представляют труды А. Н. Сухаренко [6], О. В. Поповой [4], О. С. Новиковой [3], А. Е. Чуклинова, В. В. Моисеева, В. Н. Прокуратова [2] и др. Так, В. Н. Прокуратов среди форм и методов вовлечения институтов гражданского общества в работу политических механизмов противодействия выделяет следующие:

- внесение предложений в органы государственной и муниципальной власти по совершенствованию антикоррупционного законодательства;

- независимая антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов;

- общественное расследование;
- реализация антикоррупционных образовательных программ и проектов;
- проведение публичных мероприятий и акций (научно-практических конференций, круглых столов, семинаров и т. п.);
- работа в общественных антикоррупционных приемных;
- создание и поддержка Интернет-порталов и других сайтов, освещающих проблемы в сфере противодействия коррупции и др. [2].

К этому стоит добавить, что институты гражданского общества должны формировать правовую культуру, воспитывать в гражданах неприятие коррупционных отношений, в целом антикоррупционное поведение. Дело в том, что по данным социологических опросов, проведенных в последние годы, деформация жизненных ориентиров у значительной части россиян, особенно в молодежной среде, привела к тому, что стали признаваться социально одобряемыми некоторые формы аморального, антиобщественного и преступного поведения, не считаются позорными коррупционные действия. В сознании многих людей утрачена ценность продуктивного труда как источника благополучия и главного средства самореализации личности. Криминогенно значимые деформации духовно-нравственной сферы в значительной мере связаны со злоупотреблениями свободой слова в средствах массовой информации, пропагандой насилия и культа наживы любой ценой.

Но чтобы реализовывать указанные выше мероприятия противодействия коррупции, институты гражданского общества должны быть законодательно наделены определенными полномочиями и обеспечены всем необходимым для работы. Однако российские политологи и правоведы вынуждены констатировать, что существенным недостатком действующего российского законодательства является отсутствие четкого механизма участия этих институтов в противодействии коррупции; они по-прежнему не обладают полномочиями, и лишены возможности контролировать деятельность органов власти и управления. Несмотря на то, что Федеральный закон от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» предусматривает участие структур гражданского общества в проведении независимой антикоррупционной экспертизы

нормативно-правовых актов, привлечение граждан и общественных организаций к обсуждению законопроектов не стало системой.

Между тем, Указ Президента РФ от 9 февраля 2011 г. № 167 «Об общественном обсуждении проектов федеральных конституционных законов и федеральных законов» нацеливает на привлечение институтов гражданского общества к обсуждению важнейших законопроектов, однако реализация этих нормативно-правовых актов оставляет желать лучшего. Получается, что законодательная основа взаимодействия власти и общества в этом направлении борьбы с коррупцией сформирована, а правоприменительная практика, которая бы свидетельствовала об активном участии гражданского общества, оставляет желать лучшего. Так, в докладе Общественной палаты Российской Федерации, подготовленном в 2012 г., дается объективная оценка

эффективности проводимых в стране антикоррупционных мероприятий и участия различных институтов гражданского общества в реализации мер антикоррупционной политики. В документе, в частности, отмечается, что несмотря на появление в России Национального плана по борьбе с коррупцией и Национальной Стратегии, принятие федерального закона, «пока того результата, которого ждет общество, нет. Россияне по-прежнему не верят в эффективность борьбы с коррупцией и относятся к ней вполне толерантно».

В заключение отметим, что для исправления ситуации необходимо на федеральном и региональном уровнях принять недостающие правовые акты, которые будут способствовать повышению роль институтов гражданского общества в реализации государственной антикоррупционной политики.

Литература

1. Заседание Совета по противодействию коррупции 30 октября 2013 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента Российской Федерации В.В. Путина. URL: <http://kremlin.ru/news/19516> (дата обращения: 30.06.2015).
2. Моисеев В. В., Прокуратов В. Н. Противодействие коррупции в современной России. Монография. Орёл: АПЛИТ, 2012. 428 с.
3. Новикова О. С. Место и роль институтов гражданского общества в формировании антикоррупционной политики. [Электронный ресурс] // Вестник Белгородского университета. URL: [http://sartraccs.ru/i.php?oper=read_file&filename=Pub/novikova\(16-10-08\).htm](http://sartraccs.ru/i.php?oper=read_file&filename=Pub/novikova(16-10-08).htm) (дата обращения: 16.04.2012).
4. Попова О. В. Борьба с коррупцией в Российской Федерации как инновационный проект гражданского общества? // ПОЛИТЭКС. 2006. № 4.
5. Послание Президента В. В. Путина Федеральному Собранию РФ 12.12.2012 г. [Электронный ресурс] // Сайт «Base. consultant.ru». URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=LAW;n=138990;req=dos> (дата обращения: 30.06.2015).
6. Сухаренко А. Н. Общественный контроль как средство противодействия коррупции в России // Российская юстиция. 2013. № 6.
7. Федеральный закон Российской Федерации от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ. Статьи 3, 7.

УДК 329

М. В. Рыбасова

РОЛЬ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ

В статье рассматриваются проблемы формирования гражданского общества в РФ, количественный и качественный рост общественных организаций, повышение их роли в социально-политическом развитии страны. Подчеркивается важная роль взаимодействия организаций государства, бизнеса и граждан-

ского общества, неправительственных организаций в решении социально значимых проблем всего общества.

Ключевые слова: гражданское общество, государство, некоммерческие организации, неправительственные организации, правительство.

M. V. Rybasova

THE ROLE OF CIVIL SOCIETY IN POLITICAL MODERNIZATION: PROBLEMS AND DIRECTIONS OF DEVELOPMENT

The article deals with the problems of formation of civil society in the Russian Federation, the quantitative and qualitative growth of public organizations, strengthening of their role in socio-political development of the country. The author emphasizes the important

role of cooperation between the state, business community, civil society and non-governmental organizations in solving social problems.

Key words: civil society, the state, nonprofit organizations, non-governmental organizations, the government.

Формирование гражданского общества является сложным и многогранным процессом, который находится за пределами власти, бизнеса и отношения в семье, где люди добровольно объединяются для достижения общих интересов. Курс руководства страны к модернизации социально-политической сферы невозможен без дальнейшего развития государственных и негосударственных институтов современного российского общества, без поиска новых, оптимальных средств и методов их взаимодействия.

заключается в количественном и качественном росте общественных организаций, повышение их роли в социально-политическом развитии страны [5].

В широком смысле к субъектам гражданского общества могут быть отнесены: неправительственные организации, благотворительные фонды, бизнес-ассоциации, органы самоуправления, СМИ, профсоюзы, организации работодателей, непарламентские политические партии, религиозные организации, инициативные группы граждан. Также под термином гражданское общество, или «третий сектор», следует понимать прежде всего неправительственные и благотворительные организации [1]. Теперь мы можем сказать, что «третий сектор» начинает осознавать себя как некая целостность, с общими интересами и общим видением проблем.

Основной формой проявления гражданского взаимодействия является участие общества в различных неправительственных организациях и добровольческих объединениях, с помощью чего они могут показать социально-значимые качества. Российская политическая модернизация и обновление политической системы, перевод ее на инновационные рельсы развития, формирование и распространение современных и эффективных институтов, способных обеспечивать своевременное и адекватное реагирование на быстро меняющиеся параметры современной жизни,

В России существуют следующие институты свободных и равноправных граждан [1]:

– «Деловая Россия», Ассоциации предприятий, индивидуальные частные предприятия, фермеры и сельскохозяйственные объединения, профессиональные промышленные Ассоциации;

– социально ориентированные организации: правозащитные, экологические, культурные, образовательные, благотворительные, женские, защита прав потребителей и др.;

– политические партии;

– профессиональные союзы;

– творческие союзы: театральные деятелей, журналистов, художников, исследователей и др.;

– молодежные организации, движения и общества: военно-патриотические, культурные объединения и клубы;

– конфессиональные объединения и др.

Итак, гражданское общество – это система разнообразных связей и отношений граждан, их объединений, союзов, групп, основанных на равенстве и личной инициативе, включая получение независимости средств к существованию. За последние годы появился ряд новых общественных организаций, которые представляют реальные интересы территориальных сообществ и финансируются за счет местных частных (неполитических) источников. Это способствует лучшему «укоренению» и повышает жизнеспособность «третьего сектора» в целом. Тем не менее, существуют определенные риски для устойчивого развития гражданского общества:

– недостаточное количество имущества и финансовых ресурсов;

– отсутствие прямого доступа к структурным фондам ЕС;

– отсутствие достаточной финансовой поддержки со стороны государства и т. д.

В гражданском обществе главным механизмом регуляции общественной жизни выступают ценности и образцы культуры, прежде всего моральные и правовые идеалы, принципы и правила, а также самореализация личности, воспитания гражданских качеств (гуманность, порядочность, честность, доверие, ответственность и др.) [2]. Так, правосознание регулирует отношения благодаря своему высокому уровню, который соответствует осведомленности о правах важности значения всех своих действий с интересами других членов данного общества, его неписаных законов и требований законности. Такое чувство справедливости очень важно для функционирования всего механизма гражданского общества и его институтов. Его также можно назвать гражданским чувством справедливости. Одной из главных особенностей этого типа справедливости счи-

тается то, что она основана не столько на ожиданиях, а на том, что кто-то другой, особенно власти могут создать для человека условия, чтобы тот мог реализовать свои субъективные права и свободы [4]. Перед страной, стремящейся перейти на современный тип развития, неминуемо встают задачи возврата к демократической институциональной среде, поскольку фаза вхождения в стадию постиндустриального развития требует усиления определенных сегментов общества.

Таким образом, основным элементом «третьего сектора» является человек, инициатива, которая лежит в основе создания какой-либо из его социальных институтов. Вот почему в основе гражданского общества, наряду с основными демократическими, экономическими и политическими реформами, должно присутствовать и сознание граждан как основная движущая сила социально-политических преобразований.

Развитие современного общества, основанного на свободных и равноправных отношениях, неразрывно связано с развитием либеральной демократии и является необходимым условием для демократического принятия решений. Эта тесная взаимосвязь между представителями «третьего сектора» и демократического государства исторически коренится в том, что понятие личности и индивидуальности человека возникло в то самое время, когда идея власти сама по себе была радикальной между демократическими и абсолютистскими теориями государства.

Для жизнедеятельности гражданского общества необходимы следующие условия [3]:

– создание в стране всех условий для развития разнообразных форм собственности, чтобы каждый член общества имел право на участие в любой из них;

– в обществе должна сложиться социальная структура, представляющая интересы всех групп и слоёв населения;

– гражданское общество должно формироваться одновременно с правовым государством, когда принятием ряда законов гарантируются права граждан, регламентируются отношения между гражданами и государством;

– активизация в общественном сознании гражданской политической культуры.

Институты гражданского общества являются необходимым условием политиче-

ского успеха, и активное, сильное общество может внести полезный вклад в решение проблем политики, облегчить развитие частной инициативы, помочь предотвратить чрезмерное вмешательство государства во все сферы. Необходимость взаимодействия государства с «третьим сектором» выражается в специфических чертах становления некоммерческого сектора в России [5].

Современная модель гражданского общества типологически отличается от предыдущих моделей. «Третий сектор» сегодня является основополагающей основой для совершенствования демократической государственности. В этой связи термин «социальное государство», который вошел в оборот с середины XX века, был предназначен подчеркнуть способность государства осуществлять современную социальную политику – создание системы социальной защиты, социальной безопасности, социального партнерства и приоритетность этих задач. Это отражает новые реалии взаимодействия с гражданским обществом. Государство утратило монопольное положение регулятора социальной политики, в его недрах зародилась сложная сеть социальных организаций и институтов, которые

возникли в среде гражданского общества и стали строить новую систему взаимодействия с государством [2]. Эта система получила название «межсекторное социальное партнерство», тип конструктивного взаимодействия организаций государства (первого сектора), бизнеса (второго сектора) и гражданского общества, неправительственных организаций (третьего сектора) в решении социально значимых проблем всего общества.

Сформировавшиеся в России за последние годы социально-политические и экономические условия таковы, что институты некоммерческого сектора действуют слабо и малоэффективно без помощи и поддержки со стороны государства. Опыт большинства демократических стран показал, что равноправие, партнерские отношения государства с институтами гражданского общества являются важным условием прочности властных структур, а, следовательно, и эффективности экономического развития. В современных условиях возникла сложная сеть общественных организаций и институтов, которые сформировались в среде «третьего сектора» и стали по-новому выстраивать систему взаимодействия с государством.

Литература

1. Алексеева Л. М. «Третий сектор» и власть // *Общественные науки и современность*. 2009. № 6.
2. Алиева А. В. Государственный сектор в системе регулирования экономики // *Сборник трудов III Всероссийской зимней школы по институциональной экономике*. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2010.
3. Галкина Е. В. Демократия и гражданское общество (поиск оптимальных моделей и путей развития) // *Власть*. 2009. № 4.
4. Коновалова Л. Н., Якимец В. Н. *Гражданское общество в реформируемой России: проблемы, механизмы взаимодействия, международные аспекты*. М.: ГУУ, 2008.
5. Рыбасова М. В. Стратегическое направление государства и гражданских институтов в достижении экономического роста // *Экономический анализ: теория и практика*. Научно-практический и аналитический журнал. 2012. № 8 (263).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абдрашитов Элик Геннадьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Института социально-гуманитарных знаний (г. Казань) / b-el@rambler.ru.

Алиева Анжела Валерьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры философских и социально-гуманитарных дисциплин Института дружбы народов Кавказа (г. Ставрополь) / mrybasova@yandex.ru.

Бредихин Сергей Николаевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь) / bredichinsergey@yandex.ru.

Гаврилова Оксана Сергеевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры культуры русской речи Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь) / gavrilo.ksenya@list.ru.

Галкина Елена Вячеславовна – доктор политических наук, профессор кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь) / galkina_e@rambler.ru.

Гладышев Андрей Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории нового и новейшего времени Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского (г. Саратов) / Gladav2002@mail.ru.

Головина Эльза Тариеловна – заведующий библиотекой Ставропольского президентского кадетского училища (г. Ставрополь) / golovina.elza@yandex.ru.

Ермаков Виктор Павлович – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии Пятигорского государственного лингвистического университета (г. Пятигорск) / ermakov@pglu.ru.

Касевич Екатерина Викторовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права Юридического института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь) / ket19732007@rambler.ru.

Клычников Юрий Юрьевич – доктор исторических наук, профессор кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии Пятигорского государственного лингвистического университета (г. Пятигорск) / klichnikov@mail.ru.

Койбаев Борис Георгиевич – доктор политических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Северо-Кавказского горно-металлургического института (государственного технологического университета) (г. Владикавказ) / koibaevbg@mail.ru.

Крючков Игорь Владимирович – доктор исторических наук, заведующий кафедрой зарубежной истории, политологии и международных отношений Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь) / igory5@yandex.ru.

Лисюченко Игорь Васильевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры государственно-правовых, общегуманитарных и социальных дисциплин Ставропольского филиала Московского государственного педагогического университета (г. Ставрополь) / tigerris@yandex.ru.

Лохова Ирина Владимировна – аспирант кафедры истории древнего мира и средних веков Северо-Осетинского государственного университета (г. Владикавказ) / irchik148@rambler.ru.

Луговая Екатерина Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Ставропольского государственного педагогического института университета (г. Ставрополь) / ek.lugovaya@yandex.ru.

Мамедова Татьяна Назимовна – кандидат исторических наук, преподаватель кафедры креативно-инновационного управления и права Пятигорского государственного лингвистического университета (г. Пятигорск) / ermakov@pglu.ru.

Маценко Максим Сергеевич – магистр политологии, аспирант кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь) / vshistory@mail.ru.

Птицын Андрей Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь) / ptiandr@gmail.com.

Рачков Евгений Сергеевич – аспирант Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина (г. Харьков, Украина) / e.historian@gmail.com.

Рыбасова Марина Валерьевна – кандидат политических наук, доцент кафедры экономической теории и мировой экономики Института экономики и управления Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь) / mrybasova@yandex.ru.

Станкевич Галина Викторовна – доктор политических наук, кандидат юридических наук, профессор кафедры гражданского права и процесса Пятигорского государственного лингвистического университета (г. Пятигорск) / stankevichg@rambler.ru.

Сызранов Андрей Вячеславович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России; доцент кафедры зарубежной истории и регионоведения Астраханского государственного университета (г. Астрахань) / A_Sizranov@mail.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Abdrashitov Elik E. – PhD in Historical Sciences, Associate Professor of Chair of Theory and History of State and Law of Institute of Social and humanities (Kazan) / b-el@rambler.ru.

Aliyeva Angela V. – PhD in Historical Sciences, Associate Professor of Chair of philosophical and social and humanitarian disciplines of Institute of Friendship of Caucasian Peoples (Stavropol) / mrybasova@yandex.ru.

Bredikhin Sergey N. – Dr. of Philology Sciences, Associate Professor of Chair of Theory and Practice of Translation and Interpreting of Institute of Humanities of North Caucasus Federal University (Stavropol) / bredichinsergey@yandex.ru.

Gavrilova Oksana S. – PhD of Philology Sciences, Senior Lecturer of Chair of Culture of Russian Speech of Institute of Humanities of North Caucasus Federal University (Stavropol) / gavrilova.ksenya@list.ru.

Galkina Elena V. – Dr. of Political Science, Professor of Chair of Foreign History, Political Science and International Relations of Institute of Humanities of North Caucasus Federal University (Stavropol) / galkina_e@rambler.ru.

Gladyshev Andrey V. – Dr. of Historical Sciences, Professor of Chair of Modern and Contemporary History Saratov State University (Saratov) / Gladav2002@mail.ru.

Golovina Elsa T. – Head of Library Stavropol Presidential Cadet School (Stavropol) / golovina.elza@yandex.ru.

Ermakov Viktor P. – PhD in Historical Sciences, Head of The Chair of Historical, Socio-Philosophical Disciplines, Oriental Studies And Theology of Pyatigorsk State Linguistic University (Pyatigorsk) / ermakov@pglu.ru.

Kasevich Ekaterina V. – PhD in Historical Sciences, Associate Professor of Chair of Administrative and Financial Law of Institute of Law of North Caucasus Federal University (Stavropol) / ket19732007@rambler.ru.

Klychnikov Yuri Y. – Dr. of Historical Sciences, Professor of Chair of Historical, Socio-Philosophical Disciplines, Oriental Studies And Theology of Pyatigorsk State Linguistic University (Pyatigorsk) / klichnikov@mail.ru.

Koibaev Boris G. – Dr. of Political Sciences, Professor of Chair Theory and History of State and Law, North Caucasian Institute of Mining and Metallurgy (State Technological University) (Vladikavkaz) / koibaevbg@mail.ru.

Kryuchkov Igor V. – Dr. of Historical Sciences, Head of Chair of Foreign History, Political Science and International Relations of Institute of Humanities of North Caucasus Federal University (Stavropol) / igory5@yandex.ru.

Lisyuchenko Igor V. – PhD in Historical Sciences, Associate Professor of Chair of public Law, Humanities and Social Sciences of Moscow State Pedagogical University (Stavropol branch) / tigerris@yandex.ru.

Lohova Irina V. – Post Graduate of Chair of Ancient History and Middle Ages of Ossetian State University (Vladikavkaz) / irchik148@rambler.ru

Lugovaya Ekaterina A. – PhD in Philology Sciences, Associate Professor of Chair of Russian Language of Stavropol State Pedagogical Institute (Stavropol) / ek.lugovaya@yandex.ru.

Mamedova Tatyana N. – PhD in Historical Sciences, Teacher of Chair of Creative and Innovative Management and Law of Pyatigorsk State Linguistic University (Pyatigorsk) / ermakov@pglu.ru.

Mazenko Maxim S. – Magister of Political Science, PhD student of of Chair of Foreign History, Political Science and International Relations of Institute of Humanities of North Caucasus Federal University (Stavropol) / vshistory@mail.ru.

Ptitsyn Andrei N. – PhD in Historical Sciences, Associate Professor of Chair of of Foreign History, Political Science and International Relations of Institute of Humanities of North Caucasus Federal University (Stavropol) / ptiandr@gmail.com.

Rachkov Evgeni S. – PhD student of V.N. Karazin Kharkiv National University (Kharkiv, Ukraine) / e.historian@gmail.com.

Rybasova Marina V. – PhD in Political Sciences, Associate Professor of Chair of Economic Theory and World Economics of Institute of Economics and Management of North Caucasus Federal University (Stavropol) / mryba-sova@yandex.ru.

Stankevich Galina V. – Dr. of Political Sciences, PhD in Jurisprudence, Professor of Chair of Civil Law and Civil Procedure of Pyatigorsk State Linguistic University (Pyatigorsk) / stankevichg@rambler.ru.

Syzranov Andrew V. – PhD in Historical Sciences, Associate Professor of Chair of Russian History; Associate Professor of Chair of Foreign History and Area Studies of Astrakhan State University (Astrakhan) / A_Sizranov@mail.ru.

Научное издание

ГУМАНИТАРНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научно-теоретический журнал

2015. № 3 (7)

Редактор, технический редактор Л. Г. Ерищян
Компьютерная верстка Н. П. Чивиджева
Дизайн обложки С. Ю. Томишкая

Подписано к печати 23.10.2015

Формат 60x84 1/8	Усл. п. л. 11,62	Уч.-изд. л. 11,12
Бумага офсетная	Заказ 260	Тираж 100 экз.

Отпечатано в Издательско-полиграфическом комплексе
ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет»
355009, г. Ставрополь, пр-т Кулакова, 2.